

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

Volume 22. No. 2

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

LEGAL CONCEPT

2023

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

Том 22. № 2

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2023

Volume 22. No. 2

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2023

Том 22. № 2

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2023. Vol. 22. No. 2

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

***Mainstream issue: “Subjective rights and legal obligations
under the socio-economic transformations”***

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФЦ77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **SciUp** (Russia), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof. Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof. Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, A.A. Lagutina*
Editor of English texts *D.A. Novak*
Making up *O.N. Yadykina*
Technical editing *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing June 16, 2023.

Date of publication: Aug. 10, 2023. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 16.7. Published pages 18.0.

Number of copies 500 (1st printing 1–31 copies).

Order 79. «C» 16.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House
of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.volsu.com>

English version of the website: <https://j.volsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2023. Т. 22. № 2

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера: «Субъективные права и юридические обязанности в условиях социально-экономических преобразований»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), SciUp (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Инишкова – главный редактор (г. Волгоград)
д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Т.В. Дерюгина (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Д.К. Лабин (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварардо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. А.В. Серебренникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: С.А. Астахова, А.А. Лагутина
Редактор английских текстов Д.А. Новак
Верстка О.Н. Ядыкиной

Техническое редактирование Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 16.06.2023 г.

Дата выхода в свет: 10.08.2023 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,7.
Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.).
Заказ 79. «С» 16.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета. Е-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Инишкова А.О. Теоретическая модель субъективных прав и юридических обязанностей: государственно-правовая реальность 6

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

Попов В.В. Субъективные права в непредписывающем правовом регулировании: методологические основы исследования 17

Устинов А.Н., Якимова Е.М. Особенности конституционного регулирования права на устойчивую национальную валюту в контексте конституционной реформы – 2020 24

Белова О.А. Добросовестность при исполнении контрагентом договорных обязательств, на примере договора НИОКР 30

Новикова Е.А. Специфика юридической ответственности эксперта как субъекта гражданско-правовых отношений 36

Гашенко И.В., Хорошунев М.Б. Смарт-контракты в финансовой сфере России 41

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Мамяшева Д.Р. Правовая природа актов стратегического планирования 50

Мун В.А. Традиционные семейные ценности в общественно-правовой мысли России в XIX – начале XX века 60

Мустафина-Бредихина Д.М., Артымук В.А. Порядок и источники финансирования здравоохранения в субъектах Российской Федерации 68

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Балтутите И.В. Особенности правового регулирования «зеленого» инвестирования в России 75

Гончаров А.И., Садков В.А. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации 82

Инишкова А.О. Распределенные реестры в интернет-торговле как ключевые технологии Индустрии 4.0 и объект правового регулирования ... 91

Квициния Н.В., Осадченко Э.О. Право пользования товарным знаком: регулирование передачи и пробелы в действующем законодательстве 102

Матыцин Д.Е. Развитие правового регулирования ключевых технологий Индустрии 4.0: цифровые токены как особые инвестиционные инструменты 109

Рыженков А.Я. Правовой режим водно-болотных угодий 114

Федосеев П.С. Правовая охрана традиционных семейных ценностей российским законодательством: поиск основополагающей парадигмы 123

Ширкова И.В. Проблемы правового регулирования права интеллектуальной собственности как товара 132

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Антонченко В.В. Неэффективность как имманентное свойство действующего уголовного наказания 139

Архипцев И.Н., Сарычев А.В., Барботько А.О. Проблемы профилактики преступности среди несовершеннолетних 147

Чан Фи Лонг. Система наказаний для физических лиц по Уголовному кодексу Социалистической Республики Вьетнам 153

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

Абрамова С.Р. Некоторые особенности тактики производства следственного осмотра по уголовным делам о похищении человека 162

Фантров П.П., Захарья И.Т. Совершенствование деятельности органов прокуратуры в контексте исполнения законодательства о противодействии экстремизму 170

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

<i>Inshakova A.O.</i> A Theoretical Model of Equitable Rights and Legal Obligations: The State-Legal Reality	6
--	---

MAINSTREAM ISSUE

<i>Popov V.V.</i> Subjective Rights in Non-Prescriptive Legal Regulation: Methodological Foundations of the Study	17
<i>Ustinov A.N., Iakimova E.M.</i> Features of the Constitutional Regulation of the Right to a Stable National Currency in the Context of the Constitutional Reform of 2020	24
<i>Belova O.A.</i> Good Faith in the Performance of Contractual Obligations by the Counterparty, Through the Example of an R&D Contract	30
<i>Novikova E.A.</i> The Specifics of the Legal Responsibility of an Expert as a Subject of Civil Law Relations	36
<i>Gashenko I.V., Khoroshunov M.B.</i> Smart Contracts in the Financial Sector of Russia	41

THEORY AND PRACTICE OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT

<i>Mamyasheva D.R.</i> The Legal Nature of Strategic Planning Acts	50
<i>Mun V.A.</i> Traditional Family Values in the Social and Legal Thought of Russia in the 19 th – Early 20 th Centuries	60
<i>Mustafina-Bredikhina D.M., Artymuk V.A.</i> The Procedure and Sources of Healthcare Financing in the Constituent Entities of the Russian Federation	68

PRIVATE LAW

REGULATION ISSUES:

HISTORY AND CONTEMPORANEITY

<i>Balutite I.V.</i> The Regulatory Aspects of “Green” Investment in Russia	75
<i>Goncharov A.I., Sadkov V.A.</i> The Legal Nature of Digital Financial Assets According to the Legislation of the Russian Federation	82
<i>Inshakova A.O.</i> Distributed Registries in Internet Commerce as Key Technologies of Industry 4.0 and the Subject of the Legal Regulation	91
<i>Kvitsiniya N.V., Osadchenko E.O.</i> Trademark Right: The Transfer Regulation and Gaps in the Current Legislation	102
<i>Matytsin D.E.</i> The Legal Regulation Development of Key Technologies of Industry 4.0: Digital Tokens as Special Investment Instruments	109
<i>Ryzhenkov A.Ya.</i> The Legal Regime of Wetlands	114

<i>Fedoseev P.S.</i> Legal Protection of Traditional Family Values by the Legislation of Russian Federation: The Search for a Fundamental Paradigm	123
<i>Shirkova I.V.</i> Problems of the Legal Regulation of Copyright as a Commodity	132

CRIME PREVENTION AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION

<i>Antonchenko V.V.</i> Inefficiency as a Basic Property of the Current Criminal Punishment	139
<i>Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V., Barbotko A.O.</i> The Problems of Juvenile Crime Prevention	147
<i>Tran Phi Long.</i> The System of Punishments for Individuals According to the Criminal Code of the Socialist Republic of Vietnam	153

PROCEDURAL LAW: THEORY AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

<i>Abramova S.R.</i> Some Features of the Tactics of the Investigative Examination in Criminal Cases of Kidnapping	162
<i>Fantrov P.P., Zakharya I.T.</i> Improving the Activities of the Prosecutor's Office in the Context of Implementing the Legislation on Countering Extremism	170

www.volsu.ru

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1>

UDC 340.1

LBC 67.0

A THEORETICAL MODEL OF EQUITABLE RIGHTS AND LEGAL OBLIGATIONS: THE STATE-LEGAL REALITY

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The relevance of research. The main topic of the current issue of the legal journal “Legal Concept” = “Pravovaya Paradigma” deals with a very urgent and acute problem: the problem of socio-economic transformations affecting the equitable rights and legal obligations of citizens and legal entities in modern conditions. The editor analyzes the concepts of equitable right and legal obligations as elements of the theory of legal relations. The close interrelation of the categories “equitable right,” “rights and legitimate interests,” and “legal obligations” is revealed. Equitable rights and legal obligations are studied by the authors of the scientific papers on the main topic of the issue as elements of various areas of public relations arising in modern socio-economic realities. **The scientific novelty** of the conducted intersectoral research on some aspects of the preservation and defense of equitable rights is manifested in the fact that this category has undergone a significant evolution in terms of its understanding and interpretation, which is proved by the authors of the heading “The main topic of the issue” through the example of several branches of legal regulation as well as public relations, which are different in their social, economic, and legal nature. **The methodological framework** for the collective research is made up of general scientific methods of cognition used in the social sciences in general, including legal ones. They form a system of general, special, and private methods of scientific research. Among the most significant general methods of cognition are historical materialism, formal-logical and statistical methods, analysis, induction, deduction, and consistency. The special and private methods are presented in the scientific papers under this heading mainly by the legal-dogmatic (formal-legal), comparative-legal, and regression analysis methods. **The results of the study.** During the analysis of the scientific papers presented under the heading “The main topic of the issue,” the author of the editorial column turned to the fundamental works of famous Russian, Soviet, and modern scientists, whereby it was revealed that the category of “equitable right” is closely related to the category of “rights and legitimate interests” as well as to the category of “legal obligation.” It is established that the category of “rights and legitimate interests” is based on the concept of “equitable right.” The contribution to the formation and development of the doctrine of equitable rights, rights and legitimate interests of Russian lawyers, in particular Professors B.N. Chicherin, G.F. Shershenevich, S.A. Muromtsev, and Soviet and modern lawyers, in particular S.S. Alekseev, S.N. Bratusya, N.A. Barinov, S.A. Burmistrova, S.V. Tretyakov, Yu.N. Andreev, etc., is investigated. In turn, it is revealed that an equitable right in general terms as a claim is the right to protection or the right to a claim in the substantive sense, which makes it possible to enforce the debtor’s obligation in case of its breach by the latter. The concepts of equitable rights and legal obligations are analyzed within the framework of the theory of legal relations. **Conclusions.** It is proven that equitable rights are a measure of permissible behavior by a person. This is the possibility of positive behavior by the authorized person himself; the opportunity to demand the behavior from the obligor; the opportunity to resort to state coercion. It is established that the social attitude is primary, and equitable right and legal obligation constitute its elements, due to the fact that the transformations of the legal regulation of equitable right and legal obligation are directly dependent on the socio-economic transformations of the social order and are objectively subject to evolutionary processes.

Key words: equitable right, rights and legitimate interests, legal obligation, legal denotation, legal designation, R&D contract, civil responsibility, smart contract.

Citation. Inshakova A.O. A Theoretical Model of Equitable Rights and Legal Obligations: The State-Legal Reality. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 6-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1>

УДК 340.1

ББК 67.0

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ: ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования. Главная тема очередного номера юридического журнала «Legal Concept» = «Правовая парадигма» посвящена очень актуальной и острой проблеме – проблеме социально-экономических преобразований, влияющих на субъективные права и юридические обязанности граждан и юридических лиц в современных условиях. Редактором анализируются понятия субъективного права и юридических обязанностей в качестве элементов теории правоотношения. Раскрывается тесная взаимосвязь категорий «субъективное право», «права и законные интересы», «юридические обязанности». Авторами научных статей главной темы номера субъективное право и юридическая обязанность исследуются как элементы различных областей общественных отношений, возникающих в современных социально-экономических реалиях. **Научная новизна** проведенного межотраслевого исследования некоторых аспектов охраны и защиты субъективных прав проявилась в том, что данная категория претерпела значительную эволюцию с точки зрения ее понимания и толкования, что и доказано авторами рубрики «Главная тема номера» на примере нескольких отраслей правового регулирования, а также разных по своей социальной, экономической и юридической сути общественных отношений. **Методологическую основу** коллективного исследования составили общенаучные методы познания, применяемые в общественных науках в целом, в том числе и в юридической. Они образуют систему общих, специальных и частных методов научного исследования. Среди наиболее значимых общих методов познания метод исторического материализма, формально-логический метод, статистический, анализа, индукции, дедукции, системности. Специальные и частные методы представлены в научных статьях рубрики в основном юридико-догматическим (формально-юридическим) методом, сравнительно-правовым и методом регрессионного анализа. **Результаты исследования.** В ходе анализа научных статей, представленных в рубрике «Главная тема номера», автор редакторской колонки обратился к фундаментальным трудам известных российских, советских и современных ученых, в результате чего было выявлено, что категория «субъективное право» тесно связана с категорией «права и законные интересы», а также с категорией «юридическая обязанность». Установлено, что категория «права и законные интересы» опирается на понятие «субъективное право». Исследован вклад в становление и развитие учения о субъективных правах, правах и законных интересах российских юристов, в частности профессора Б.Н. Чичерина, Г.Ф. Шершеневича, С.А. Муромцева, советских и современных юристов, а именно С.С. Алексеева, С.Н. Братуся, Н.А. Барина, С.А. Бурмистровой, С.В. Третьякова, Ю.Н. Андреева и др. В свою очередь, выявлено, что субъективное право в общих чертах как притязание представляет собой право на защиту или право на иск в материально-правовом смысле, что обеспечивает возможность принудительно осуществить обязанность должника в случае ее неисполнения последним. Понятия субъективного права и юридических обязанностей проанализированы в рамках концепции теории правоотношения. **Выводы.** Обосновано, что субъективное право – это мера дозволенного поведения субъекта. Это возможность позитивного поведения самого уполномоченного лица; возможность требовать такого же поведения от обязанного лица; возможность прибегнуть к государственному принуждению. Установлено, что первично общественное отношение, а субъективное право и юридическая обязанность составляют его элементы, в связи с чем трансформации правового регулирования субъективного права и юридических обязанностей находятся в непосредственной зависимости от социально-экономических преобразований общественного уклада и объективно подвержены эволюционным процессам.

Ключевые слова: субъективное право, права и законные интересы, юридическая обязанность, правовой денотат, правовой десигнат, договор НИОКР, гражданско-правовая ответственность, смарт-контракт.

Цитирование. Иншакова А. О. Теоретическая модель субъективных прав и юридических обязанностей: государственно-правовая реальность // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.1>

Главная тема очередного номера юридического журнала «Legal Concept» = «Правовая парадигма» посвящена проблеме социально-экономических преобразований, влияющих на субъективные права и юридические обязанности граждан и юридических лиц в современных условиях.

Категория «субъективное право» тесно связана с категорией «права и законные интересы». Точнее сказать, категория «права и законные интересы» опирается на понятие «субъективное право». Вклад в становление и развитие учения о субъективных правах, правах и законных интересах внесли русские юристы, в частности профессора Б.Н. Чичерин [21, с. 80], Г.Ф. Шершеневич [23, с. 202], С.А. Муромцев [15, с. 67], советские и современные юристы, а именно С.С. Алексеев [1, с. 95–96], С.Н. Братусь [6], Н.А. Баринов [5, с. 71], С.А. Бурмистрова [7], С.В. Третьяков [18; 19, с. 87]. В 2022 г. издана монография Юрия Николаевича Андреева «Интересы в современном российском праве: теория и практика» [3].

Из анализа перечисленных фундаментальных трудов становится ясно, что субъективное право – это мера дозволенного поведения субъекта. Это возможность позитивного поведения самого уполномоченного лица; возможность требовать поведения от обязанного лица; возможность прибегнуть к государственному принуждению.

Базовые параметры волевой теории фон Савиньи сформулированы С.В. Третьяковым следующим образом: 1) субъективное право – это прежде всего власть, господство, но не в смысле *dominium*, а господство воли, которое имеет свою естественную сферу, в пределах которой власть воли осуществляется; 2) субъективное право понимается как абстракция, выделенная из понятия правоотношения и поэтому являющаяся частью целого, элементом правоотношения; 3) правоотношение определяется нормами объективного права [19, с. 87].

Субъективные права претерпели значительную эволюцию с точки зрения их пони-

мания и толкования. Как указывал Ф.Ф. Кокошкин, первоначальное распространение получила идущая от Гегеля концепция «формального» определения субъективного права, которой был нанесен «решительный удар Иерингом». В связи с этим Ф.Ф. Кокошкин пишет: «Несомненно, что в субъективном праве есть элемент господства одной человеческой воли над другой. Но в этом нельзя видеть все содержание понятия права в субъективном смысле. Неверность приведенного формального определения права ясно обнаруживается в том, что субъективные права принадлежат и таким лицам, чья воля господствовать не может» [13, с. 112].

По мнению Г.Ф. Шершеневича, субъективное право является мерой свободы действий субъекта, направленных к осуществлению его интереса [23, с. 202].

Крупнейший русский философ права Б.Н. Чичерин писал о праве так: «Это слово (право), как известно, понимается в двояком значении: субъективном и объективном. Субъективное право определяется как нравственная возможность или иначе как законная свобода что-либо делать или требовать. Объективное право – есть самый закон, определяющий эту свободу. Соединение обоих смыслов дает нам общее определение: право есть свобода, определяемая законом» [21, с. 80].

М.М. Агарков анализирует понятие субъективного права как элемент теории правоотношения. Первично общественное отношение, а субъективное право и юридическая обязанность составляют его элементы. Примечательно, что анализ элементов правоотношения начинается с категории юридической обязанности, а не субъективного права, как это можно было ожидать от цивилиста. Понятие субъективного права отождествляется М.М. Агарковым с понятием притязания и определяется как «закрепленная нормой права за лицом возможность привести в действие государственный аппарат для принятия мер принуждения против обязанного лица в случае неисполнения последним своей обязанности» [16, с. 475].

Иными словами, притязание (субъективное право), с точки зрения М.М. Агаркова, представляет собой право на защиту или право на иск в материально-правовом смысле. Это не право требования управомоченного к обязанному лицу, а возможность принудительно осуществить обязанность должника в случае ее неисполнения последним.

При этом сама категория юридической обязанности также определяется нетипично с точки зрения последующей традиции. Юридической обязанностью, по мнению М.М. Агаркова, является «установленная нормой права связанность лица в вопросе о том, допустимо ли ему совершить или не совершить определенное действие» [16, с. 475].

Вероятнее всего, автор ориентировался на римское определение обязательства как правовой связи и генерализировал его в общем понятии юридической обязанности [20]. Далее М.М. Агарков расшифровывает понятие связанности: «Если норма права предписывает лицу совершить какое-либо действие, то лицо этим связано. Несовержшение этого действия является недопустимым, недозволенным. Если норма права предписывает лицу воздержаться от совершения определенного действия, то недопустимым, недозволенным будет совершение этого действия» [16, с. 475]. Очевидно, что здесь понятие связанности употребляется в смысле наличия юридического императива. Надо отметить, что термин «юридическая связанность» употребляется в теории частного права и в другом смысле, как коррелят секундарного (преобразовательного) права. В последнем случае юридическая связанность как раз противопоставляется юридической обязанности.

С.С. Алексеев определял субъективное право как принадлежащую субъекту меру возможного поведения, обеспечиваемую государством. При этом разновидностями субъективных прав являются: 1) субъективные права, содержание которых сводится лишь к праву (правомочию) требования; 2) субъективные права, которые дают самому субъекту возможность своего собственного активного поведения [1, с. 95–96].

В структуру субъективного права, по мнению С.С. Алексеева, включаются: 1) право-правомочие на собственные действия;

2) право-требование к обязанному лицу; 3) право-притязание [2, с. 118, 120]. Именно последнее, по мысли немецких ученых, отождествляется с правом на иск, независимо от того, рассматривается ли такое право-притязание как составная часть субъективного права или является производным от него [22, с. 202–204].

Как писал Н.А. Баринов, «заложенные в нормах объективного права возможности превращаются в реальные, конкретные возможности и притязания посредством юридических фактов и, прежде всего, волевых действий субъектов, в результате чего и возникает субъективное право» [5, с. 71].

При анализе понятия и характеристик субъективного права целесообразно различать виды субъективных прав применительно к их отраслевой принадлежности. Поскольку одна отрасль права отличается от другой методом регулирования общественных отношений (а также предметом, основными своими функциями и принципами), то и субъективные права будут иметь свои конституирующие специфические черты [8].

Субъективное право в административном, таможенном, налоговом, финансовом или уголовном праве (в публичном праве), на наш взгляд, можно определить как «меру разрешенного поведения, обеспечиваемого государством», поскольку все действия управомоченного лица строго регламентированы соответствующим законодательством. Так, в административном, налоговом, таможенном праве преобладают предписания обязывающего характера, а в уголовном праве – властные предписания (обязывания) и правовые запреты.

Субъективное право в семейных, трудовых, земельных, природоресурсных, гражданско-процессуальных и арбитражно-процессуальных правоотношениях представляет собой «меру дозволенного (допустимого) поведения» управомоченного лица, поскольку в данных правовых отраслях действуют как частноправовые, так и публично-правовые методы регулирования, императивный метод сочетается с диспозитивным методом.

В свою очередь, субъективное право в гражданских правоотношениях – это «вид и мера возможного поведения», наделенного правом субъекта. Данная направленность

объясняется особенностями гражданско-правового регулирования: юридическим равенством участников регулируемых отношений, преобладания в их деятельности правовой инициативы и самостоятельности, правонаделением, доминированием диспозитивных правовых предписаний («дозволено все то, что не запрещено законом») и другими.

Ученые-правоведы дают общетеоретические дефиниции субъективного права. Универсальное, общетеоретическое определение понятия субъективного права не совсем точно может выразить сущность, общую направленность конкретного права у того или иного лица, соответствующую методам и принципам определенной отрасли права.

При определении понятия субъективного права целесообразно раскрывать его применительно к конкретной отраслевой принадлежности, то есть субъективное гражданское право, субъективное уголовное право, субъективное административное право, субъективное процессуальное право и т. д., поскольку в ином случае (указания не конкретизированного, то есть общего понятия субъективного права) оно будет таить в себе погрешность. Понятие и содержание субъективного права должно быть адекватно отраслевому характеру регулируемых общественных отношений.

Основной характер субъективных гражданских прав заключается в том, что они подлежат частному распоряжению сторон [11]. Содержание субъективного гражданского права включает в себя: а) право лица собственными действиями или бездействием реализовывать гражданские права; б) право требовать от других лиц соблюдения своего субъективного гражданского права; в) возможность использовать субъектом предусмотренные законом способы и средства защиты своего права; г) право на самозащиту; д) по соглашению сторон возможность хозяйствующего субъекта обращаться в третейский суд (негосударственный юрисдикционный орган) для разрешения спора; е) право лица обращаться в соответствующие государственные органы в случае нарушения субъективного гражданского права; ж) право обращаться в суд общей юрисдикции, в арбитражный суд, в Конституционный Суд РФ (а в некоторых случаях – в международные суды) с целью защиты своих прав.

Субъективные гражданские права, вообще, есть такие отношения, которые могут быть юридически защищены по инициативе частного лица. Согласно С.А. Муромцеву, эти права следует считать известными в данном обществе, как только в нем появляется юридически защищаемое индивидуальное обладание имуществом. Главным же для данного исследования является следующий вывод С.А. Муромцева: «Существенный прогресс в развитии произошел лишь тогда, когда, кроме права защиты, к субъектам индивидуального обладания перешло право распоряжения, т. е. тогда, когда гражданские права не только защищались, но также устанавливались и прекращались по инициативе частных лиц» [15, с. 67].

Юридическая обязанность – это вторая существенная часть юридического содержания правоотношения, представляющая собой предписанную обязанному лицу меру необходимого поведения, которой лицо должно следовать в соответствии с требованиями управомоченного в целях удовлетворения его интересов. «Необходимость» применительно к юридической обязанности понимается не в смысле объективной закономерности, а в смысле долженствования, основанного на требованиях юридических норм. Обязанное лицо должно поступить только так, а не иначе: иногда выбора в пределах данного правоотношения у него нет. При этом нормы права устанавливают точные границы должного поведения» [17, с. 46].

Субъективное право в широком смысле есть всякое формально признанное общественно-целесообразным коренное отношение субъекта к объекту, независимо от характера сосуществующих с ним отношений субъекта к органам и лицам, призванным охранять спокойное пользование субъекта его правами [12].

Субъективное право в узком смысле есть лишь такое формально признанное общественно-целесообразным коренное отношение субъекта к объекту, которое сосуществует с особым отношением субъекта к суду, в силу которого в случае нарушения или опасности нарушения права на основании особого распорядительного акта субъекта – иска – может быть установлено дальнейшее отношение уже не между субъектом и судом, а между судом и обеими спорящими сторонами.

Итак, субъективные права в тесном смысле отличаются от других субъективных прав не по существу, а только по характеру сосуществующих с ними дополнительных отношений к органам и лицам, призванным охранять спокойное пользование субъекта его правами. Различие это, конечно, чисто относительное, чем и объясняется то обстоятельство, что сегодняшнее право в широком смысле завтра может приобрести характер права в узком смысле, и наоборот. Вместе с тем это обстоятельство служит лучшим доказательством желательности объединения обоих отношений под одним общим именем субъективных прав.

Обращаясь, с учетом вышеизложенного, к характеристике специфических особенностей субъективного права в узком смысле, мы можем свести их к следующим главным пунктам.

Необходимо различать, как явствует из вышеизложенного, три отношения: 1) отношение субъекта к объекту; 2) отношение субъекта к суду и 3) отношение между судом и спорящими сторонами.

Так как наличие первого отношения составляет признак, общий всем субъективным правам, то нам в настоящее время необходимо остановиться только на втором и третьем отношении.

Итак, во-первых, для признания данного коренного отношения субъекта к объекту субъективным правом в узком смысле должна существовать возможность на случай нарушения или опасности нарушения права найти судебную помощь, то есть наряду с отношением субъекта к объекту должно существовать отношение субъекта к суду. Этим исключаются все отношения, нарушение которых преследуется только административными инстанциями.

Во-вторых, это отношение субъекта к суду должно быть таковым, что только субъект может обратиться к суду, но суд сам по себе не может принять дело к рассмотрению. Другими словами, обращение в суд должно быть правом (в широком смысле) субъекта по отношению к суду, причем суд является объектом этого права. Выражением этого права является предъявление иска или жалобы. Этим устраняются все те отношения, на-

рушение которых хотя и преследуется судебным порядком, но помимо участия непосредственно заинтересованного лица.

В-третьих, непосредственным последствием предъявления иска должно быть установление дальнейшего отношения между судом и спорящими сторонами. Другими словами, предъявление иска или жалобы должно быть не только безусловно необходимым, но (при соблюдении законных формальностей) и единственным условием для установления отношения между судом и спорящими сторонами. Этим устраняются все те отношения, нарушение которых хотя и преследуется судом не иначе как при наличии соответствующего заявления заинтересованного лица, но при которых это заявление само по себе недостаточно для рассмотрения дела судом по существу.

Таковы основные отличительные особенности субъективных прав в узком смысле.

Сущность законных интересов (интересов в праве, правовых интересов, охраняемых законом интересов) составляет юридическая дозволенность, отраженная в объективном праве (в норме права) либо вытекающая из его общего смысла и в определенной степени гарантированная государством.

Предназначением законных интересов является удовлетворение материальных и духовных потребностей носителя этих интересов. Интерес – это осознанная необходимость удовлетворять потребности. Законные интересы – это социально-значимые интересы, отраженные в нормах объективного права и в правомочиях носителя субъективного права, а также интересы, вытекающие из смысла (духа, принципов) закона.

Законные интересы – это не только дозволение, разрешение, но и не запрещаемое стремление граждан к достижению определенных благ по формуле: «все, что не запрещено, то дозволено», то есть они обладают некоторым качеством правовой возможности.

В отличие от субъективного права, законным интересам не соответствует чья-либо юридическая обязанность, но законные интересы являются самостоятельным правовым средством. Законные интересы существуют там, куда субъективное право не может проникнуть, не должно проникать.

Субъективное право носит индивидуально-определенный характер, а законный интерес, не будучи отраженным в законодательстве, не предусмотрен конкретными правовыми предписаниями.

Понятие «законные интересы» содержится в Конституции РФ: публичными интересами являются защита основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц, охрана здоровья, окружающей среды и т. д. В ст. 1 ГК РФ закреплено: граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе – как принцип гражданского права [9]. Законные интересы закреплены в ст. 3 ГПК РФ (возможность обращения в суд за защитой нарушенных прав и законных интересов) [10], в ст. 4 АПК РФ, которая прямо предусматривает защиту нарушенных прав и законных интересов [4].

В настоящее время ссылки в правоприменительных актах на значимые (законные) интересы стали практически традиционными, например: признание ненормативного акта недействительным, если нарушены законные интересы заявителя; мировое соглашение не может нарушать права и законные интересы других лиц и противоречить закону; охрана и защита вещных прав и связанных с ними законных интересов; жилищные права и законные интересы находят удовлетворение и судебную защиту; и т. д.

Количество интересов значительно превышает количество правовых норм, и развитие самих интересов происходит намного динамичнее. Удовлетворение частного интереса происходит по собственному усмотрению субъекта гражданского права и согласно его воле, но с учетом законных ограничений.

Понятие «законные интересы» все чаще становится предметом специального изучения в «тени» субъективного права [14, с. 47–48].

Многие как уже именитые, так и молодые ученые полагают, что категория «субъективное право» малоизучена как в теории права, так и в действующем правовом регулировании [19, с. 14].

Так, статья «Субъективные права в непредписывающем правовом регулировании: методологические основы исследования» кан-

дидата юридических наук, доцента, доцента кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России В.В. Попова посвящена исследованию категории субъективных прав в действующем правовом регулировании. По мнению автора, недостаточная изученность субъективного права препятствует созданию корректного научного фундамента для совершенствования не только юридической деятельности, но также и всего государственного управления. В результате анализа онтологического статуса субъективного права в информационном аспекте автор делает вывод, что данное право не имеет собственной прескриптивной природы, но связано с предписаниями в контексте модели правового семиотического треугольника. Прагматический аспект анализа регулятивной природы субъективных прав позволяет найти реальное место данных прав в механизме непредписывающего правового регулирования. Автор делает вывод о том, что в логико-семантическом контексте субъективное право является не предписанием, но дублирующим либо косвенным экспонентом юридического предписания. Вместе с тем особенности формулирования такого экспонента относятся к факторам прагматического, политико-идеологического характера. Учет данных факторов позволяет интерпретировать субъективные права как особые социально-правовые оценки, которые относятся к малоизученному юридической наукой явлению, имеющему исключительно важную практическую значимость.

Авторы А.Н. Устинов – главный консультант отдела по защите прав и свобод человека в уголовном процессе и в местах принудительного содержания аппарата Уполномоченного по правам человека в Иркутской области и Е.М. Якимова – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и административного права Байкальского государственного университета в статье «Особенности конституционного регулирования права на устойчивую национальную валюту в контексте конституционной реформы – 2020» исследуют право на устойчивую национальную валюту в качестве одного из видов экономических прав граждан, обеспечивающих реализацию личных, политических,

социальных и иных экономических прав, поскольку стабильность национальной валюты позволяет гражданам и государству планировать затраты на реализацию прав и гарантировать обеспечение принятых государством на себя обязательств. Авторы отмечают, что в ходе конституционной реформы – 2020 рассматриваемое право получило дополнительную конституционную регламентацию, что потребовало научного осмысления. Сделан вывод, что несмотря на корректировку положений Конституции России еще сохранен потенциал совершенствования конституционного и текущего законодательства, реализация которого позволила бы обеспечить гарантированность реализации права на устойчивость национальной валюты Российской Федерации.

В статье «Добросовестность при исполнении контрагентом договорных обязательств, на примере договора НИОКР» автор О.А. Белова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления филиала – РАНХиГС исследует заложенный в гражданское законодательство постулат – добросовестность действий как параметр, моделирующий поведение участников гражданского оборота, стимулирующий выработку поведения, при котором ни один из участников обязательства не может извлекать преимущество, умышленно лавируя в ситуации пробельности нормативных положений. Автором установлено, что в условиях правового пробела регламентации момента исполнения договора НИОКР и приема результата выполненных работ недобросовестность заказчика, выражающаяся в затягивании приема работ, либо отказ от результатов по надуманным предложениям, не является редкостью. Именно поэтому исследование законодательных и правоприменительных аспектов недобросовестного поведения заказчика в договорах НИОКР в момент его исполнения, а также выработка предложений по совершенствованию гражданского законодательства составили цель научной статьи. Автором проведен анализ сложившейся судебной практики по экономическим спорам на предмет возможности применения правил об аналогии закона в условиях пробельности гражданского законодательства об одностороннем подписании

акта (гл. 37 Гражданского кодекса РФ). Сделан вывод о том, что сложившийся законодательный пробел при формировании диаметрально противоположных путей разрешения судебных конфликтов и дуальности судебной практики должен быть решен исключительно на законодательном уровне посредством внесения изменений в параграф 1 гл. 37 ГК РФ. В частности, предлагается авторская редакция дополнения п. 2 ст. 720 ГК РФ. Статья Е.А. Новиковой – эксперта экспертно-криминалистического отделения Волгоградского линейного управления МВД России на транспорте «Специфика юридической ответственности эксперта как субъекта гражданско-правовых отношений» посвящена общепольной деятельности экспертов в современном обществе, которые играют важную роль в различных его областях. Как неотъемлемый фактор обеспечения законности в системе экспертной деятельности исследуется юридическая ответственность эксперта. В ходе исследования вопроса юридической ответственности эксперта за нарушение им своих обязанностей внимание автора концентрируется на гражданском производстве. Проведен анализ юридической ответственности, которая может применяться к эксперту за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей в рамках гражданско-правовых отношений, требующих особых навыков эксперта в области установления специфики имущественной ответственности. Выявлены характерные признаки гражданско-правовой ответственности эксперта. Разработаны рекомендации относительно совершенствования положений законодательства в сфере ответственности эксперта, повышающие качество его работы.

В статье «Смарт-контракты в финансовой сфере России» авторов И.В. Гашенко и М.Б. Хорошунова из Ростовского государственного экономического университета (РГЭУ (РИНХ)) исследуются юридические возможности смарт-контрактов как одной из перспективных и распространенных в ФинТех цифровых инноваций, обладающих потенциалом повышения финансовой устойчивости экономики и предпринимательства на базе цифровой модернизации других отраслей, включая цифровое право. Изучается статистика

IMD, составлен профиль развития смарт-контрактов в РФ в 2021 году. Проведен факторный анализ развития смарт-контрактов в РФ в 2013–2021 гг. с помощью метода регрессионного анализа. Составлен прогноз и определены альтернативные сценарии развития смарт-контрактов в России. Результаты моделирования, прогнозирования и предложенные авторские рекомендации обозначили перспективы развития смарт-контрактов в финансовой сфере в России.

Таким образом, анализ, проведенный редакционной коллегией в контексте заявленного коллективного исследования, позволяет заключить, что первично общественное отношение, а субъективное право и юридическая обязанность составляют его элементы, в связи с чем трансформации правового регулирования субъективного права и юридических обязанностей находятся в непосредственной зависимости от социально-экономических преобразований общественного уклада и объективно подвержены эволюционным процессам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Государство и право. Начальный курс / С. С. Алексеев. – 2-е изд. – М. : Юрид. лит., 1994. – 189 с.
2. Алексеев, С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – 359 с.
3. Андреев, Ю. Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика / Ю. Н. Андреев. – М. : Проспект, 2023. – 496 с.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
5. Баринов, Н. А. Проблема обеспечения субъективного права граждан на удовлетворение имущественных потребностей / Н. А. Баринов // Проблемы обеспечения субъективных прав в современной России : тез. докл. юбилейной науч.-практ. конф. Волгоград, 23 нояб. 2001 г. / [редкол.: В. С. Посник (отв. ред.) и др.]. – Волгоград : Изд-во ВАГС, 2001. – 156 с.
6. Братусь, С. Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав / С. Н. Братусь // Советское государство и право. – 1949. – № 8. – С. 30–37.
7. Бурмистрова, С. А. Субъективные права и законные интересы: каким должен быть результат судебной защиты / С. А. Бурмистрова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 1. – С. 7–10.
8. Вавилин, Е. В. Субъективное гражданское право и его реализация / Е. В. Вавилин // Власть закона. – 2015. – № 1. – С. 43–51.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
11. Гредескул, Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права / Н. А. Гредескул. – Харьков : Тип. А. Дарре, 1900. – 235 с.
12. Grimm, D. D. Юридическое отношение и субъективное право / Д. Д. Гримм // Вестник гражданского права. – 2022. – № 2. – С. 136–174.
13. Кокошкин, Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин. – М. : Зерцало, 2004. – 260 с.
14. Матыцин, Д. Е. Дистанционные инвестиционные сделки: регулирование взаимных интересов и защита прав участников : дис. ... д-ра юрид. наук / Матыцин Денис Евгеньевич. – М., 2023. – 386 с.
15. Муромцев, С. А. Гражданское право Древнего Рима / С. А. Муромцев. – М. : Статут, 2003. – 683 с.
16. Теория государства и права : учебник / М. А. Аржанов, С. Ф. Кечекьян, М. С. Строгович, М. М. Агарков ; науч. ред. М. А. Аржанов. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. – 512 с.
17. Толстой, Ю. К. К теории правоотношения / Ю. К. Толстой. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – 87 с.
18. Третьяков, С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Третьяков Сергей Васильевич. – М., 2022. – 52 с.
19. Третьяков, С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Третьяков Сергей Васильевич. – М., 2022. – 495 с.
20. Третьяков, С. В. Трудности интерпретации концепции субъективного права М.М. Агаркова // Вестник гражданского права. – 2022. – № 3. – С. 182–209.
21. Чичерин, Б. Н. Философия права : [сборник] / Б. Н. Чичерин. – СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1998. – 654 с.
22. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права : учеб. пособие. В 2 т. Т. 2 / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Изд-во Бр. Башмаковых, 1910.
23. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права : учеб. пособие : в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Юрид. колледж МГУ, 1995. – Т. 2.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Gosudarstvo i pravo. Nachal'nyj kurs* [State and Law. Initial Course]. Moscow, Yurid. lit., 1994. 189 p.
2. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava. Kurs v 2 t. T. 2* [General Theory of Law. Course in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Yurid. lit., 1982. 359 p.
3. Andreev Yu.N. *Interesy v sovremennom rossijskom prave: teoriya i praktika* [Interests in Modern Russian Law: Theory and Practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 496 p.
4. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ [Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 No. 95-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 30, art. 3012.
5. Barinov N.A. Problema obespecheniya subyektivnogo prava grazhdan na udovletvorenie imushchestvennyh potrebnoej [The Problem of Ensuring the Subjective Right of Citizens to Satisfy Property Needs]. *Problemy obespecheniya subyektivnyh prav v sovremennoj Rossii: tez. dokl. yubilejnoj nauch.-prakt. konf. Volgograd, 23 noyab. 2001 g.* [Problems of Ensuring Subjective Rights in Modern Russia: Abstracts of the Anniversary Scientific and Practical Conference]. Volgograd, Izd-vo VAGS, 2001. 156 p.
6. Bratus' S.N. O sootnoshenii grazhdanskoj pravospobnosti i subyektivnyh grazhdanskih prav [On the Correlation of Civil Legal Capacity and Subjective Civil Rights]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1949, no. 8, pp. 30-37.
7. Burmistrova S.A. Subyektivnye prava i zakonnye interesy: kakim dolzhen byt' rezul'tat sudebnoj zashchity [Subjective Rights and Legitimate Interests: What Should be the Result of Judicial Protection]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process* [Arbitration and Civil Procedure], 2022, no. 1, pp. 7-10.
8. Vavilin E.V. Subyektivnoe grazhdanskoe pravo i ego realizaciya [Subjective Civil Law and Its Implementation]. *Vlast' zakona* [The Power of Law], 2015, no. 1, pp. 43-51.
9. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.
10. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ [Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 46, art. 4532.
11. Gredeskul N.A. *K ucheniyu ob osushchestvlenii prava. Intellektual'nyj process, trebuyushchij dlya osushchestvleniya prava* [To the Doctrine of the Exercise of Law. Intellectual Process Required for the Exercise of Law]. Har'kov, Tip. A. Darre, 1900. 235 p.
12. Grimm D.D. Yuridicheskoe otnoshenie i subyektivnoe pravo [Legal Attitude and Subjective Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2022, no. 2, pp. 136-174.
13. Kokoshkin F.F. Lekcii po obshchemu gosudarstvennomu pravu [Lectures on General State Law]. Moscow, Zercalo Publ., 2004. 260 p.
14. Matycin D.E. *Distancionnye investicionnye sdelki: regulirovanie vzaimnyh interesov i zashchita prav uchastnikov: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Remote Investment Transactions: Regulation of Mutual Interests and Protection of the Rights of Participants. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2023. 386 p.
15. Muromcev S.A. *Grazhdanskoe pravo Drevnego Rima* [Civil Law of Ancient Rome]. Moscow, Statut Publ., 2003. 683 p.
16. Arzhanov M.A. et al., eds. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law: Textbook]. Moscow, Gos. izd-vo yurid. lit., 1949. 512 p.
17. Tolstoj Yu.K. *K teorii pravootnosheniya* [To Theory Rights]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1959. 87 p.
18. Tret'yakov S.V. *Razvitie ucheniya o subyektivnom chastnom prave v zarubezhnoj civilistike: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.03* [Development of the Doctrine of Subjective Private Law in Foreign Civil Law. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2022. 52 p.
19. Tret'yakov S.V. *Razvitie ucheniya o subyektivnom chastnom prave v zarubezhnoj civilistike: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.03* [The Development of the Doctrine of Subjective Private Law in Foreign Civil Law. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2022. 495 p.
20. Tret'yakov S.V. Trudnosti interpretacii koncepcii subyektivnogo prava M.M. Agarkova [Works on the Interpretation of the Concept of Subjective Law by M.M. Agarkov]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law], 2022, no. 3, pp. 182-209.
21. Chicherin B.N. *Filosofiya prava: (sbornik)* [Philosophy of Law: (Collection)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., S.-Peterb. izd. firma, 1998. 654 p.
22. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava: ucheb. posobie. V 2 t. T. 2* [General Theory of Law: Textbook. In 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Izd-vo Br. Bashmakovyh, 1910.
23. Shershenevich G.F. *Obshchaya teoriya prava: ucheb. posobie: v 2 t.* [General Theory of Law: Textbook: in 2 volumes]. Moscow, Yurid. kolledzh MGU Publ., 1995, vol. 2.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, почетный работник науки и высоких технологий РФ, эксперт РАН, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.2>

UDC 340.132.1
LBC 67.0

Submitted: 16.03.2023
Accepted: 28.04.2023

SUBJECTIVE RIGHTS IN NON-PRESCRIPTIVE LEGAL REGULATION: METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY

Viktor V. Popov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction. Subjective rights have been and are the subject of scientific focus both in this country and abroad. However, all these numerous studies sinby myriad mistakes and inaccuracies. This is a serious obstacle to the creation of a relevant to objective state-legal reality theoretical model of the use of subjective rights in the legal regulation. In turn, this makes it impossible to formulate a correct scientific foundation for improving not only legal activity, but also the entire public administration. **Purpose.** To avoid the methodological problems of legal science that lead to the noted errors and inaccuracies, the paper does not allow mixing of political-ideological and scientific, logical, approach to the phenomena studied. As a **result** of the analysis of the ontological status of subjective law in the informational aspect, the author concludes that this right does not have its own prescriptive nature, but is associated with prescriptions in the context of the legal semiotic triangle model. The pragmatic aspect of the analysis of the regulatory nature of subjective rights makes it possible to find the real place of these rights in the mechanism of non-prescriptive legal regulation. **Conclusions.** In the logical-semantic context, subjective law is not a prescription, but a duplicate or indirect exponent of a legal prescription. At the same time, the specifics of the formulation of such an exponent relate to factors of a pragmatic, political and ideological nature. Taking into account these factors allows interpreting subjective rights as special socio-legal assessments of antelegem, prelegem, secundumlegem, praeterlegem, postlegem, which relate to a phenomenon poorly studied by legal science that has extremely important practical significance.

Key words: subjective law, legal exponent, legal denotation, legal designation, non-prescriptive legal regulation.

Citation. Popov V.V. Subjective Rights in Non-Prescriptive Legal Regulation: Methodological Foundations of the Study. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 17-23. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.2>

УДК 340.132.1
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 16.03.2023
Дата принятия статьи: 28.04.2023

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА В НЕПРЕДПИСЫВАЮЩЕМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Виктор Викторович Попов

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: субъективные права являлись и являются объектом довольно пристального научного внимания как в нашей стране, так и за рубежом. Однако все эти исследования грешат многочисленными ошибками и неточностями. Это является серьезным препятствием на пути создания адекватной объективной

государственно-правовой реальности теоретической модели использования субъективных прав в правовом регулировании. В свою очередь, это делает невозможным формулирование корректного научного фундамента для совершенствования не только юридической деятельности, но также и всего государственного управления. С целью ухода от методологических проблем юридической науки, приводящих к отмеченным ошибкам и неточностям, в статье не допускается смешение политико-идеологического и научного, логического подхода к изучаемым явлениям. В результате анализа онтологического статуса субъективного права в информационном аспекте автор делает вывод, что данное право не имеет собственной прескриптивной природы, но связано с предписаниями в контексте модели правового семиотического треугольника. Прагматический аспект анализа регулятивной природы субъективных прав позволяет найти реальное место данных прав в механизме непредписывающего правового регулирования. **Выводы:** в логико-семантическом контексте субъективное право является не предписанием, но дублирующим либо косвенным экспонентом юридического предписания. Вместе с тем особенности формулирования такого экспонента относятся к факторам прагматического, политико-идеологического характера. Учет данных факторов позволяет интерпретировать субъективные права как особые социально-правовые оценки *antelegem*, *prelegem*, *sucundumlegem*, *praeterlegem*, *postlegem*, которые относятся к малоизученному юридической наукой явлению, имеющему исключительно важную практическую значимость.

Ключевые слова: субъективное право, правовой экспонент, правовой денотат, правовой десигнат, непредписывающее правовое регулирование.

Цитирование. Попов В. В. Субъективные права в непредписывающем правовом регулировании: методологические основы исследования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 17–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.2>

Введение

Исследованию субъективных прав как в нашей стране, так и за рубежом посвящен довольно обширный круг общетеоретических и отраслевых научных работ. Однако это не избавило теоретические модели субъективных прав от множества существенных теоретических ошибок.

В частности, присущий юридической науке, причем как России, так и зарубежных стран *defacto* примат прагматического аспекта анализа субъективных прав над семантическим позволяет создать квазирациональный фундамент для реализации такой серьезнейшей проблемы, как использование демократических процедур и инструментов, защищающих такую разновидность субъективных прав, как права человека (и особенно политические права) не по назначению. Это ставит под угрозу всю конституционную систему [12], в то время как за последние 50 лет права человека превратились, в своего рода, международную моральную валюту и «зонтик», под которым выдвигаются всевозможные требования справедливости [9].

Вопросам правового регулирования также посвящено довольно много отечественных и зарубежных работ, однако по тематике непредписывающего правового регулирования отдельных комплексных исследований не проводилось, хотя

некоторые аспекты данной проблемы рассматриваются как в контексте так называемого правового воздействия, так и в контексте исследований «мягкого права» (Soft Law). Все это не позволяет построить корректную теоретическую модель ни правового регулирования, ни социального управления, между тем как практически во всех странах мира отчетливо видны признаки опасного управленческого кризиса.

Субъективное право не есть юридическое предписание

Субъективное право юридическим *предписанием* не является. Этот вывод следует из логико-семантического анализа данного права, разрешающего как правомерное не только некое поведение, но и его отрицание в форме воздержания [4]. С идеей правового предписания это не совместимо. В научной литературе признание ошибочности такой «прескрипции» является исключительно редким [3, с. 201].

Субъективное право не есть мера возможного поведения

Описание субъективных прав как меры возможного поведения по сей день остается исключительно популярным. Сюда же можно

отнести интерпретацию субъективного права как свободы, если свобода толкуется как возможность. Это давняя и неудачная попытка распространения так называемого «старого модализма» (Г. Лейбница) на юриспруденцию. Да, разрешение и возможность аналогичны. Однако аналогия является отношением толерантности, но нетранзитивным. Аналогия не транзитивна, хотя симметрична и рефлексивна. А поскольку эквивалентность есть транзитивное отношение толерантности, аналогия не выражает эквивалентность. Иными словами:

1) выражение «если p , то (возможно p)», то есть выражение «всегда, если есть (существует) P , то оно возможно (его существование возможно)» общезначимо, то есть является истинным в любой интерпретации;

2) выражение «если p , то (разрешено p)», то есть выражение «всегда, если есть (существует) P , то оно дозволено» не является общезначимым, то есть существует интерпретация, в которой данное выражение истинным не является.

Разрешенное не эквивалентно возможному также и потому, что возможность невозможного есть абсурд, однако *неразрешенное* всегда *возможно*, что прекрасно известно в силу распространенности верного изречения, относимого к Цельсу Младшему («Дигесты» L, 17, 185) – «*Impossibilium nulla est obligatio*» (не существует обязанности выполнить невозможное).

Данный вывод основан на формально-логическом дискурсе-анализе деонтических модальностей, поскольку использование же в данном случае формально-этического равенства модальностей алетических и нормативных для их отождествления недопустимо в силу особенностей формирования предмета правового регулирования [4].

Является ли субъективное право особой метанормой, вводящей иерархию нормативных систем [1]? Думается, что нет, если при этом относить данное разрешение (слабого или сильного типа) к автократичному полномочию либо к полномочию-авторизации по изданию правовых норм [4].

Интерпретация субъективного права как свободы осуществляется также и в контексте ухода от логического анализа природы

субъективного права к эмоционально приятной апелляции к нравственным ценностям свободы. Однако это также весьма неудачный ход мысли. Идею свободы в научной (в том числе и в философской) литературе принято трактовать весьма неопределенно. Неопределенность такой интерпретации предопределяет произвольность выбора содержательного аспекта свободы, что порождает и произвольную аксиологическую ценность свободы в публичном дискурсе. Причем преградой к самому неожиданному поведенческому произволу вовсе не служит апелляция к философской образованности и просвещенности интерпретатора свободы.

Поэтому неожиданность поведенческого произвола может проявляться и в свободе от порока и в свободе от добродетели. Это может быть использовано как информационное обеспечение самых различных посягательств на государственный суверенитет, что вызывает серьезную озабоченность многих ученых [10].

Субъективное право есть не правовой, но законодательный феномен

Теоретическая модель с разрешением третьего типа, основанном на логике человеческого взаимодействия, позволяет говорить об «отраженном праве» (reflected rights [11, с. 14], но только если не считать такую «отраженность» проявлением системной связи субъективных прав и юридических обязанностей [3].

Определенная логика человеческого взаимодействия служит основой для построения теоретической модели с разрешением третьего вида [2, с. 196], что позволяет выделять так называемое «отраженное право» (reflected rights [11, с. 14]. Это верно, но если только не считать такую «отраженность» проявлением системной связи субъективных прав и юридических обязанностей [4].

Подобные выводы порождают иллюзию существенного рассогласования теории (отрицающей нормативность субъективных прав) и практики, поскольку, на первый взгляд, законодательство многих стран на протяжении многих веков дает нам множество «опровергающих» (такое отрицание) примеров. Ярким

примером можно считать, например, право собственности.

Устранить эту иллюзию довольно легко, если интерпретировать субъективные права не как правовой, но как законодательный феномен. Для этого, однако, потребуется внимательно пересмотреть существующие в юридической науке модели соотношения права и законодательства с позиции приоритета не политико-идеологических, но логико-семантических аспектов анализа соотношения законодательства и права [4].

Логически корректный подход к соотношению права и законодательства основан на использовании модели правового семиотического треугольника, в котором выделяется три вершины: знак (экспонент), смысл (десигнат) и значение (денотат) права.

Законодательство, безусловно включающее в себя определенные правовые тексты, является знаком, то есть экспонентом (объектного языка) права, что как раз и отражает формальную определенность права. Правовое предписание будет являться смыслом данного знака.

Потенциальная множественность правовых смыслов представляет собой достаточно серьезную проблему [8], поскольку фактически не позволяет использовать прескриптивные свойства любого языка. Решением проблемы будет модель конвенционального и доминантного ограничения множественности правовых смыслов. При этом правовой денотат как реализуемость права будет свидетельствовать об актуализации прагматически доминирующего правового смысла [4].

Субъективное право есть выражение формальной определенности права, то есть это феномен законодательства. Субъективное право не является предписанием, но указывает на предписание. Оно, как дублирующий или косвенный экспонент правового предписания, указывает на юридически обязательное поведение либо воздержание от поведения в пользу притязающего субъекта со стороны того субъекта, чье поведение алгоритмически необходимо для пользования неким благом в контексте установленной субъектом правотворчества модели социального взаимодействия [4]. Из этого, однако, не следует отображения взаимосвязи прав и обязанностей

как одного из проявлений системности права, отражаемой в законодательстве.

Такой подход выражает некую парадоксальность, поскольку *реально существующий* законодательный текст (например, формулировка права собственности) *предписанием не является*. При этом реальное юридическое *предписание* (запрет препятствовать владению, пользованию и распоряжению соответствующим имуществом) собственной «прямой» формулировки в законодательстве не имеет. Снять этот парадокс позволяет факт наличия правовых санкций.

Именно наличие правовых санкций и является индикатором содержательности экспонента права. Это не позволяет согласиться с тем, что «управомочивающая норма ни прямо, ни косвенно не имеет санкции и не нуждается в ней» [3]. Однако представленная модель требует отказаться от ошибочной идеи о том, что существует некая «логической нормы права», поскольку ошибочна модель трехкомпонентной нормы права. Модель нормы «если – то – иначе» не является логической импликацией и командой условного перехода [4]. Любая правовая норма – двухкомпонентная (диадическая). Диадической нормой права является и так называемая санкция, в том числе самореферентная юридическая норма-санкция [4].

Субъективное право – это не только особый референтом юридического предписания. Это право также и указание на *юридически непредписанное* пользование определенным благом. В силу этого субъективное право является инструментом правового воздействия. Однако такая модель требует отказаться от ошибочных представлений о соотношении правового регулирования и правового воздействия.

Субъективное право как система оценок в непредписывающем правовом регулировании

Минимальная рационализация различных воззрений на проблематику правового воздействия приводит к выводу о том, что речь следует вести о непредписывающем правовом регулировании.

В настоящее время данный феномен также принято называть «мягким правом» (Soft Law). Однако заметим, что существенность проблемы мягкого права признается лишь отдельными учеными (см., например: [15]), то есть существует явная недооценка актуальности данной проблемы. Думается, что это обусловлено недостаточностью меры понимания потенциала непредписывающего правового регулирования. В основе такого потенциала лежит культурно-идеологическое влияние права как элемента общесоциального управления. Поэтому правы те ученые, кто прямо связывают правовое регулирование с идеологическим влиянием (см., например: [5; 6; 7]).

Идеологию в информационном контексте мы будем описывать как специфическую совокупность аксиологических оценочных высказываний. При этом к факторам прагматического характера, обуславливающими выбор способов законодательных формулировок правовых предписаний, будут относиться абсолютные и/или относительные аксиологические оценки. Избранная законодателем формулировка будет не только отражать определенные ценности, но и оказывать ценностно-ориентирующее влияние на поведение адресата предписания.

Мотивационные установки, побуждающие людей проявить юридически значимое поведение, порождаются *множеством* первичных, вторичных и т. д. информационных модулей. Эти модули могут быть представлены в самой различной форме, то есть далеко не только в форме предписывающих высказываний (правовых предписаний). Такими модулями являются субъективные права, которые также можно определить как социальные аксиологические оценки.

В правовом контексте все эти аксиологические оценки можно разделить на три большие группы. Первая группа включает в себя оценки, которые, условно говоря, предшествуют (позитивному праву). Назовем их «оценки antelegem» и «оценки prelegem» [4].

Вторую группу составляет система оценок, которые, условно говоря, сопутствуют (позитивному) праву. Будем именовать их «оценки praeterlegem» и «оценки secundumlegem» [4].

В третью группу входят оценки самого (позитивного) права, которые можно назвать «оценки postlegem» [4].

Оценка antelegem предшествует норме (позитивного) права, поскольку существует в той линии алгоритма развития определенного социального процесса, которая предшествует точке ветвления этого алгоритма. После такой точки появляются ветви:

- а) ведущие к формированию нормы права;
- б) не ведущие к формированию нормы права.

К созданию нормы права ведет ветвь алгоритма с оценкой prelegem, то есть оценка prelegem генетически предшествует норме (позитивного) права. Семантический симбиоз оценок prelegem и есть нормативное правовое предписание.

Оценка praeterlegem (параллельно (позитивному) праву) существует в той ветке алгоритмов развития социальных процессов, которая к формированию правовой нормы (на момент рассмотрения данной оценки) еще не привела, но в дальнейшем может привести.

Оценка secundumlegem (вслед за (позитивным) правом) является ярко выраженным публичным оглашением позитивно ценного как указание на непредписанное пользование определенным благом в рамках модели социального взаимодействия, признанной законодателем.

Предмет оценки secundumlegem выражен поведением (например, подать обращение в государственный орган), которое в модели социального взаимодействия (например, «подать обращение – принять обращение») соответствует тому поведению, которое есть реализация правового предписания как семантического симбиоза двух оценок prelegem (например, реализация обязанности принять обращение). В данном случае хорошо просматривается субъект, в чью пользу совершается то или иное предписываемое правом поведение в сфере социального взаимодействия.

Оценкой postlegem (после (позитивного) права) направлена на действующее право. В качестве критерия оценок postlegem могут выступать именно права человека. Это происходит, например, в том случае, если мы:

- 1) рассматриваем права человека как разновидность субъективных прав;
- 2) рассматриваем права человека как основу так называемого естественного права, а естественное право рассматриваем как критерий оценки права позитивного.

Причем такие оценки могут формироваться в контексте как объектного, так и метаязыка права, что позволяет проводить продуктивные научные исследования, учитывающие самые современные достижения юридической науки [13; 14].

Кроме того, учтем, что в случае с оценками *postlegem* следует различать субъективные права как предмет оценки (в случае если данные права интерпретировать как дублирующий или косвенный экспонент правового предписания) и субъективные права как критерии оценки (если интерпретировать эти права как права человека, то есть как основу так называемого естественного права).

В аспекте государствоведения все приведенные оценки следует рассматривать как элементы непредписывающего правового регулирования в составе неструктурного управления во всей реальной полноте этапов такого управления.

Выводы

Субъективное право не является ни возможностью, ни мерой свободы в семантическом аспекте анализа, если понимать свободу как возможность. В прагматическом аспекте анализа определять субъективное право как меру свободы нецелесообразно в силу аналитической неопределенности термина «свобода» и его излишней политизированности.

Субъективное право не обладает собственной прескриптивностью. Однако, если рассматривать соотношение права и законодательства через модель семиотического треугольника, то можно описать субъективное право как особый законодательный феномен – как косвенное или дублирующее знаковое выражения предписывающего содержания, к которому относится правовая обязанность / запрет. Субъективное право, понимаемое как отражение двухкомпонентного правового предписания, всегда обеспечено санкционной защитой.

Социально-психологические детерминанты выбора правового экспонента дают основания для определения собственных регулятивных (но не предписывающих) свойств субъективных прав как элементов непредписывающего правового регулирования.

Таким образом, в работе тезисно сформированы понятийно-методологические основы для будущих научных исследований проблематики субъективных прав в непредписывающем правовом регулировании. Сами же такие исследования позволят сформировать реальную научную основу для совершенствования государственного управления теми способами, средствами и в рамках таких схем, которые практически не рассматриваются в современных гуманитарных науках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булыгин, Е. В. Разрешающие нормы и нормативные системы / Е. В. Булыгин // Российский ежегодник теории права. – 2010. – № 3. – С. 437–449.
2. Кнапп, В. Логика в правовом сознании / В. Кнапп ; пер. с чеш. В. Кнапп, А. Герлох ; под ред. и со вступ. ст. А. Б. Венгерова. – М. : Прогресс, 1987. – 312 с.
3. Леушин, В. И. Логическая норма и нормативное предписание (структурный анализ) / В. И. Леушин // Российский ежегодник теории права. – 2009. – № 2. – С. 605–611.
4. Попов, В. В. Юридическая природа субъективных прав: проблемы теории / В. В. Попов. – Волгоград : ВА МВД России, 2020. – 376 с.
5. Тихомиров, Ю. А. Векторы управления в фокусе права / Ю. А. Тихомиров // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2019. – № 1. – С. 136–159.
6. Четвернин, В. Е. Конституционное право России / В. Е. Четвернин. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2009. – 496 с.
7. Berg, L. The Establishment of Legal Rules as an Element of the System of Legal Influence: An Instrumental Approach / L. Berg // BriCs Law Journal. – 2018. – № 5 (3) – P. 114–134.
8. Brennan-Marquez, K. Extremely Broad Laws / K. Brennan-Marquez // Arizona Law Review. – 2019. – Vol. 61, iss. 3. – P. 641–666.
9. Burdon, P. D. Foucault and the Politics of Rights / P. D. Burdon // Adelaide Law Review. – 2016. – № 37 (2). – P. 523–535.
10. Gladun, E. Law, Politics and Economy in the Modern World: Challenges of the XXI Century / E. Gladun // BriCs Law Journal. – 2016. – № 3 (4). – P. 152–159.
11. Kelsen, H. Pure Theory of Law / H. Kelsen. – Berkeley : University of California Press, 1967. – 356 p.
12. Khranova, T. Constitutional Defence Against the “Enemies” of Democracy: Theoretical Considerations and the Russian Experience / T. Khranova, A. Troitskaya // Russian Law Journal. – 2019. – № 8 (2). – P. 28–48. – DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2020-8-2-28-48>

13. Pojanowski, J. Reevaluating Legal Theory / J. Pojanowski // *Yale Law Journal*. – 2021. – № 6 (130). – P. 1458–1489.

14. Smith, H. E. Equity as Meta-Law / H. E. Smith // *Yale Law Journal*. – 2021. – № 5 (129). – P. 1050–1144.

15. Weeks, G. Soft Law and Public Liability: Beyond the Separation of Powers? / G. Weeks // *Adelaide Law Review*. – 2018. – Vol. 39. – P. 303–330.

REFERENCES

1. Bulygin E.V. Razreshajushhie normy i normativnye sistemy [Permissive Norms and Normative Systems]. *Rossijskij ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of the Legal Theory], 2010, no. 3, pp. 437-449.

2. Knapp V., Gerloh A., eds. *Logika v pravovom soznanii* [Logic in Legal Consciousness]. Moscow, Progress Publ., 1987. 312 p.

3. Leushin V.I. Logicheskaja norma i normativnoe predpisanie (strukturnyj analiz) [Logical Norm and Normative Prescription (Structural Analysis)]. *Rossijskij ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of the Legal Theory], 2009, no. 2, pp. 605-611.

4. Popov V.V. *Juridicheskaja priroda sub'ektivnyh prav: problemy teorii* [The Legal Nature of Subjective Rights: Problems of Theory]. Volgograd, VAMVD Rossii, 2020. 376 p.

5. Tihomirov Ju.A. Vektory upravlenija v fokuse prava [Control Vectors in the Focus of Law]. *Voprosy*

gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija [Public Administration Issues], 2019, no. 1, pp. 136-159.

6. Chetvernin V.E. *Konstitucionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. Moscow, Norma Publ., 2009. 496 p.

7. Berg L. The Establishment of Legal Rules as an Element of the System of Legal Influence: An Instrumental Approach. *BriCs Law Journal*, 2018, no. 5 (3), pp. 114-134.

8. Brennan-Marquez K. Extremely Broad Laws. *Arizona Law Review*, 2019, vol. 61, iss. 3, pp. 641-666.

9. Burdon P.D. Foucault and the Politics of Rights. *Adelaide Law Review*, 2016, no. 37 (2), pp. 523-535.

10. Gladun E. Law, Politics and Economy in the Modern World: Challenges of the XXI Century. *BriCs Law Journal*, 2016, no. 3 (4), pp. 152-159.

11. Kelsen H. *Pure Theory of Law*. Berkeley, University of California Press, 1967. 356 p.

12. Khramova T., Troitskaya A. Constitutional Defence Against the “Enemies” of Democracy: Theoretical Considerations and the Russian Experience. *Russian Law Journal*, 2019, no. 8 (2), pp. 28-48. DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2020-8-2-28-48>

13. Pojanowski J. Reevaluating Legal Theory. *Yale Law Journal*, 2021, no. 6 (130), pp. 1458-1489.

14. Smith H.E. Equity as Meta-Law. *Yale Law Journal*, 2021, no. 5 (129), pp. 1050-1144.

15. Weeks G. Soft Law and Public Liability: Beyond the Separation of Powers? *Adelaide Law Review*, 2018, vol. 39, pp. 303-330.

Information About the Author

Viktor V. Popov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, lkj5@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6659-8092>

Информация об авторе

Виктор Викторович Попов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, lkj5@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6659-8092>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.3>

UDC 342.417
LBC 67.400.2

Submitted: 16.03.2023
Accepted: 15.04.2023

FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL REGULATION OF THE RIGHT TO A STABLE NATIONAL CURRENCY IN THE CONTEXT OF THE CONSTITUTIONAL REFORM OF 2020

Andrey N. Ustinov

Office of the Commissioner for Human Rights in the Irkutsk region, Irkutsk, Russian Federation

Ekaterina M. Iakimova

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction. The right to a stable national currency is considered in the presented study as one of the types of economic rights of citizens, ensuring the realization of personal, political, social and other economic rights, since the stability of the national currency allows citizens and the state to plan the costs of implementing rights and guarantee the fulfillment of obligations assumed by the state. During the constitutional reform of 2020, the right in question received additional constitutional regulation, which requires scientific understanding. The **purpose** of the work is to determine the degree of influence of the constitutional reform of 2020 on the level of constitutional guarantee of the right to a stable national currency in the Russian Federation. **Methods.** As part of the study, mainly special methods of cognition of socio-legal phenomena (the formal legal method, circular causality method) were used which allowed assessing the impact of the correction of the language of the Constitution of the Russian Federation by provisions establishing additional guarantees for the implementation of the constitutional right to a stable national currency, and to identify the potential for improving the constitutional and current legislation to ensure the implementation of the designated right. **Results.** The significance of the constitutional reform of 2020 on increasing the level of guarantee of the constitutional right to a stable national currency has been revealed. **Conclusions.** Despite the adjustment of the provisions of the Constitution of Russia, there is still a potential for improving the constitutional and current legislation, whose implementation would ensure the guarantee of the right to a stable national currency of the Russian Federation.

Key words: currency, constitutional amendment, constitutional reform, constitutional regulation, monetary policy, right to a stable national currency.

Citation. Ustinov A.N., Iakimova E.M. Features of the Constitutional Regulation of the Right to a Stable National Currency in the Context of the Constitutional Reform of 2020. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 24-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.3>

УДК 342.417
ББК 67.400.2

Дата поступления статьи: 16.03.2023
Дата принятия статьи: 15.04.2023

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА УСТОЙЧИВУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ВАЛЮТУ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ – 2020

Андрей Николаевич Устинов

Аппарат Уполномоченного по правам человека в Иркутской области, г. Иркутск, Российская Федерация

Екатерина Михайловна Якимова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Введение: право на устойчивую национальную валюту рассматривается в представленном исследовании как один из видов экономических прав граждан, обеспечивающее реализацию личных, политических,

социальных и иных экономических прав, поскольку стабильность национальной валюты позволяет гражданам и государству планировать затраты на реализацию прав и гарантировать обеспечение принятых государством на себя обязательств. В ходе конституционной реформы – 2020 рассматриваемое право получило дополнительную конституционную регламентацию, что требует научного осмысления. **Целью** работы выступает определение степени влияния конституционной реформы – 2020 г. на уровень конституционной защищенности права на устойчивую национальную валюту в Российской Федерации. **Методы:** в процессе исследования использованы преимущественно специальные методы познания социально-правовых явлений (формально-юридический метод, метод круговой причинности), позволившие оценить влияние корректировки текста Конституции Российской Федерации положениями, устанавливающими дополнительные гарантии реализации конституционного права на устойчивость национальной валюты, и выявить потенциал совершенствования конституционного и текущего законодательства для обеспечения реализации обозначенного права. **Результаты:** выявлено значение конституционной реформы – 2020 на повышение уровня защищенности конституционного права на устойчивость национальной валюты. **Выводы:** несмотря на корректировку положений Конституции России еще сохранен потенциал совершенствования конституционного и текущего законодательства, реализация которого позволила бы обеспечить защищенность реализации права на устойчивость национальной валюты Российской Федерации.

Ключевые слова: валюта, конституционная поправка, конституционная реформа, конституционное регулирование, монетарная политика, право на устойчивую национальную валюту.

Цитирование. Устинов А. Н., Якимова Е. М. Особенности конституционного регулирования права на устойчивую национальную валюту в контексте конституционной реформы – 2020 // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 24–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.3>

Введение

В современном мире существует глубокое разделение труда не только между отдельными людьми и социальными группами, но и различными странами, регионами, а порою целыми континентами (подробнее см.: [12; 14; 16]).

Современный человек, как правило, не обеспечивает своим трудом все свои потребности, а чаще всего имеет от своего труда некий доход или располагает некими денежными выплатами или пособиями, которые расходует на удовлетворение своих нужд. Современные люди, как правило, не добывают своим трудом набор потребляемых продуктов питания, набор необходимой одежды, а приобретают все необходимое в обмен на соответствующую валюту.

Таким образом, в случае, если в результате инфляции покупательная способность валюты, которой располагает человек, упадет, это может создать угрозу того, что он не сможет удовлетворить свои базовые потребности в виде продуктов питания, жилья, одежды и базовых медицинских услуг.

Исходя из этого целесообразно рассматривать значения инфляции национальной валюты, не превышающие определенных значений, как минимум условием, способ-

ствующим соблюдению прав человека или непосредственным правом человека на современном историческом этапе [15, с. 145]. Следовательно, право на устойчивую национальную валюту, в том или ином виде закрепленное в конституциях, значительно влияет на возможность реализации человеком всех прав и свобод.

Закрепление права на устойчивость национальной валюты в текстах конституций: российский и зарубежный опыт

Установление конституционных гарантий реализации права на устойчивую национальную валюту не является чем-то исключительным: тексты многих конституций в той или иной мере данный вопрос регламентируют прежде всего через положения, устанавливающие гарантии от чрезмерного уровня инфляции и деятельности органов, осуществляющих денежно-кредитную политику (в частности, центральных банков и аналогичных структур) для обеспечения устойчивости национальной валюты (подробнее см.: [13]).

Можно выделить несколько вариантов конституционного регулирования права на устойчивую национальную валюту. Во-первых, через закрепление в тексте конституции по-

ложений о важности обеспечения сбалансированного развития общества, а также общего благосостояния (например, Конституция Княжества Андорра от 14 марта 1993 г. [3], Конституция Португальской Республики от 2 апреля 1976 г. [4], Конституция Доминиканской Республики от 10 января 1947 г. [2]). Иными словами, конституции некоторых стран закрепляют за государствами обязанности обеспечения экономической и социальной стабильности. Во-вторых, в конституциях закрепляется за Центральным банком или иным органом функция по поддержанию устойчивости финансовой системы (в частности, Конституция Перу (Республика Перу) от 31 октября 1993 г. [5], Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [6]). В-третьих, конституции могут предусматривать конкретные действия по обеспечению устойчивости национальной валюты (к примеру, в Союзной конституции Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г. [11] установлено, что гражданам гарантируется защита от инфляции путем корректировки ставок прямых налогов).

Иными словами, как правомочие право на устойчивую национальную валюту чаще всего не находит конституционного закрепления. Однако если право на устойчивую национальную валюту является «подразумеваемым», то уровень ответственности за нарушение данного права в конституциях, если он закреплен, установлен достаточно точно.

Например, ст. 73 Основного закона ФРГ от 23 мая 1949 г. [10] закрепляет среди исключительных полномочий федерации в том числе валюту, денежное обращение, чеканку монет. Следовательно, за курс национальной валюты и инфляцию отвечают федеральные органы власти. В Конституции Аргентины от 1 мая 1853 г. [1] субъектам федерации в ст. 108 запрещается чеканить монету, учреждать банки с правом эмиссии денег без разрешения Федерального Конгресса, нарушение данной обязанности влечет ответственность органов государственной власти субъектов федерации.

Иными словами, конституции многих стран, в том числе и российская, закрепляют основу для экономической стабильности государства, общества и благополучия человека, чем создают базу для реализации права на устойчивую национальную валюту.

Влияние конституционной реформы – 2020 на уровень обеспеченности права на устойчивость национальной валюты

В соответствии с результатами общероссийского голосования 1 июля 2020 г., Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [9], в статью 75 Конституции Российской Федерации [6] введены части 5, 6 и 7, в соответствии с которыми государством гарантируется минимальный размер оплаты труда (далее – МРОТ) не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации, осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом, индексация социальных пособий и иных социальных выплат.

Таким образом, авторами поправок к Конституции проблеме защиты населения страны от инфляции уделено определенное внимание.

Отметим, что в соответствии с Федеральным законом от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» [8], МРОТ на очередной год устанавливается федеральным законом в текущем году и исчисляется исходя из величины медианной заработной платы, рассчитанной федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по формированию официальной статистической информации о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессах в Российской Федерации, за предыдущий год. В указанном законе закреплено, что с 2021 г. соотношение МРОТ и медианной заработной платы устанавливается в размере 42 %.

Анализ приведенных положений позволяет сделать вывод о том, что установление МРОТ напрямую не связано с уровнем даже формальной инфляции в стране, что безусловно является недостатком, поскольку медианная заработная плата может изменяться с темпом, который значительно отстает даже от официально подтвержденного темпа инфляции.

Так, пенсионеры большинства категорий в Российской Федерации традиционно относятся к социально незащищенным слоям населения. В соответствии со ст. 25 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [7], социальные пенсии индексируются ежегодно с 1 апреля с учетом темпов роста прожиточного минимума пенсионера в Российской Федерации за прошедший год. Коэффициент индексации социальных пенсий определяется Правительством Российской Федерации. В данном случае мы видим «привязку» размера индексации пенсий наиболее крупной группы пенсионеров к размеру индексации прожиточного минимума, который, в свою очередь, не отражает размера годовой инфляции, а зависит от размера медианной зарплаты, рост размеров которой также может существенно отставать от размеров официальной инфляции, утвержденной государством.

Важно подчеркнуть, что в отличие от МРОТ и пенсионного обеспечения, страховое обеспечение, в соответствии со ст. 75 Конституции [6], не привязана ни к МРОТ, ни к медианной заработной плате.

Таким образом, несмотря на закрепление в Конституции необходимости индексации социальных пособий и иных социальных выплат, страховое обеспечение не имеет системного закрепления в нормативно-правовых актах, в итоге индексация носит «случайный» характер.

Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ [9] в текст Конституции введена ст. 75.1 [6], согласно положениям которой обеспечиваются, в частности, условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан. Несмотря на то что в тексте статьи отсутствует упоминание инфляции как таковой, устойчивый экономический рост и повышение благосостояния граждан немислимы без устойчивости национальной валюты, а значит и определенного уровня инфляции, способствующего экономическому росту.

Выводы

Конституции многих стран мира не только в своих преамбулах, но и содержательной

части выстраивают композицию правового пространства, в том числе обозначая приоритеты развития общества, имеющие обобщенный характер, являющиеся ценностными ориентирами функционирования государства и общества. Одной из таких ценностей является обеспечение благосостояния граждан и сбалансированная государственная экономическая политика, частным проявлением которых выступает установление гарантий реализации права граждан на устойчивую национальную валюту.

Конституция России в тексте по состоянию на 12 декабря 1993 г. закрепляла положения о роли Центрального банка России в поддержании устойчивости национальной валюты, однако именно в результате конституционной реформы 2020 г. в Конституции России были закреплены гарантии реализации права на устойчивую национальную валюту посредством возведения на конституционный уровень конституционных ценностей сбалансированного развития экономической системы общества, поддержания достойного уровня благосостояния граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Аргентинской Республики от 1 мая 1853 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=358>. – Загл. с экрана.
2. Конституция Доминиканской республики от 10 января 1947 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=46>. – Загл. с экрана.
3. Конституция Княжества Андорра от 14 марта 1993 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=158>. – Загл. с экрана.
4. Конституция Португальской Республики от 2 апреля 1976 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=141>. – Загл. с экрана.
5. Конституция Республики Перу от 9 апреля 1933 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=740>. – Загл. с экрана.
6. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
7. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации : федер. закон от 15 де-

кабря 2001 г. № 166-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 20 дек.

8. О минимальном размере оплаты труда : федер. закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ // Российская газета. – 2000. – 21 июня.

9. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Загл. с экрана.

10. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=155>

11. Союзная Конституция Швейцарской конфедерации от 11 апреля 1999 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=135>. – Загл. с экрана.

12. Степаненко, Д. А. Цифровая валюта как атрибут криминальной экономики в современном обществе / Д. А. Степаненко, А. С. Степаненко // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 173–184. – DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).173-184

13. Устинов, А. Н. Право на устойчивую национальную валюту в системе прав и свобод человека и гражданина / А. Н. Устинов // Академический юридический журнал. – 2018. – № 2 (72). – С. 57–62.

14. Чуксина, В. В. Права человека в контексте политико-правовой турбулентности / В. В. Чуксина, О. В. Бондаренко // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27, № 2. – С. 218–230.

15. Якимова, Е. М. Концепция равновесия системы конституционного регулирования предпринимательской деятельности / Е. М. Якимова. – М. : Юстицинформ, 2020. – 320 с.

16. Wang, Yu. K. Underground Economy and GDP Growth: Evidence from China's Tax Reforms / Yu. K. Wang, L. Zhang // Journal of Tax Reform. – 2021. – Vol. 7, № 1. – P. 87–107. – DOI: 10.15826/jtr.2021.7.1.092

REFERENCES

1. *Konstitucija Argentinskoj Respubliki ot 1 maja 1853 g.* [The Constitution of Argentina of May 1, 1853]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=358>

2. *Konstitucija Dominikanskoj respubliki ot 10 janvarja 1947 g.* [The Constitution of the Dominican Republic of January 10, 1947]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=46>

3. *Konstitucija Knjazhestva Andorra ot 14 marta 1993 g.* [The Constitution of the Principality

of Andorra of Mart 14, 1993]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=158>

4. *Konstitucija Portugal'skoj Respubliki ot 2 aprelja 1976 g.* [The Constitution of the Portuguese Republic of April 2, 1976]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=141>

5. *Konstitucija Respubliki Peru ot 9 aprelja 1933 g.* [The Constitution of Peru of April 9, 1933]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=740>

6. *Konstitucija Rossijskoj Federacii: prinjata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrja 1993 g.* [The Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1993, Dec. 25.

7. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации: федер. закон от 15 декабря 2001 г. № 166-FZ [On State Pension Provision in the Russian Federation: Federal Law of December 15, 2001 No. 166-FZ]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2001, Dec. 20.

8. О минимальном размере оплаты труда: федер. закон от 19 июня 2000 г. № 82-FZ [On the Minimum Wage: Federal Law of June 19, 2000 No. 82-FZ]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2000, June 21.

9. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ [On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power: Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ]. *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

10. *Osnovnoj zakon Federativnoj Respubliki Germanija ot 23 maja 1949 g.* [The Basic Law of the Federal Republic of Germany of May 23, 1949]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=155>

11. *Sojuznaja Konstitucija Shvejcarskoj konfederacii ot 11 aprelja 1999 g.* [Federal Constitution of the Swiss Confederation of April 18, 1999]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=135>

12. Stepanenko D.A., Stepanenko A.S. Цифровая валюта как атрибут криминальной экономики в современном обществе [Digital Currency as an Attribute of Criminal Economy in the Modern Society]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2022, vol. 16, no. 2, pp. 173–184. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).173-184

13. Ustinov A.N. Pravo na ustojchivuju nacional'nuju valjutu v sisteme prav i svobod cheloveka i grazhdanina [The Right to a Stable National Currency in the System of Human and Civil Rights and Freedoms]. *Akademicheskij juridicheskij zhurnal* [Academic Law Journal], 2018, no. 2 (72), pp. 57–62.

14. Chuksina V.V., Bondarenko O.V. Prava cheloveka v kontekste politiko-pravovoj turbulentnosti [Human Rights in the Context of political and legal turbulence]. *Izvestiya Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Baikal State University], 2017, vol. 27, no. 2, pp. 218-230.

15. Jakimova E.M. *Koncepcija ravnovesija sistemy konstitucionnogo regulirovanija*

predprinimatel'skoj dejatel'nosti [Concept of the Equilibrium of the System of Constitutional Regulation of Entrepreneurial Activity]. Moscow, Justicinform Publ., 2020. 320 p.

16. Wang Yu.K., Zhang L. Underground Economy and GDP Growth: Evidence from China's Tax Reforms. *Journal of Tax Reform*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 87-107. DOI: 10.15826/jtr.2021.7.1.092

Information About the Authors

Andrey N. Ustinov, Chief Consultant, Department for the Protection of Human Rights and Freedoms in Criminal Proceedings and Detention Facilities, Office of the Commissioner for Human Rights in the Irkutsk Region, Karla Marksa St, 40, 664011 Irkutsk, Russian Federation, marketgarden@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5611-9428>

Ekaterina M. Iakimova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, Lenina St, 11, 664003 Irkutsk, Russian Federation, yakimova_katerin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2951-4131>

Информация об авторах

Андрей Николаевич Устинов, главный консультант отдела по защите прав и свобод человека в уголовном процессе и в местах принудительного содержания, Аппарат Уполномоченного по правам человека в Иркутской области, ул. Карла Маркса, 40, 664011 г. Иркутск, Российская Федерация, marketgarden@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5611-9428>

Екатерина Михайловна Якимова, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и административного права, Байкальский государственный университет, ул. Ленина, 11, 664003 г. Иркутск, Российская Федерация, yakimova_katerin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2951-4131>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.4>

UDC 347.454
LBC 67.404.2

Submitted: 28.04.2023
Accepted: 20.05.2023

GOOD FAITH IN THE PERFORMANCE OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS BY THE COUNTERPARTY, THROUGH THE EXAMPLE OF AN R&D CONTRACT

Olesya A. Belova

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction. The postulate embedded in the civil legislation – good faith in actions – as a parameter that models the behavior of participants in civil turnover stimulates the development of behavior in which none of the participants in the obligation can take advantage of deliberately maneuvering in a situation of regulatory gaps. Representing an evaluation category without clear criteria, the content of the principle of good faith is formed under the influence of legal doctrine and law enforcement practice. In the conditions of a legal gap in regulating the time of an R&D contract performance and the acceptance of the result of the work performed, the customer’s bad faith, expressed in delaying the acceptance of the work, or the refusal of the results on far-fetched pretexts, is not uncommon. The **purpose** of the research is to study the legislative and law enforcement aspects of the customer’s unfair behavior in R&D contracts at the time of their execution, as well as to develop proposals for improving civil legislation. **Methods.** The methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are analysis, synthesis, generalization, and comparative jurisprudence. **Results.** In the activities of companies related to the performance of work under R&D contracts, the problem of the customer’s bad faith at the time of contract execution and the acceptance of the work performed belongs to the category of urgent, as numerous judicial practices abound. Proactive, preventive measures on the part of the contractor, expressed in a more detailed elaboration of the terms of the contract, do not have a positive effect and are not a guarantee of the contractor’s security. The author analyzes the current judicial practice on economic disputes for the possibility of applying the rules on the analogy of the law in the conditions of the gap in the civil legislation on the unilateral signing of the act (Chapter 37 of the Civil Code of the Russian Federation). Currently, there are two polar approaches in the legal realization sphere: 1) the rule on signing an unilateral act as a highly specialized one can be applied exclusively in the form of a construction contract (negative approach); 2) following the principles of fairness and reasonableness enables the contractor under an R&D contract to apply the provisions of Article 753 of the Civil Code of the Russian Federation to protect his interests (positive approach). **Conclusions.** The existing legislative gap in the formation of diametrically opposite ways of resolving judicial conflicts and the duality of judicial practice should be resolved exclusively at the legislative level by amending Paragraph 1 of Chapter 37 of the Civil Code of the Russian Federation. In particular, Paragraph 2 of Article 720 of the Civil Code of the Russian Federation should be supplemented with the following content: “The submission of the working results by the contractor and its acceptance by the customer are executed by an act signed by both parties. If one of the parties refuses to sign the act, a note about it is made therein, and the act is signed by the other party.”

Key words: good faith; civil turnover; law enforcement practices; legal vacuum; fulfillment of obligations; unilateral act; contract for the performance of research, development or technological work (R&D contract).

Citation. Belova O.A. Good Faith in the Performance of Contractual Obligations by the Counterparty, Through the Example of an R&D Contract. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 30-35. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.4>

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ КОНТРАГЕНТОМ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРА НИОКР

Олеся Александровна Белова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: заложенный в гражданское законодательство постулат – добросовестность действий – как параметр, моделирующий поведение участников гражданского оборота, стимулирует выработку поведения, при котором ни один из участников обязательства не может извлекать преимущество умышленно, лавируя в ситуации пробельности нормативных положений. Представляя собой оценочную категорию, без четких критериев, содержание принципа добросовестности формируется под влиянием правовой доктрины и правоприменительной практики. В условиях правового пробела регламентации момента исполнения договора НИОКР и приема результата выполненных работ, недобросовестность заказчика, выражающаяся в затягивании приема работ, либо отказ от результатов по надуманным предложениям, не является редкостью. Исследование законодательных и правоприменительных аспектов недобросовестного поведения заказчика в договорах НИОКР в момент его исполнения, а также выработка предложений по совершенствованию гражданского законодательства составили **цель** настоящей публикации. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение и сравнительное правоведение. **Результаты:** в деятельности компаний, связанных с выполнением работ по договорам НИОКР, проблема недобросовестности заказчика в моменте исполнения контракта и приемки выполненных работ относится к категории насущных, о чем изобилует многочисленная судебная практика. Упредительные превентивные меры со стороны исполнителя, выражающиеся в более детальной проработке условий договора, не имеют положительного эффекта и не являются гарантией защищенности стороны исполнителя. Автором проведен анализ сложившейся судебной практики по экономическим спорам на предмет возможности применения правил об аналогии закона в условиях пробельности гражданского законодательства об одностороннем подписании акта (гл. 37 Гражданского кодекса РФ). В настоящее время в право-реализационной сфере сложилось два полярных подхода: 1) норма о подписании одностороннего акта как узкоспециальная может быть применима исключительно в конструкции строительного подряда (негативный подход); 2) следование принципам справедливости и разумности дает возможность исполнителю по договору НИОКР применять в целях защиты своих интересов положения ст. 753 ГК РФ (позитивный подход). **Выводы:** сложившийся законодательный пробел при формировании диаметрально противоположных путей разрешения судебных конфликтов и дуальности судебной практики должен быть решен исключительно на законодательном уровне посредством внесения изменений в § 1 гл. 37 ГК РФ. В частности, п. 2 ст. 720 ГК РФ необходимо дополнить следующим содержанием: «Сдача результата работ подрядчиком и приемка его заказчиком оформляются актом, подписанным обеими сторонами. При отказе одной из сторон от подписания акта в нем делается отметка об этом и акт подписывается другой стороной».

Ключевые слова: добросовестность; гражданский оборот; правоприменительная практика; правовой вакуум; исполнение обязательств; односторонний акт; договор на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (договор НИОКР).

Цитирование. Белова О. А. Добросовестность при исполнении контрагентом договорных обязательств, на примере договора НИОКР // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 30–35. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.4>

Введение

Принцип добросовестности в условиях развития современного гражданского оборота имеет особое значение [2, с. 134–135], когда речь идет о таких ситуациях, при которых ни

одна из сторон гражданских правоотношений не должна извлекать преимущество из своих действий, руководствуясь явным умыслом и используя пробельность законодательства.

Добросовестность представляет собой оценочную категорию, поскольку четко опре-

деленных критериев, разделяющих действия сторон на добросовестные – недобросовестные, в настоящее время не выработано. При этом гражданское законодательство определяет лишь запрет на осуществление недобросовестного поведения одной из сторон гражданских правоотношений. Поскольку указанная гражданско-правовая категория является оценочной, то принято считать как в практической юридической деятельности, так и в сфере доктрины гражданского права, что существенное влияние оказывают решения судов. Именно суды, проявляя активный подход, формируют принцип добросовестности «казуистически» [11, с. 178], поскольку, разрешая конкретные ситуации, сложившиеся на практике, и к которым сложно применить ту или иную норму, рассматриваются конкретные проявления указанного принципа, что в дальнейшем становится примером для разрешения аналогичных ситуаций.

Думается, что введение принципа добросовестности законодателем в 2013 г. является важной вехой в истории развития современного гражданского права, поскольку именно этот принцип может быть опорой в защите нарушенного права конкретной стороны правоотношений [1, с. 8–10].

В практической деятельности любого предприятия ситуации, в которых контрагент ведет себя недобросовестно, не являются редкостью либо диковинным событием, в том числе и в рамках гражданских правоотношений между сторонами по договору на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ.

Проблема недобросовестности заказчика при исполнении договора НИОКР: законодательный и правоприменительный аспекты

В компаниях, получающих основную прибыль от заключения договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, проблема недобросовестного поведения участников хозяйственного оборота может выражаться в действиях заказчика, который ввиду наличия законодательного пробела отказывается либо затягивает подписание акта приемки выпол-

ненных работ, оперируя надуманными, немотивированными обстоятельствами. Злонамеренное поведение заказчика приводит к возникновению препятствий как правового, так и организационного характера для исполнителя, негативно влияющих на предприятие-исполнителя и в процессе проведения сделки в бухгалтерском учете, и в реализации выручки, и в отчетности по контрактам.

В сложившейся ситуации единственной защитой исполнителя являются его предусмотрительные и превентивные действия, выражающиеся в процессе составления и обсуждения условий договора. Так, исполнителям приходится включать в обязательном порядке требование о возврате двустороннего акта в течение определенного количества дней или направление в адрес заказчика мотивированного отказа, в противном случае акт будет считаться принятым в одностороннем порядке. Однако следует отметить, что далеко не всегда заказчики идут на подобные условия, выдвигая протокол разногласия к договору об исключении указанного условия, что побуждает исполнителя готовить протокол урегулирования разногласий, в котором не принимается требование заказчика. Подобная ситуация ведет либо к обмену сторонами протоколами урегулирования разногласий, либо к отказу в заключении договора, что не является положительным для сторон.

Говоря о законодательном регулировании данного вопроса, следует упомянуть, что в случае спорных ситуаций стороны договора могут обратиться к положениям § 1 гл. 37 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). При этом подобное обращение не должно противоречить правилам гл. 38 ГК РФ, а также особенностям предмета договора (ст. 778 ГК РФ).

Общие положения в договоре подряда – тот самый § 1 гл. 37 ГК РФ – не предусматривают нормы об одностороннем акте. При этом подобная норма содержится в § 3 гл. 37 ГК РФ, посвященном строительному подряду. Так, речь идет о п. 4 ст. 753 ГК РФ, согласно которому «сдача результата работ подрядчиком и приемка его заказчиком оформляются актом, подписанным обеими сторонами. При отказе одной из сторон от подписания акта в нем делается отметка об этом и акт подписывается другой стороной». Учитыв-

вая тот факт, что отсылка в ст. 778 ГК РФ направлена на § 1 гл. 37 ГК РФ, применение п. 4 ст. 753 ГК РФ не представляется возможным.

В случаях пробельности гражданское законодательство содержит правило об аналогии закона. Так, согласно ст. 6 ГК РФ, если гражданские правоотношения «прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона)». Применительно к рассматриваемым отношениям было бы логично и последовательно применить в сложившейся ситуации положения п. 4 ст. 753 ГК РФ, что позволило бы сторонам успешно отстаивать свои интересы, действуя в рамках правового поля и не попрекая правомочия контрагента.

Вместе с тем в применении п. 4 ст. 753 ГК РФ к правоотношениям, возникшим в области договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, сложилась неоднозначная судебная практика, выступающая барьером в беспрепятственном применении указанного положения по аналогии закона.

Как ранее уже упоминалось, направляющий лейтмотив задается правоприменителем посредством формирования судебной практики. Но по данному вопросу автором было выявлено несколько позиций судебных инстанций, что, к сожалению, позволяет исключить единообразие в применении положений гражданского законодательства.

Первая позиция предопределена тем, что норма об односторонних актах является узкоспециальной и соответственно подлежит применению в правоотношениях, касающихся исключительно строительного подряда. В качестве иллюстрации подобной позиции следует привести следующие судебные споры.

Так, в рамках защиты своих интересов одна из сторон обратилась к ст. 753 ГК РФ, что Девятый арбитражный апелляционный суд расценил неправомерным, основываясь как раз на специальном характере данной нормы. Судом было указано, что ст. 753 ГК РФ имеет непосредственное отношение исключительно к договору строительного подряда, тогда

как «правоотношения сторон по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ регулируются общими нормами § 1 и специальными нормами § 4 гл. 37 ГК РФ» [10]. На основании этого суд не применил к правоотношениям сторон ст. 753 ГК РФ в рамках приемки технической документации и результатов изыскательских работ по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ.

В аналогичной судебной практике судом дается следующая оценка, – к нормативным положениям гл. 38 ГК РФ, связанным с правоотношениями по договорам на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, не могут быть применены положения ст. 753 ГК РФ относительно вопроса предъявления исполнителем требования об оплате на основании одностороннего акта приемки работ, которые ответчик не подписал и не предоставил какого-либо объяснения [9].

И лишь в единичных случаях суды обосновывают применение ст. 753 ГК РФ к отношениям на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, как раз опираясь на аналогию закона [8].

Несмотря на подобную отрицательную практику для исполнителей по договорам на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ, стоит отметить и существование иного подхода.

В рамках другого трактования сложившейся коллизии суды учитывают тот факт, что законодатель не урегулировал возможность одностороннего подтверждения выполненных работ в других сферах помимо строительной деятельности.

Особый интерес для целей проводимого настоящего исследования представляет собой ряд категорий дел, в рамках которых суды разрешали споры путем применения ст. 753 ГК РФ, основываясь не на аналогии закона, но исходя из принципов справедливости и разумности, постулирующих в гражданском обороте.

В частности, в рамках одного из возникших спорных отношений, суд, опираясь на положения п. 4 ст. 573 ГК РФ, удовлетворил исковое требование о взыскании с заказчика

подтвержденной односторонним актом стоимости работ по производству телевизионного видеоролика рекламного характера [7]. По другому делу спорные правоотношения были квалифицированы судом как договор возмездного оказания услуг, к которому были применены положения ст. 753 ГК РФ [4]. Подобная практика встречается и в правоотношениях, касающихся выполнения проектных и изыскательских работ [6], опытно-конструкторских и технологических работ [5], а также научно-исследовательских работ [3].

Выводы

Автор публикации полагает, что сложившийся законодательный пробел ввиду отсутствия единообразной, унифицированной судебной практики должен быть решен исключительно на законодательном уровне посредством внесения изменений в § 1 гл. 37 ГК РФ.

Так, п. 2 ст. 720 ГК РФ необходимо дополнить следующим содержанием: «Сдача результата работ подрядчиком и приемка его заказчиком оформляются актом, подписанным обеими сторонами. При отказе одной из сторон от подписания акта в нем делается отметка об этом и акт подписывается другой стороной».

В результате следует отметить, что в настоящее время существует серьезный законодательный пробел, касающийся невозможности применения к правоотношениям на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ положений ст. 753 ГК РФ об одностороннем акте как законном средстве исполнения обязательства.

При этом судебная практика сложилась достаточно «пестро», поскольку решение вопроса о правоприменении ст. 753 ГК РФ к отношениям по договору на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ не нашло единого понимания.

Предложенные авторские инициативы по совершенствованию гражданского законодательства позволят разрешить возникший законодательный пробел и обеспечить исполнителям по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских

и технологических работ возможность отстаивать свои интересы, основываясь на нормах материального права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иншакова, А. О. Правовая адаптация в условиях влияния промышленной революции на предпринимательскую деятельность и ключевые компоненты экосистемы / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 6–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.1>
2. Козлова, М. Ю. Значение добросовестности контрагентов для договорных отношений / М. Ю. Козлова // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция*. – 2011. – № 1 (14). – С. 133–137.
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 марта 2017 г. по делу № А40-8709/2016. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант».
4. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 21 ноября 2016 г. по делу № А43-29968/2015. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант».
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 января 2017 г. по делу № А56-5120/2016. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/jKyWDUZZh1S/>. – Загл. с экрана.
6. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 июля 2014 г. по делу № А56-40591/2013. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант».
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 декабря 2015 г. по делу № А56-2619/2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JyHeAkMcCGVU/>. – Загл. с экрана.
8. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 13 сентября 2013 г. по делу № А40-155377/12-104-1116. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/470344853?ysclid=lfmqysl6r451730896>. – Загл. с экрана.
9. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 февраля 2008 г. по делу № А07-26559/2006. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/878405162?ysclid=lfjwn1h52t936877824>. – Загл. с экрана.
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 июня 2017 г. по делу № А40-217424/16. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/itХТУкр6nx4/>. – Загл. с экрана.

11. Харсеева, В. Л. «Иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» как форма злоупотребления правом / В. Л. Харсеева // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 10. – С. 177–179.

REFERENCES

1. Inshakova A.O. Pravovaya adaptatsiya v usloviyah vliyaniya promyshlennoj revolyucii na predprinimatel'skuyu deyatel'nost' i klyuchevye komponenty ekosistemy [Legal Adaptation in the Context of the Impact of the Industrial Revolution on Entrepreneurship and Key Components of the Ecosystem]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 6-13. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.1>

2. Kozlova M.Yu. Znachenie dobrosovestnosti kontragentov dlya dogovornyh otnoshenij [The Value of the Conscientiousness of Counterparties for Contractual Relations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence], 2011, no. 1 (14), pp. 133-137.

3. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 17 marta 2017 g. po delu № A40-8709/2016 [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated March 17, 2017 in Case No. A40-8709/2016]. *Access from Information Legal Portal "Garant"*.

4. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 21 noyabrya 2016 g. po delu № A43-29968/2015 [Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated November 21, 2016 in Case No. A43-29968/2015]. *Access from Information Legal Portal "Garant"*.

5. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 16 yanvarya 2017 g. po delu № A56-5120/2016 [Decision of the Arbitration Court

of the North-Western District of January 16, 2017 in Case No. A56-5120/2016]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/jKyWDUZZh1S/>

6. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 25 iyulya 2014 g. po delu № A56-40591/2013 [Resolution of the Federal Arbitration Court of the North-Western District of July 25, 2014 in Case No. A56-40591/2013]. *Access from Information Legal Portal "Garant"*.

7. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 14 dekabrya 2015 g. po delu № A56-2619/2015 [Decision of the Arbitration Court of the North-Western District of December 14, 2015 in Case No. A56-2619/2015]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JyHeAkMcCGVU/>

8. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 13 sentyabrya 2013 g. po delu № A40-155377/12-104-1116 [Resolution of the Federal Arbitration Court of the Moscow District of September 13, 2013 in Case No. A40-155377/12-104-1116]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/470344853?ysclid=lfmqyslb6r451730896>

9. Postanovlenie Vosemnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 19 fevralya 2008 g. po delu № A07-26559/2006 [Resolution of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal dated February 19, 2008 in Case No. A07-26559/2006]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/878405162?ysclid=lfjwn1h52t936877824>

10. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 26 iyunya 2017 g. po delu № A40-217424/16 [Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated June 26, 2017 in Case No. A40-217424/16]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/irrXTYkp6nx4>

11. Harseeva V.L. «Inoe zavedomo nedobrosovestnoe osushchestvlenie grazhdanskih prav» kak forma zloupotrebleniya pravom [“Other Knowingly Unfair Exercise of Civil Rights” as a Form of Abuse of the Right]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2014, no. 10, pp. 177-179.

Information About the Author

Olesya A. Belova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, belova.aa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

Информация об авторе

Олеся Александровна Белова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, belova.aa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5994-192X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.5>

UDC 343.1

LBC 67.410.213.82

Submitted: 09.03.2023

Accepted: 15.04.2023

THE SPECIFICS OF THE LEGAL RESPONSIBILITY OF AN EXPERT AS A SUBJECT OF CIVIL LAW RELATIONS

Evgeniya A. Novikova

Volgograd Linear Division of the Russian Ministry of Internal Affairs Transport Police,
Volgograd, Russian Federation

Introduction. In modern society, experts play an important role in various fields of activity; the outcome of the case largely depends on the accuracy, correctness, and objectivity of the expert's conclusions. One of the important ways to ensure legality in the system of expert activity is the responsibility of the expert. Considerable attention is paid to the study of the issue of legal responsibility of an expert for the violation of his duties in criminal and civil proceedings in legal science. At the same time, the expert may be a participant in civil-law relations, which requires the ascertainment of the specifics of property liability. The **purpose** of the study is to analyze the legal liability that can be applied to an expert for non-performance or improper performance of his duties in civil law relations. **Methods.** The methodological framework for the research is the tools of a systematic approach, as well as a set of general scientific (analysis and synthesis, induction, deduction, etc.) methods of scientific cognition. **Results.** Based on the legal analysis of the norms of domestic law and the approaches developed in the doctrine, the characteristic features of the civil liability of an expert are identified; the recommendations are developed regarding the improvement of the provisions of the legislation on the responsibility of an expert. **Conclusions.** The activity of an expert as a participant in civil law relations requires the ascertainment of property liability for non-preparation or poor-quality preparation of an expert opinion; to improve the work of an expert and improve the quality, it is necessary to introduce into the legislation a norm on the property liability of an expert for damage or destruction of the subjects of examination submitted for research (materials and documents).

Key words: legal responsibility, civil liability, civil law relations, expert, examination.

Citation. Novikova E.A. The Specifics of the Legal Responsibility of an Expert as a Subject of Civil Law Relations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 36-40. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.5>

УДК 343.1

ББК 67.410.213.82

Дата поступления статьи: 09.03.2023

Дата принятия статьи: 15.04.2023

СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЭКСПЕРТА КАК СУБЪЕКТА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Евгения Александровна Новикова

Волгоградское линейное управление МВД России на транспорте, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в современном обществе эксперты играют важную роль в различных областях деятельности, от точности, правильности, объективности выводов эксперта во многом зависит исход дела. Одним из важных способов обеспечения законности в системе экспертной деятельности является ответственность эксперта. Изучению вопроса юридической ответственности эксперта за нарушение им своих обязанностей в рамках уголовного и гражданского производства в юридической науке уделяется значительное внимание. В то же время эксперт может являться участником гражданско-правовых отношений, что требует установления специфики имущественной ответственности. **Целью** исследования является анализ юридической ответственности, которая может применяться к эксперту за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей в рамках гражданско-правовых отношений. **Методы:** методологическую основу исследования составляет инструментарий системного подхода, а также комплекс общенаучных (анализ и синтез, индукция,

дедукция и пр.) методов научного познания. **Результаты:** на основании правового анализа норм отечественного права и сложившихся в доктрине подходов выявлены характерные признаки гражданско-правовой ответственности эксперта; разработаны рекомендации относительно совершенствования положений законодательства в сфере ответственности эксперта. **Выводы:** деятельность эксперта как участника гражданско-правовых отношений требует установления имущественной ответственности за неподготовку или некачественную подготовку экспертного заключения; для улучшения работы эксперта и повышения качества необходимо ввести в законодательство норму об имущественной ответственности эксперта за повреждение или уничтожение представленных для исследования объектов экспертизы (материалов и документов).

Ключевые слова: юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность, гражданско-правовые отношения, эксперт, экспертиза.

Цитирование. Новикова Е. А. Специфика юридической ответственности эксперта как субъекта гражданско-правовых отношений // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 36–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.5>

Введение

В современном обществе эксперты играют важную роль в различных областях деятельности. Их задача заключается в том, чтобы принимать экспертные решения на основе своих знаний и опыта. При этом, как правило, эксперт вступает в различного рода правоотношения с заказчиком экспертизы, что подразумевает наступление соответствующего вида юридической ответственности за неисполнение своих профессиональных обязанностей.

Экспертная деятельность в Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [9]. Однако в данном законе непосредственно виды ответственности эксперта не закреплены.

В соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ эксперт несет ответственность за дачу заведомо ложного заключения, за разглашение данных предварительного расследования (ст. 57) [8]. Таким образом, наступает ответственность, предусмотренная статьями 307, 310 Уголовного кодекса РФ [7]. В то же время уголовная ответственность за неподготовку или некачественную подготовку экспертного заключения действующим законодательством не предусмотрена.

Нормами административного законодательства предусмотрена ответственность эксперта за заведомо ложное заключение по делу об административном правонарушении или в исполнительном производстве (ст. 17.9

Кодекса РФ об административных правонарушениях) [5].

Дисциплинарная ответственность эксперта, находящегося в трудовых отношениях с экспертным учреждением, предусмотрена нормами Трудового кодекса РФ [6].

Из ст. 41 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» следует, что «экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами» [9]. Из сказанного следует, что эксперт может быть самостоятельным участником гражданско-правовых отношений. При этом в Гражданском кодексе РФ отсутствуют специальные нормы, предусматривающие имущественную ответственность эксперта за неподготовку или некачественную подготовку экспертного заключения, применяются общие нормы об ответственности [ответственность за нарушение договора (ст. 401 ГК РФ), а также внедоговорная ответственность в случае причинения вреда (гл. 59 ГК РФ), неосновательное обогащение (гл. 60 ГК РФ)] [2].

Вопросы ответственности экспертов в различных видах судопроизводства исследовались в работах таких авторов, как: М.Ю. Харитоненко, Е.Р. Россинская, Н.Ю. Жигалов, А.Н. Хоменко, Н.А. Замаева, В.П. Сальников, Д.А. Соболев, М.Н. Чернова, О.Г. Дьяконова, Д.Ю. Затонова, Е. Кистанова, С.Н. Федулова, А.И. Бычков и др. Некоторые из них рассматривали непосредственно гражданско-

правовую (имущественную) ответственность эксперта за невыполнение или ненадлежащее выполнение своих процессуальных обязанностей (Д.Ю. Затонова, Д.А. Соболев). Большинство авторов уделяют внимание именно уголовной ответственности экспертов в тех ситуациях, когда ими было подготовлено ложное заключение или были разглашены сведения, которые стали им известны в результате подготовки и проведения экспертизы (Л.В. Лазарева, М.Ю. Харитоненко, Н.Ю. Жигалов, А.Н. Хоменко). Вопросы процессуального положения эксперта, его правовой статус, права и обязанности исследуются в работах Н.П. Майлис, Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной, И.В. Буромского, Ю.В. Ермаковой, Е.С. Сидоренко и др. Проблемы оплаты экспертам вознаграждения приводятся в работе Е. Кистановой. Следует согласиться с Д.Ю. Затоновой в том, что «вопросы гражданско-правовой (имущественной) ответственности эксперта в трудах ученых не раскрыты» [4, с. 7].

Учитывая проблемные вопросы, связанные с ответственностью эксперта во время осуществления своих обязанностей по проведению экспертизы и подготовке заключения эксперта, возникающих на основании договора, специфика гражданско-правовой ответственности приобретает особую актуальность и требует всестороннего исследования.

Изложение основного материала

В соответствии со ст. 85 Гражданского процессуального кодекса РФ в случае невыполнения требования суда, назначившего экспертизу, о направлении заключения эксперта в установленный срок, при отсутствии мотивированного сообщения о невозможности своевременного проведения экспертизы или невозможности ее проведения, на руководителя судебно-экспертного учреждения или эксперта налагается судебный штраф [3].

Важно отметить, что в законе ничего не говорится об имущественной ответственности эксперта в случае, если экспертиза вовсе не была предоставлена, либо не соответствует требованиям, предъявляемым к доказательствам, либо имеет неустранимые неточности, либо содержит вероятностные выводы.

Следует подчеркнуть, что гражданско-правовая ответственность эксперта имеет свои особенности и зависит от конкретных условий проведения экспертизы и соглашения между экспертом и заказчиком. Это может включать в себя вопросы о гарантиях на результаты экспертизы, об уплате вознаграждения и другие аспекты. Поэтому, при вступлении в договорные правоотношения, в договоре с экспертом должны быть подробно расписаны условия наступления имущественной ответственности.

Ответственность эксперта возникает только в случае, если эксперт не смог выполнить свои обязанности в полном объеме или допустил ошибки при проведении экспертизы. При этом ответственность эксперта может возникнуть только при наличии доказательств того, что его действия причинили имущественный вред заказчику или третьим лицам. Такой вред может выражаться в повреждении или уничтожении представленных для исследования объектов экспертизы.

Думается, что для улучшения работы эксперта и повышения качества необходимо ввести в законодательство норму об имущественной ответственности эксперта за повреждение или уничтожение представленных для исследования объектов экспертизы (материалов и документов). Так, в ст. 85 ГПК РФ следует включить норму следующего содержания: «в случае повреждения или уничтожения представленных для исследования объектов экспертизы (материалов и документов) по вине эксперта, эксперт должен возместить собственнику стоимость таких материалов, а также затраты, понесенные на организацию экспертизы». Схожая норма также должна быть закреплена в Арбитражном процессуальном кодексе РФ [1, с. 91].

Одним из наиболее распространенных случаев, когда эксперт может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности, является некорректность проведения экспертизы. Например, эксперт может неправильно оценить имеющиеся данные или не учесть некоторые факторы, что может привести к неправильному заключению. В таком случае заказчик экспертизы может понести убытки.

Важно понимать, что эксперт несет ответственность только за свою экспертизу, и

не может быть ответственным за действия других сторон. Поэтому, в случае возникновения споров между заказчиком и третьими сторонами, ответственность за их разрешение лежит на заказчике. Однако эксперт должен учитывать все возможные риски и особенности своей деятельности, чтобы избежать негативных последствий.

Имущественная ответственность эксперта предусматривает его обязанность возместить вред, причиненный заказчику. В случае нарушения экспертом условий договора, у лица, чьи права были нарушены такими действиями, возникает право требовать возмещения причиненного ущерба как с самого эксперта, так и с той экспертной организации, в которой он работает. Думается, что такой порядок взыскания может возникать по аналогии с той ситуацией, когда возмещение вреда требуют не с самого сотрудника, а с той организации, где он является работником (ст. 1068 ГК РФ).

Выводы

Таким образом, эксперт, занимающийся проведением экспертизы в рамках гражданско-правовых отношений, несет ответственность за качество своей работы и должен строго соблюдать нормы и требования, регулирующие его деятельность.

В случае нарушения сроков подготовки экспертного заключения, составления заключения, не дающего прямых ответов на поставленные вопросы, экспертного заключения, не соответствующего нормам законодательства, эксперт должен нести имущественную ответственность за вред, причиненный в результате несвоевременной или ненадлежащей подготовки экспертного заключения, а также в результате повреждения или уничтожения предоставленных на экспертизу доказательств.

На основании правового анализа норм отечественного права и сложившихся в доктрине подходов выявлены характерные признаки гражданско-правовой ответственности эксперта:

- такая ответственность должна быть неотвратимой (то есть наступает в случае нарушения экспертом своих обязательств);
- носит имущественный характер (по мнению автора, эксперт должен нести полную имущественную ответственность);

– такой ответственности свойственна восстановительная функция (поскольку она направлена на восстановление имущественного положения потерпевшей стороны).

Для улучшения работы эксперта и повышения качества необходимо ввести в законодательство норму об имущественной ответственности эксперта за повреждение или уничтожение представленных для исследования объектов экспертизы (материалов и документов). Полагаем, что такой подход позволит защитить интересы лиц, заказавших проведение экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балтутите, И. В. Правовое регулирование развития цифровой образовательной среды и коммерциализация результатов научных разработок в образовании / И. В. Балтутите // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 91–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.13>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – 29 янв. (№ 5). – Ст. 410.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // *Собрание законодательства РФ*. – 2002. – 18 нояб. (№ 46). – Ст. 4532.
4. Затонова, Д. Ю. Имущественная ответственность судебного эксперта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Затонова Дарья Юрьевна. – СПб., 2022. – 27 с.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 17.02.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // *Собрание законодательства РФ*. – 2002. – 7 янв. (№ 1). – Ст. 1.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // *Собрание законодательства РФ*. – 2002. – 7 янв. (№ 1). – Ст. 3.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – 17 июня (№ 25). – Ст. 2954.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // *Собрание законодательства РФ*. – 2001. – 24 дек. (№ 52). – Ст. 4921.
9. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // *Собрание законодательства РФ*. – 2001. – 4 июня (№ 23). – Ст. 2291.

REFERENCES

1. Baltutite I.V. Pravovoe regulirovanie razvitiya cifrovoj obrazovatel'noj sredy i komercializaciya rezul'tatov nauchnyh razrabotok v obrazovanii [Legal Regulation of the Development of the Digital Educational Environment and Commercialization of the Results of Scientific Developments in Education]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 1, pp. 91-98. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.13>

2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast vtoraiia) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 08.07.2021) [Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 № 14-FZ (ed. from 01.07.2021, with ed. from 08.07.2021)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, Jan. 29 (no. 5), art. 410.

3. Grazhdanskii protsessualnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 17.02.2023) [Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 № 138-FZ (ed. from 17.02.2023)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, Nov. 18 (no. 46), art. 4532.

4. Zatonova D.Iu. *Imushchestvennaia otvetstvennost sudebnogo eksperta: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk: 12.00.15* [Property Liability of a Forensic Expert. Cand. jurid. sci. abs. diss.: 12.00.15]. Saint Petersburg, 2022. 27 p.

5. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 17.02.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s

01.03.2023) [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (ed. of 17.02.2023) (with Amendments and Additions, Intro. Effective from 01.03.2023)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, Jan. 7 (no. 1), art. 1.

6. Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 19.12.2022) [Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ (ed. of 19.12.2022)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, Jan. 7 (no. 1), art. 3.

7. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.12.2022) [Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of 13.06.1996 (As Amended on December 29, 2022)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, June 17 (no. 25), art. 2954.

8. Ugolovno-protsessualnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 17.02.2023) [Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ of December 18, 2001 (As Amended on February 17, 2023)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, Dec. 24 (no. 52), art. 4921.

9. Federalnyi zakon «O gosudarstvennoi sudebno-ekspertnoi deiatelnosti v Rossiiskoi Federatsii» ot 31.05.2001 № 73-FZ (red. ot 01.07.2021) [Federal Law No. 73-FZ of 31.05.2001 «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» of May 31, 2001 № 73-FZ (ed. from 01.07.2021)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, June 4 (no. 23), art. 2291.

Information About the Author

Evgeniya A. Novikova, Expert, Forensic Department, Volgograd Linear Division of the Russian Ministry of Internal Affairs Transport Police, Kommunisticheskaya St, 48, 400005 Volgograd, Russian Federation, novickova.ew2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2684-4409>

Информация об авторе

Евгения Александровна Новикова, эксперт экспертно-криминалистического отделения, Волгоградское линейное управление МВД России на транспорте, ул. Коммунистическая, 48, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, novickova.ew2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2684-4409>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.6>

UDC 346.7
LBC 67.402

Submitted: 12.04.2023
Accepted: 10.05.2023

SMART CONTRACTS IN THE FINANCIAL SECTOR OF RUSSIA

Irina V. Gashenko

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

Mark B. Khoroshunov

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction. The paper discusses one of the most promising and widespread digital innovations in FinTech, the so-called smart contracts, which have the potential to increase the financial stability of the economy and entrepreneurship based on the digital modernization of other industries, including digital law. **Methods.** Based on the IMD statistics, a profile of the development of smart contracts in the Russian Federation in 2021 has been compiled. A factor analysis of the development of smart contracts in the Russian Federation in 2013–2021 has been carried out using the regression analysis method. **Results.** A forecast has been made and alternative scenarios for the development of smart contracts in Russia have been identified. It is proved that in Russia the current (as of 2021) level of development of smart contracts is moderate. A set of practical recommendations has been proposed to improve it. **Conclusions.** The key conclusion based on the results of the study is that the basis of the organization of smart contracts is the use of machine code and security protocols. The most common technology for securing smart contracts is blockchain. The results of modeling, forecasting and the proposed authors' recommendations have identified significant prospects for the development of smart contracts in the financial sector in Russia.

Key words: smart contracts in the financial sector, support of legal security, blockchain technology, guarantee of compliance with smart contracts, institutional legal support.

Citation. Gashenko I.V., Khoroshunov M.B. Smart Contracts in the Financial Sector of Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 41–49. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.6>

УДК 346.7
ББК 67.402

Дата поступления статьи: 12.04.2023
Дата принятия статьи: 10.05.2023

СМАРТ-КОНТРАКТЫ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ РОССИИ

Ирина Владиленовна Гашенко

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Марк Борисович Хорошунов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается одна из перспективных и распространенных в ФинТех цифровых инноваций, представляющих из себя так называемые смарт-контракты, которые обладают потенциалом повышения финансовой устойчивости экономики и предпринимательства на базе цифровой модернизации других отраслей, включая цифровое право. **Методы:** с опорой на статистику IMD составлен профиль развития смарт-контрактов в РФ в 2021 году. Проведен факторный анализ развития смарт-контрактов в РФ в 2013–2021 гг. с помощью метода регрессионного анализа. **Результаты:** составлен прогноз и определены альтернативные сценарии развития смарт-контрактов в России. Обосновано, что в России текущий (по данным на 2021 г.) уровень развития смарт-контрактов является умеренным. Для его повышения предложен комплекс практических рекомендаций. **Выводы:** ключевой вывод по итогам проведенного исследования состоит в том, что основу организации смарт-контрактов составляет применение машинного кода и протоколов безопасности. Наиболее распространенной технологией обеспечения смарт-контрактов является блокчейн.

Результаты моделирования, прогнозирования и предложенные авторские рекомендации обозначили значительные перспективы развития смарт-контрактов в финансовой сфере в России.

Ключевые слова: смарт-контракты в финансовой сфере, обеспечение правовой безопасности, технология блокчейна, гарантия соблюдения смарт-контрактов, институциональное правовое обеспечение.

Цитирование. Гашенко И. В., Хорошунов М. Б. Смарт-контракты в финансовой сфере России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 41–49. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.6>

Введение

В условиях цифровой экономики передовые технологии получают широкое распространение и активное практическое применение во всех отраслях. Под влиянием этого процесса происходят глубинные преобразования институциональной среды информационного общества и высокотехнологичного предпринимательства. В финансовой сфере это обеспечивает институционализацию высокотехнологичных финансов – ФинТех (FinTech), которые играют инфраструктурообразующую роль в цифровой модернизации других отраслей.

Одной из перспективных и получивших наибольшее распространение цифровых инноваций в ФинТех являются смарт-контракты, представляющие собой высокотехнологичные технико-правовые гарантии выполнения контрактных обязательств сторонами соглашений. Смарт-контракты обладают потенциалом повышения финансовой устойчивости экономики и предпринимательства и потому представляют высокую актуальность для современной России.

Цель этой работы заключается в исследовании основ организации смарт-контрактов, передового опыта их осуществления, а также возможностей их развития в России. Исследование проводится с опорой на метод контент-анализа литературы, метод систематизации и классификации, метод факторного анализа, метод экономико-математического моделирования и прогнозирования, а также метод формализации.

Смарт-контракты как научно-правовой концепт

Теоретические вопросы смарт-контрактов как научного концепта достаточно подробно изучены и представлены в имеющейся литературе. Согласно определению в работе

И.В. Кальницкой, О.В. Максимочкиной, смарт-контракты стремятся зафиксировать договорные элементы, которые носят алгоритмический характер, и защитить соглашения от подделки с помощью криптографических методов [3]. Это отражает технологическую и правовую природу смарт-контрактов.

Их организационно-управленческая природа состоит в том, что многие операционные элементы смарт-контрактов в финансовой сфере представляют собой фьючерсы, выраженные на языке программирования. К примеру, полис страхования сельскохозяйственного предпринимательства от природно-климатических рисков предусматривает, что предпринимателю будет выплачена компенсация (страховое покрытие понесенных убытков) в определенном размере в случае, если индекс осадков будет ниже установленного значения (пример приведен Всемирным банком на основе международной практики) [11]. То есть предприниматели, занимающиеся смарт-контрактами, стремятся выразить фьючерсные отношения с помощью компьютерных программ.

Юридическую природу смарт-контракта раскрывает А.В. Русаков в его определении как автоматизированного и подлежащего исполнению соглашения [7]. Автоматизация смарт-контракта осуществляется с помощью компьютера, хотя некоторые аспекты могут требовать участия и контроля человека. Защита и юридическая гарантия соблюдения прав сторон смарт-контракта обеспечивается либо путем судебной защиты прав и обязательств, либо посредством защищенного от несанкционированного доступа исполнения компьютерного кода, то есть обеспечения правовой безопасности при реализации смарт-контрактов в финансовой сфере (банки, страхование).

Два самых новаторских свойства смарт-контрактов заключаются в том, что они са-

моисполняемы и неизменны. Другими словами, они выполняются без участия человека и не подлежат корректировке. Преимуществом смарт-контрактов является то, что отмеченные новаторские свойства способствуют наращению их эффективности, а также сами по себе уменьшают юридические риски и несоответствия. Недостатки смарт-контрактов связаны с ограниченными возможностями или даже невозможностью их корректировки, из-за чего при существенном изменении обстоятельств они могут стать невыгодными для обеих сторон контрактных отношений.

Ученые-правоведы и технические аналитики к настоящему времени предложили множество типологий, которые классифицируют формы смарт-контрактов в зависимости от их технологических и организационно-управленческих особенностей. Наиболее распространенными и представляющими определенный научно-практический интерес являются две следующих типологизации.

В.А. Дадалко, В.В. Николаевский, А.Д. Некрасов, Д.С. Шерстнева в свою очередь предложили провести различие между «внешними» и «внутренними» смарт-контрактами. Внешние смарт-контракты опираются на собственную систему электронного документооборота, действующую на партнерских предприятиях. Внутренние смарт-контракты опираются на сторонние технологии, аутсорсинговые услуги в области информационно-коммуникационных технологий [1]. Гарантия соблюдения смарт-контрактов первого типа основана в значительной степени на доверии и внутренних системах кибербезопасности предприятий. Во втором типе ключевое значение приобретают внешние технологические гарантии.

До тех пор пока в 2008 г. технология блокчейна не была широко представлена при разработке биткойна, не было очевидно, какое средство лучше всего подходит для размещения смарт-контрактов. По утверждению А. Гребенкиной и А. Зубарева, высокоэффективная и массово доступная технология, по-видимому, является необходимым условием для того, чтобы смарт-контракты стали обычным явлением в деловых транзакциях в финансовой сфере [4]. Наиболее широкое распространение в настоящее время получили смарт-контракты на основе блокчейна.

По мнению В.К. Шайдуллиной, некоторые свойства блокчейна, такие как его распределенный механизм мониторинга и консенсуса, а также его криптографические свойства, могут способствовать синергии со смарт-контрактами [10]. Именно эта комбинация смарт-контрактов и блокчейна открывает новые перспективы для цифровой экономики. Различные организации считают смарт-контракты неотделимыми от блокчейна.

Н.П. Остроушко [6] и Ю.С. Харитонов [9] отмечают, что в сочетании с блокчейном, смарт-контракты потенциально предлагают прозрачный, автоматизированный и эффективный способ облегчения различных договорных процессов, особенно мониторинга выполнения соглашений с меньшей зависимостью от третьих сторон.

Смарт-контракты на основе блокчейна, как правило, должны следовать определенной последовательности этапов. На первом этапе договаривающиеся стороны согласовывают и кодируют условия своего соглашения в смарт-контракте, возможно, с помощью разработчика. На втором этапе происходит проверка смарт-контракта субъектами контрактных отношений, а также занесение информации о нем в распределенный реестр. На третьем этапе смарт-контракт обычно подключается к внешним источникам данных через службы базы данных. Они могут включать поток данных или счета в финансовых учреждениях. Наконец, на четвертом этапе смарт-контракт оценивает данные и либо истекает, либо выполняется самостоятельно в зависимости от условий соглашения.

Обзор международной практики смарт-контрактов

При рассмотрении опыта ведущих юрисдикций следует обратить внимание на то, что в международной практике смарт-контракты входят в состав так называемых децентрализованных финансовых сервисов (DeFi), крупнейшими из которых в глобальном масштабе являются MakerDAO, Compound Finance и Uniswap, а в масштабе России – InDeFiSmartBank. По итогам 2021 г. совокупная стоимость DeFi оценивалась в 94 млрд долл. [8].

Возможности смарт-контрактов широки – они охватывают и кредитование в криптовалютах (например, AAVE), и торговлю производными финансовыми инструментами (к примеру, опционами по опыту Opyn). Рассмотрим успешные примеры осуществления смарт-контрактов по отраслям экономики из материалов [8].

Например, в цифровом здравоохранении архивные данные пациентов должны автоматически становиться неизменяемыми и доступными только для медицинских работников и пациентов. Например, Encorgen использует смарт-контракты для передачи данных ДНК пациентов исследователям в целях клинических испытаний.

Ожидается, что мировой рынок блокчейна в страховании составит 1,39 млрд долл. в 2023 г. с совокупным годовым темпом роста в 85 %. Смарт-контракты могут улучшить процессы страхования за счет автоматизации управления претензиями и сбора данных. Например, в 2017 г. AXA insurance запустила страховой продукт Fizzy, который использовал технологию смарт-контрактов для рассмотрения страховых претензий по задержке рейса. Смарт-контракты были подключены к глобальным базам данных воздушного движения, так что при задержке более двух часов автоматически осуществлялись страховые выплаты [5, с. 781].

В управлении цепями поставок в логистике с помощью смарт-контрактов каждый участник цепочки поставок может отслеживать местоположение товара с помощью датчиков интернета вещей и смарт-контрактов. Если элемент теряется во время процесса, смарт-контракты могут определить его местоположение. Смарт-контракты также могут автоматизировать рутинные задачи и платежи, поэтому организациям не нужно обмениваться данными с помощью документов (к примеру, Walmart и HomeDepot) [2, с. 33].

90 % международной торговли осуществляется с помощью судов. Огромное количество документов и вовлеченных сторон может легко привести к неэффективности и проблемам в цепочке поставок из-за высоких транзакционных издержек и конфликта интересов заинтересованных сторон. Смарт-контракты могут решить эту проблему, предос-

тавляя единый источник, где вся информация хранится в унифицированном формате, который может быть легко передан соответствующим сторонам (к примеру, TradeLens).

Смарт-контракты могут ускорить процесс смены владельца собственности. Контракты на изменение права собственности могут быть запрограммированы и выполнены автоматически. Например, как только покупатель производит платеж продавцу, смарт-контракт может автоматически сменить владельца актива на основе платежной информации в блокчейне (пример: Propy).

Объекты недвижимости также можно арендовать с помощью смарт-контрактов: например, RentPeacefully позволяет арендовать и размещать объекты в блокчейне Ethereum с использованием смарт-контрактов. Одно из преимуществ, которое арендаторы имеют при мирной аренде, заключается в том, что когда заказ на обслуживание отправляется в блокчейн, смарт-контракт понимает это и блокирует арендную плату до тех пор, пока проблема не будет решена [12].

Собственность на недвижимость может быть токенизирована и продана как инвестиционный фонд недвижимости. Смарт-контракты могут быть заключены для сделок с недвижимостью, чтобы они обеспечивали доход от аренды или дивиденды владельцам. Например, Reinno обеспечивает токенизацию владения недвижимостью, которая обеспечивает пассивный доход владельцам токенов.

Эмпирический анализ опыта и перспектив развития смарт-контрактов в России

Прежде чем перейти к перспективам развития смарт-контрактов в финансовой сфере в РФ, рассмотрим профиль развития смарт-контрактов в РФ в 2021 г., который продемонстрирован на рисунке 1. Показатели для построения данного профиля выбраны из материалов IMD за 2021 год [8].

Как видно на рисунке 1, уровень развития смарт-контрактов в финансовой сфере в России достиг 58-го места из 63-х. Надежность институционального обеспечения смарт-контрактов высокая (39-е место). Владение общества навыками осуществления

смарт-контрактов и активность информационного общества умеренные (44-е место в обоих случаях). Технологическая готовность бизнеса к осуществлению смарт-контрактов находится на 56-м месте, а электронное правительство и кибербезопасность – на 48-м. Оригинальные названия рассмотренных показате-

лей и динамика их значений в России в 2013–2021 гг. приведены в таблице 1.

Данные результаты рисунка 1 свидетельствуют о том, что в Российской Федерации государство и правительство активно внедряют цифровые технологии как один из способов для реализации прав граждан в различных

Рис. 1. Профиль развития смарт-контрактов в РФ в 2021 г., место 1–63

Примечание. Источник: IMD [13].

Таблица 1

Уровень и потенциальные факторы развития смарт-контрактов в РФ в 2013–2021 г., место 1–63

Год	Уровень развития смарт-контрактов в финансовой сфере	Надежность институционального обеспечения смарт-контрактов	Владение общества навыками осуществления смарт-контрактов	Активность информационного общества	Технологическая готовность бизнеса к осуществлению смарт-контрактов	Электронное правительство и кибербезопасность
	Capital	Regulatory framework	Talent	Adaptive attitudes	Business agility	IT integration
	y	x_1	x_2	x_3	x_4	x_5
2013	54	41	43	35	60	44
2014	52	36	44	34	60	41
2015	56	36	36	42	61	42
2016	57	36	37	40	61	39
2017	57	36	35	44	59	43
2018	58	38	40	39	62	43
2019	57	40	45	40	54	43
2020	57	40	47	43	60	51
2021	58	39	44	44	56	48
Среднее арифметическое	56,22	38,00	41,22	40,11	59,22	43,78
Стандартное отклонение	1,99	2,06	4,35	3,66	2,59	3,63

Примечание. Составлено авторами на основе материалов IMD [13].

общественных сферах. Активность информационного общества возрастает умеренно.

На основе имеющейся статистики проведен факторный анализ развития смарт-контрактов в РФ в 2013–2021 годах. Для этого использован метод регрессионного анализа. Полученные результаты свидетельствуют о том, что уровень развития смарт-контрактов в России на 93,12 % объясняется влиянием рассматриваемых факторов (множественный $R = 0,9312$; $R^2 = 0,8671$). Также получена следующая модель множественной линейной регрессии, достоверная на уровне значимости 0,15:

$$y = -18,1864 + 0,7594 \times x_1 + 0,3117 \times x_2 + 0,9489 \times x_3 + 0,4170 \times x_4 - 0,6865 \times x_5. \quad (1)$$

Модель (1) указывает на то, что единственным фактором, не оказывающим положительного влияния на развитие смарт-контрактов в России, является электронное правительство и кибербезопасность, о чем свидетельствует отрицательное значение коэффициента регрессии. При повышении надежности институционального правового обеспечения смарт-контрактов на 1 место уровень их развития возрастает на 0,7594 места.

При возрастании владения общества навыками осуществления смарт-контрактов на

основе опыта ведущих юрисдикций на 1 место уровень их развития возрастает на 0,3117 места. При повышении активности информационного общества на 1 место – уровень их развития возрастает на 0,9489. При увеличении технологической готовности бизнеса, в том числе на основе цифровизации, к осуществлению смарт-контрактов на 1 место – уровень их развития возрастает на 0,4170. Стандартная ошибка составила 1,1822, то есть оказалась невелика.

С опорой на средние арифметические и стандартные отклонения из таблицы 1 автоматически сгенерировано по 100 случайных чисел, отражающих прогноз изменения значений четырех отобранных факторных переменных, положительно влияющих на развитие смарт-контрактов в России. Поэтому, гистограммы нормального распределения прогнозов приведены на рисунке 2.

На основе гистограмм из рисунка 2 определены альтернативные сценарии развития смарт-контрактов в России (см. табл. 2).

Как продемонстрировано в таблице 2, реалистичский сценарий с вероятностью 0,21 обеспечит повышение уровня развития смарт-контрактов в России на 5,95 %. При пессимистическом сценарии с вероятностью 0,07 произойдет снижение уровня развития

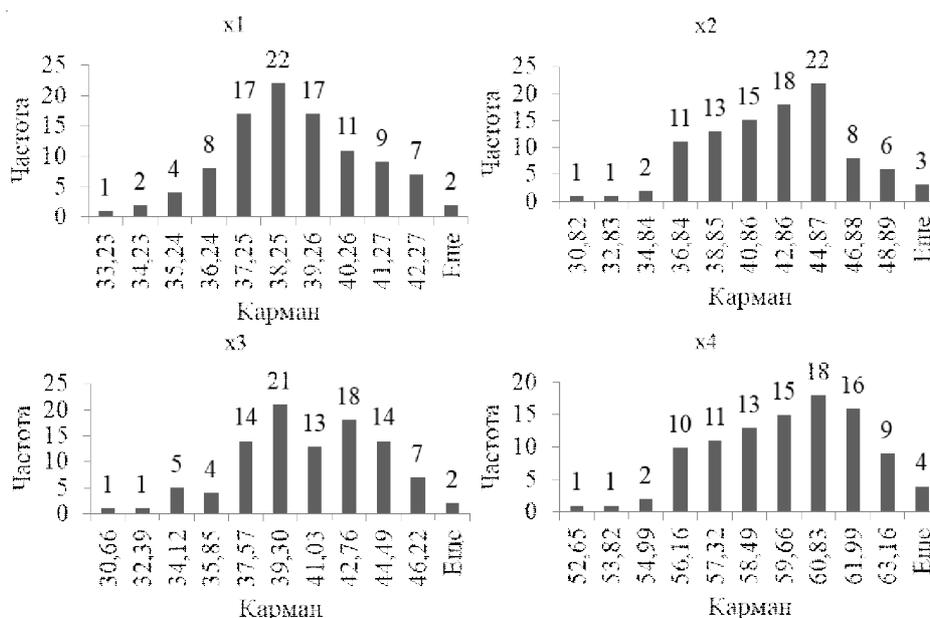

Рис. 2. Гистограммы нормального распределения прогнозов изменения отобранных факторов развития смарт-контрактов в России

Примечание. Рассчитано и построено авторами.

Таблица 2

Сценарии развития смарт-контрактов в России

Показатель	Тип значения показателя	Реалистический сценарий	Пессимистический сценарий	Оптимистический сценарий
Надежность институционального обеспечения смарт-контрактов	Базовое значение	39		
	Значение по сценарию	38,25	42,27	36,24
	Вероятность	0,22	0,07	0,08
	Прирост значения, %	-1,92 (улучшение)	+8,38 (ухудшение)	-7,08 (улучшение)
Владение общества навыками осуществления смарт-контрактов	Базовое значение	44		
	Значение по сценарию	44,87	48,89	36,84
	Вероятность	0,22	0,06	0,11
	Прирост значения, %	+1,98 (ухудшение)	+11,11 (ухудшение)	-16,27 (улучшение)
Активность информационного общества	Базовое значение	44		
	Значение по сценарию	39,30	46,22	34,12
	Вероятность	0,21	0,07	0,05
	Прирост значения, %	-10,68 (улучшение)	+5,05 (ухудшение)	-22,45 (улучшение)
Технологическая готовность бизнеса к осуществлению смарт-контрактов	Базовое значение	56		
	Значение по сценарию	60,83	63,16	56,16
	Вероятность	0,18	0,09	0,10
	Прирост значения, %	+8,63 (ухудшение)	+12,79 (ухудшение)	неизменно
Уровень развития смарт-контрактов в финансовой сфере	Базовое значение	58		
	Значение по сценарию	54,55	66,39	43,66
	Вероятность	0,21 *	0,07 **	0,09 ***
	Прирост значения, %	-5,95 (улучшение)	+14,47 (ухудшение)	-24,73 (улучшение)

Примечание. Рассчитано и составлено авторами. * – $(0,22 + 0,22 + 0,21 + 0,18) / 4$; ** – $(0,07 + 0,06 + 0,07 + 0,09) / 4$; *** – $(0,08 + 0,11 + 0,05 + 0,10) / 4$.

смарт-контрактов в России на 14,47 %. Оптимистический сценарий с вероятностью 0,09 приведет к повышению уровня развития смарт-контрактов в России на 24,73 %. Сценарии получены при неизменности текущего уровня развития электронного правительства и кибербезопасности.

Выводы

Итак, основу организации смарт-контрактов составляет применение машинного кода и протоколов безопасности. Наиболее распространенной технологией обеспечения смарт-

контрактов является блокчейн. В международной практике смарт-контракты в финансовой сфере широко распространены и обеспечивают повышение доступности и эффективности оказания банковских и страховых услуг в различных отраслях экономики.

В России текущий (по данным на 2021 г.) уровень развития смарт-контрактов является умеренным. Для его повышения предлагаются следующие практические рекомендации:

1) повышение надежности институционального обеспечения смарт-контрактов на 1,92–7,08 %;

2) рост активности владения общества навыками осуществления смарт-контрактов на 16,27 %;

3) увеличение активности информационного общества на 10,68–22,45 %;

4) поддержание на высоком уровне технологической готовности бизнеса к осуществлению смарт-контрактов, в том числе за счет обеспечения безопасности в этой сфере на основе цифрового права.

Результаты моделирования, прогнозирования и предложенные авторские рекомендации обозначили значительные перспективы развития смарт-контрактов в финансовой сфере в России: их прирост в ближайшие годы оценен в 5,95–24,73 %. Благодаря системообразующей роли смарт-контрактов в финансовой сфере (при оказании высокотехнологичных банковских и страховых услуг) в развитии цифровой экономики, можно обеспечить синергетический эффект в виде высокотехнологичного роста таких отраслей отечественной экономики, как здравоохранение, транспорт, логистика, международная торговля, оказание государственных услуг и аренда недвижимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 52. – Ст. 3302.

2. Гребенкина, А. Перспективы использования смарт-контрактов в финансовой сфере / А. Гребенкина, А. Зубарев // Экономическое развитие России. – 2018. – Т. 25, № 12. – С. 32–43.

3. Кальницкая, И. В. Актуальные вопросы применения смарт-контракта как цифрового финансового инструмента / И. В. Кальницкая, О. В. Максимочкина // Фундаментальные исследования. – 2022. – № 5. – С. 51–55.

4. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с поправками от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 2020. – Июль.

5. Максимовская, А. А. Использование смарт-контрактов в международных финансовых отношениях / А. А. Максимовская // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – № 3 (20). – С. 781–785.

6. Остроушко, Н. П. Влияние смарт-контрактов на развитие финансового рынка / Н. П. Остро-

ушко // Colloquium-Journal. – 2019. – № 11-5 (35). – С. 58–59.

7. Рушаков, А. В. Цифровые права, цифровые финансовые активы, блокчейн-технологии, смарт-контракты, bigdata, криптовалюта как новая правовая реальность / А. В. Рушаков // Вестник магистратуры. – 2019. – № 11-4 (98). – С. 116–118.

8. Смарт-контракт: понятие, финансовая сущность, мировой опыт и возможности практического использования / В. А. Дадалко, В. В. Николаевский, А. Д. Некрасов, Д. С. Шерстнева // Финансы и кредит. – 2021. – Т. 27, № 8 (812). – С. 1871–1893.

9. Харитонова, Ю. С. Смарт-контракт в системе отношений по распоряжению цифровым финансовым активом / Ю. С. Харитонова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 7. – С. 44–47.

10. Шайдуллина, В. К. Смарт-контракты на финансовом рынке: результаты исследования / В. К. Шайдуллина // Судья. – 2019. – № 2 (98). – С. 21–23.

11. Smart Contract Technology and Financial Inclusion // World Bank. – Electronic text data. – Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33723/Smart-Contract-Technology-and-Financial-Inclusion.pdf?sequence=5>. – Title from screen.

12. Top 9 Smart Contract Use Cases & Examples // AI Multiple. – Electronic text data. – Mode of access: <https://research.aimultiple.com/smart-contracts-examples/>. – Title from screen.

13. World Digital Competitiveness Ranking. 2022 Report: Browse the Full Report // IMD. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/>. – Title from screen.

REFERENCES

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30 Noyabrya 1994 g. № 52-FZ (v aktual'noy redaktsii) [Civil Code of the Russian Federation No. 52-FZ of November 30, 1994 (As Amended)]. *Sobraniye zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 52, art. 3302.

2. Grebenkina A., Zubarev A. Perspektivy ispol'zovaniya smart-kontraktov v finansovoy sfere [Prospects for the Use of Smart Contracts in the Financial Sector]. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii* [Economic Development of Russia], 2018, vol. 25, no. 12, pp. 32-43.

3. Kalnitskaya I.V., Maksimochkina O.V. Aktual'nyye voprosy primeneniya smart-kontrakta kak tsifrovogo finansovogo instrumenta [Actual Issues of Smart Contract Application as a Digital Financial

Instrument]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental Research], 2022, no. 5, pp. 51-55.

4. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata na vsenarodnom golosovanii 12 dekabrya 1993 g. (s popravkami ot 1 iyulya 2020 g.) [The Constitution of the Russian Federation. Adopted by Popular Vote on December 12, 1993 (As Amended on July 1, 2020)]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2020, July.

5. Maksimovskaya A.A. Ispol'zovaniye smart-kontraktov v mezhdunarodnykh finansovykh otnosheniyakh [The Use of Smart Contracts in International Financial Relations]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i razrabotki* [Modern Scientific Research and Development], 2018, no. 3 (20), pp. 781-785.

6. Ostroushko N.P. Vliyaniye smart-kontraktov na razvitiye finansovogo rynka [The Impact of Smart Contracts on the Development of the Financial Market]. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 11-5 (35), pp. 58-59.

7. Rusakov A.V. Sifrovyye prava, tsifrovyye finansovyie aktivy, blokcheyn-tekhnologii, smart-kontrakty, bigdata, kriptomalyuta kak novaya pravovaya real'nost' [Digital Rights, Digital Financial Assets, Blockchain Technologies, Smart Contracts, Big Data, Cryptocurrency as a New Legal Reality]. *Vestnik magistratury* [Bulletin of the Magistracy], 2019, no. 11-4 (98), pp. 116-118.

8. Dadalko V.A., Nikolaevsky V.V., Nekrasov A.D., Sherstneva D.S. Smart-kontrakt: ponyatiye, finansovaya sushchnost', mirovoy opyt i vozmozhnosti prakticheskogo ispol'zovaniya [Smart Contract: Concept, Financial Essence, World Experience and Possibilities of Practical Use]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2021, vol. 27, no. 8 (812), pp. 1871-1893.

9. Kharitonova Yu.S. Smart-kontrakt v sisteme otnosheniy po rasporyazheniyu tsifrovym finansovym aktivom [Smart Contract in the System of Relations for the Disposal of a Digital Financial Asset]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2021, no. 7, pp. 44-47.

10. Shaidullina V.K. Smart-kontrakty na finansovom rynke: rezul'taty issledovaniya [Smart Contracts in the Financial Market: Research Results]. *Sud'ya* [Judge], 2019, no. 2 (98), pp. 21-23.

11. Smart Contract Technology and Financial Inclusion. *World Bank*. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33723/Smart-Contract-Technology-and-Financial-Inclusion.pdf?sequence=5>

12. Top 9 Smart Contract Use Cases & Examples. *AI Multiple*. URL: <https://research.aimultiple.com/smart-contracts-examples/>

13. World Digital Competitiveness Ranking. 2022 Report: Browse the Full Report. *IMD*. URL: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/>

Information About the Authors

Irina V. Gashenko, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Taxes and Taxation, Rostov State University of Economics, Bolshaya Sadovaya St, 69, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, gaforos@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7121-9363>

Mark B. Khoroshunov, Master's Student, Rostov State University of Economics, Bolshaya Sadovaya St, 69, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, mark.bestest10@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-3540-4949>

Информация об авторах

Ирина Владиленовна Гашенко, доктор экономических наук, профессор кафедры налогов и налогообложения, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), ул. Большая Садовая, 69, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, gaforos@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7121-9363>

Марк Борисович Хорошунув, студент магистратуры, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), ул. Большая Садовая, 69, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, mark.bestest10@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-3540-4949>

www.volsu.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.7>

UDC 340.1
LBC 67.0

Submitted: 12.04.2023
Accepted: 15.05.2023

THE LEGAL NATURE OF STRATEGIC PLANNING ACTS

Diana R. Mamyasheva

Arbitration Court of the Saratov Region, Saratov, Russian Federation

Introduction. The research is aimed at determining the legal nature of strategic planning acts, their features, place and role in the system of legal acts. Currently, several thousand strategic planning acts have been adopted and are in force at all three levels (according to the Federal Register of Strategic Planning Documents), while acts are being adopted, both provided and not provided for by the Law on Strategic Planning. In addition, many strategic planning acts are not included in the State Register, which makes it difficult to analyze the whole picture of the current strategic planning in the country and the relevant acts. **Purpose.** It is necessary to systematize them theoretically and form practical directions for optimizing such a system and increasing its effectiveness. This determines the need for a detailed study of this category of acts. **Methods.** The framework for the research is general scientific, specific scientific and special methods of cognition, among which the dialectical method, ascent from the abstract to the concrete, analysis and synthesis, generalization, comparative jurisprudence, etc. occupy the main place. **Results.** The consideration of strategic planning acts through various legal concepts does not reveal their legal nature. Strategic planning acts are atypical mixed legal acts that integrate the elements of different legal nature (non-normative provisions, normative legal regulations and non-normative (individual) legal regulations) within the framework of one legal act. **Conclusions.** Normative legal regulations in strategic planning acts are mainly represented by atypical legal regulations, but may also contain “typical” legal norms.

Key words: legal acts, development strategy, planning, planning acts, strategic planning.

Citation. Mamyasheva D.R. The Legal Nature of Strategic Planning Acts. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 50-59. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.7>

УДК 340.1
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 12.04.2023
Дата принятия статьи: 15.05.2023

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АКТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Диана Рафисовна Мамяшева

Арбитражный суд Саратовской области, г. Саратов, Российская Федерация

Введение: исследование направлено на определение правовой природы актов стратегического планирования, их особенностей, места и роли в системе правовых актов. В настоящее время принято и действуют на всех трех уровнях несколько тысяч актов стратегического планирования (по данным федерального реестра документов стратегического планирования), при этом принимаются акты как предусмотренные законом о стратегическом планировании, так и не предусмотренные им. Кроме того, многие акты стратегического планирования не включены в государственный реестр, что затрудняет анализ всей картины сложившегося в

стране стратегического планирования и соответствующих актов. **Цель:** необходима их теоретическая систематизация и формирование практических направлений по оптимизации такой системы и повышению ее эффективности. Указанное определяет необходимость детального исследования данной категории актов. **Методы:** основу данного исследования составляют общенаучные, частнонаучные и специальные методы познания, среди которых основное место занимают диалектический метод, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, обобщение, сравнительное правоведение и др. **Результаты:** рассмотрение актов стратегического планирования через различные правовые концепции не раскрывает их правовой природы. Акты стратегического планирования являются нетипичными смешанными правовыми актами, интегрировано объединяющими в рамках одного правового акта элементы различной правовой природы (ненормативные положения, нормативные правовые предписания и ненормативные (индивидуальные) правовые предписания). **Выводы:** нормативные правовые предписания в актах стратегического планирования представлены преимущественно нетипичными правовыми предписаниями, но могут содержать и «типичные» правовые нормы.

Ключевые слова: правовые акты, стратегия развития, планирование, акты планирования, стратегическое планирование.

Цитирование. Мамяшева Д. Р. Правовая природа актов стратегического планирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 50–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.7>

Введение

Акты, как и документы, могут быть либо правовыми, либо неправовыми (например, историческими, бытовыми (график дежурств на этаже дома) и пр.). Особенностью правовых актов является не только то, что они представляются результатом правомерного поведения, но и «юридически значимым содержательным элементом правовой системы», вошедшим «в правовую ткань вследствие правотворческой, властной индивидуально-правовой или автономной деятельности субъектов» [1, с. 427].

Стратегические акты могут приниматься не только государством или муниципальными образованиями (их должностными лицами), но и иными общественными институтами (политическими партиями, общественными движениями, корпорациями и др.). Но при утверждении (одобрении) документа компетентным государственным органом или органом местного самоуправления они приобретают характер правовых актов.

В самом общем виде правовые акты обладают тремя основными признаками.

Во-первых, они выражены в словесной письменной форме, имеют внешнюю объективизацию, но по этому признаку неотличимы от письменных неправовых актов. В литературе обращается внимание на существование правовых актов в устной и конклюден-

тной формах, однако акты стратегического планирования в таких формах существовать не могут.

Во-вторых, они фиксируют волю, направленную на достижение юридических последствий и обладающую юридической силой. В правовых актах воля их авторов преобразуется в волеизъявление. Однако для характеристики актов именно как правовых необходима не простая констатация воли субъектов, а определение юридического содержания такого волеизъявления, которое отражает их правовую позицию.

В-третьих, правовые акты содержат «элементы правовой системы» (юридические нормы, правовые позиции, акты реализации права), «обладающие юридической энергией или воздействующие на процесс правового регулирования» [1, с. 429].

В-четвертых, правовые акты влекут правовые последствия, преследуют социально-полезные цели, регулируют общественные отношения.

Исходящий от государства документ стратегического планирования не может быть простым заявлением о намерениях и желаниях, он обладает юридической силой, а значит, защищен государственным принуждением. Следовательно, должны быть определены правовой механизм реализации таких актов, лица и структуры (институты), ответственные за работу этого механизма, формы итогов и отчетов о реализации документов.

Основное содержание

В классической теории права правовые акты делятся на две группы: нормативные (нормативные акты правотворчества и интерпретационные) и индивидуальные (акты применения права и акты реализации права). В современных исследованиях нормативные акты отграничивают от интерпретационных, однако квартет системы правовых актов остается неизменным [26].

Тем не менее еще в середине прошлого века теоретики советского права обратили внимание на наличие в правовой системе актов-директив (акты планирования), которые обладали признаками и нормативных, и индивидуальных правовых актов. С одной стороны, они не персонифицированы, касаются широкого круга участников – неопределенных лиц и требуют деятельности в определенных направлениях, действуют довольно длительно во времени и воздействуют на целую сферу общественных отношений. С другой стороны, это распорядительные плановые акты компетентных органов, они не предписывают конкретных моделей поведения, не конкретизируют прав, обязанностей и запретов, могут содержать показатели изменения социальной действительности, к которым следует стремиться.

При этом советские теоретики права, выделив множество специфических особенностей актов-директив и не сомневаясь в отнесении их именно к актам правовым, не попытались встроить их в систему правовых актов. С.С. Алексеев писал: «Нормативный акт как форма права – это именно *нормативный* акт, носитель юридических норм, акт, противоположаемый индивидуальным актам применения права. Здесь все ясно» [1, с. 234]. Но относительно того, к какой из этих групп следует отнести программные документы планирования, ясности не было и нет.

Доктринальные подходы к разрешению указанного вопроса различны.

Ряд ученых полагают, что акты стратегического планирования, во всяком случае некоторые из них, следует отнести к нормативно-правовым актам, поскольку они содержат нормы права [23]. Например, авторы работы о проблемах приграничного сотрудничества к основным *нормативно-правовым* ак-

там, регламентирующим приграничное сотрудничество в РФ, наряду с федеральным законом «Об основах приграничного сотрудничества», прямо относят и Концепцию приграничного сотрудничества в Российской Федерации, и Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [25, с. 2165]. Бюджетные программно-целевые акты называют нормативно-правовыми актами, содержащими особые плановые нормы и признаваемыми основанием возникновения расходных обязательств [16, с. 19].

Предлагается определять их нормативными актами доктринального характера [21] или нормативно-правовыми актами стратегического характера [17]. Интересно заметить, что суды прямо называют такие документы нормативными актами и технически и юридически применяют их так же, как «классические» нормативные правовые акты [20].

В категориальный аппарат теории права предлагается ввести термин «стратегический нормативный акт», который издается в порядке правотворчества компетентным органом государственной власти и содержит нормы, касающиеся общих основ (идей), целей, задач и принципов развития какой-либо сферы правового регулирования общественных отношений, структурированных в порядке перспективного планирования [14, с. 125].

Другие, напротив, полагают, что документы стратегического планирования не содержат нормы права и не могут оцениваться как источники (формы) права, а являются политико-идеологическими источниками, «формулирующими основы правовой политики в соответствующей сфере» [18]. Такой подход снимает и дискуссию о иерархической юридической силе этих документов (поскольку последняя перестает иметь правовое значение, носит условный характер), и споры о видах актов, утверждающих (одобряющих) такие документы.

При этом не оспаривается, что программные документы, в том числе стратегического планирования, находятся в системе права, занимают в ней «особое» место, но не включены в иерархию формально-юридических источников права. Документы стратегического планирования и нормативные документы объединяются исследователями и в единый

род – государственных документов [11], их называют политико-правовым феноменом, «имеющим одновременно и нормативно-правовой, и декларативно-политический характер» [13, с. 27].

В системе права не могут находиться неправовые акты, следовательно, требуется не только констатация их особого положения в системе права, но и конкретное определение их места в ней, в том числе в соотношении с нормативными и индивидуальными правовыми актами.

В научной литературе предпринята попытка построения иерархии документов стратегического планирования: доктрина – концепция – стратегия. М.А. Мушинский пишет, что «на основании доктрины может быть выработана концепция, которая, в свою очередь, должна быть реализована в стратегии. При этом в той же последовательности уменьшается уровень абстрактности и возрастает степень нормативности документов» [18, с. 499]. На соподчинение стратегий концепциям указывал также Д.С. Хижняк [24, с. 34]. Следовательно, стратегии обладают некоторой «степенью нормативности» (или большей в сравнении с концепциями и доктринами), что требует их разграничения с нормативно-правовыми актами. Важно также отметить, что законодатель никогда таким образом не соотносил указанные документы, это лишь доктринальное предположение, особенно с учетом того, что концепции вообще не упоминаются в Законе о стратегическом планировании, а доктрины допускаются только в сфере обеспечения национальной безопасности.

Отнесение актов стратегического планирования к *особым политико-правовым* актам-документам для целей отграничения от нормативных правовых актов также малопродуктивно, поскольку, например, Конституция РФ является политико-правовым актом, но при этом ее место и наличие юридической силы в системе формальных источников права и в системе нормативных правовых актов никем не оспаривается. Следует учитывать, что в актах стратегического планирования всегда отражается правовая политика – это выраженная в правовых формах государственная политика, являющаяся легитимной основой для политического, экономического, социального,

культурного направлений развития государства. Легитимность стратегическим актам-документам придает только квалификация их в качестве правовых актов.

Правовая политика может быть представлена в двух формах: «*целевые ориентиры (границы) и/или идеи* (система идей, взглядов), соблюдение которых обеспечивает приемлемость результатов правотворчества и/или *конкретные импульсы или установки* (определение рисков развития той или иной ситуации / общественных отношений; указание приоритетов развития, целей различного уровня (от самого верхнего – геостратегического – уровня и ниже), задач и направлений движения, необходимых для обеспечения установленных приоритетов и достижения целей), которые даются субъектам, участвующим в правотворческой деятельности» [5, с. 18]. Как видим, первая из названных форм реализуется при стратегическом планировании в рамках целеполагания, а вторая – в рамках прогнозирования, программирования и планирования.

Фактически речь идет о правовых обязывающих предписаниях для субъектов правотворческих процессов всех уровней. Интересно заметить, что в исследовании, специально посвященном влиянию правовых актов на правовую политику, акты стратегического планирования и другие политико-правовые акты даже не упоминаются.

К сожалению, в отечественной теории права уделяется недостаточно внимания общему понятию и системе правовых актов, чаще всего их исследование ограничивается спецификой нормативных и правореализационных актов, без акцентирования внимания на их родовом понятии. Любая дифференциация правовых актов в современной доктрине представлена преимущественно их делением на нормативные и индивидуальные, то есть правовые акты либо устанавливают правовые нормы, либо направлены на установление конкретных прав и обязанностей в определенном правоотношении. Отсюда и традиционное понимание правового акта: «волеизъявление уполномоченного субъекта права, принятое и оформленное в установленном порядке, содержащее в себе нормативные или индивидуально определенные предписания, направленные

на регулирование общественных отношений и влекущие юридические последствия» [22, с. 8].

В качестве главного признака правовых актов выделяется их «происхождение» от определенного уполномоченного субъекта.

В попытках определить место актов стратегического планирования в системе права появилась концепция квазинормативных актов, к которым стали причислять акты стратегического планирования [8, с. 7]. При этом все правовые акты предлагается разделять на два типа: неиндивидуализированные (нормативные и квазинормативные) и индивидуализированные. Однако ущербность такого подхода для характеристики актов стратегического планирования в том, что политико-правовые, программные документы могут содержать и индивидуальные правовые предписания.

Заслуживает внимания теория атипичных правовых актов, под которыми предлагается понимать «правовые акты с нехарактерными признаками, чертами, свойствами или функциями» [10, с. 260]. К ним относят нормативно-правовые акты с интерпретационными, правореализационными (нормативный договор) и правоприменительными (закон о бюджете на очередной год) элементами. Таким образом, атипичные правовые акты рассматриваются, прежде всего, как нормативные акты с ненормативными элементами. На наш взгляд, при выделении атипичных правовых, особенно смешанных, актов не следует отдавать предпочтение нормативному или ненормативному составляющему. В актах стратегического планирования большая часть содержания – это ненормативные элементы.

По нашему мнению, видится наиболее продуктивной для целей настоящей работы теория С.А. Голунского о существовании нетрадиционных нормативно-правовых актов. Еще в прошлом веке он заметил в отношении нормативных правовых актов, что некоторые из них содержат не только нормы права, но и элементы из других правовых актов (интерпретационных, реализационных): «нормы права отнюдь не исчерпываются абстрактными предписаниями, запретами и дозволениями, но включают в себя и многое другое, в частности, постановку определенных задач и указание путей их разрешения» [6, с. 220].

Строгое деление правовых актов на нормативно-правовые, интерпретационные, правоприменительные и правореализующие построено на том, что каждый из этих актов содержит только однородные компоненты (нормы права, герменевтические разъяснения, индивидуальные предписания властных субъектов, решения отдельных субъектов, действующих на основании автономии их воли). Однако имеют место и смешанные, гибридные правовые акты.

В русле этого подхода современные исследователи стали понимать правовой акт как оформленную в установленном порядке совокупность юридических предписаний, выражающих волю субъекта (субъектов) права, направленных на регулирование общественных отношений и влекущих определенные юридические и иные социальные последствия [10, с. 260]. При этом такие юридические предписания могут быть неоднородны, иметь различную правовую природу.

Стала формироваться теория нетипичных (нетрадиционных) правовых актов, при этом обращается внимание, что такие правовые акты могут содержать не только юридические, но и иные социальные предписания, и влечь как правовые, так и иные последствия [9, с. 13–16]. Среди нетипичных правовых актов выделяют смешанные и комплексные. Акты стратегического планирования могут быть отнесены только к смешанным, поскольку комплексные нетипичные акты предполагают объединение разных элементов в рамках одного вида правового акта, тогда как в актах стратегического планирования объединены элементы из разных видов правовых актов. Необходимость смешанных правовых актов может быть обусловлена их целями, функциями, сферой распространения, потребностями оптимизации юридической техники, экономией правового массива и другими факторами.

Препятствием к отнесению актов стратегического планирования к правовым актам долгое время являлось отсутствие у них юридических последствий (возникновение субъективных прав и юридических обязанностей, наступление юридической ответственности, изменение правового статуса и правового режима, а также возникновение, изменение или

прекращение правовых отношений). Однако в последние годы юридические последствия правовых актов рассматриваются в более широком смысле, включающем и результаты «волеизъявления политико-правового характера, и иные акты реализации функций уполномоченного субъекта, предусмотренных законодательством», и, как следствие, выделяются правовые акты строго юридического характера и политико-правовые акты [15, с. 9].

В научной литературе акты стратегического планирования уже стали определять, как правовые акты, содержащие совокупность определенных предписаний. К примеру, под финансово-плановыми актами предлагается понимать «правовые акты, которые содержат показатели, стратегические цели и иные предписания, связанные с финансовым планированием и формирующие целостное представление о предмете регулирования (финансовой системе, бюджетной системе, состоянии финансов в определенной сфере государственной политики и т. д.) в будущем» [12, с. 14]. Документы стратегического планирования являются правовыми актами особого вида (нетипичными), содержащими элементы различной правовой природы.

1. Ненормативные положения, констатирующие современное состояние дел в определенной сфере, в том числе вызовы и угрозы, и возможные тенденции его изменения.

Однако правоприменительная практика свидетельствует, что такие положения подлежат обязательному учету и при разработке нормативных правовых актов, а при неучете такие акты могут быть признаны недействующими.

2. Нормативные правовые предписания. Следует признать, что акты стратегического планирования содержат незначительное количество правовых норм в традиционном их понимании, что дает ученым основание для вывода о том, что политико-правовые акты «не являются и нормативными правовыми актами. Это связано с тем, что степень их формализованности ниже, чем нормативных правовых актов; они не закрепляют конкретных прав и обязанностей, зачастую содержат лишь общие направления, показатели, к достижению которых должно стремиться государство, а то и вовсе изобилуют теоретическими положе-

ниями, которые не имеют регулирующего значения» [19, с. 77]. По мнению многих ученых, такие акты в большей степени ориентируют и декларируют, чем регулируют.

В пользу нормативной природы актов стратегического планирования свидетельствует и то, что они оспариваются в порядке административного судопроизводства заинтересованными лицами именно как нормативные правовые акты [2; 3], причем чаще всего – схемы территориального планирования и государственные программы, которые в науке в самую последнюю очередь оцениваются как акты, содержащие нормы права.

Следует подчеркнуть, что правовое регулирование (воздействие) на общественные отношения может быть как непосредственным, так и опосредованным. И соответственно, правовые нормы, содержащие конкретные правила поведения по юридико-технической модели «если – то», обладают непосредственным регулирующим значением, в отличие от нетипичных нормативных предписаний, которые хотя и опосредованно, но также регулируют общественные отношения [7].

3. Ненормативные (индивидуальные) предписания, содержащиеся в актах стратегического планирования, направлены, как правило, на их реализацию и предписывают принятие разнообразных политических, организационных, социально-экономических, правовых, информационных, дипломатических, военных, специальных и иных мер уполномоченными субъектами.

Безусловно, стратегические правовые акты не могут рассматриваться как содержащие исключительно индивидуальные предписания, однако они содержат индивидуальные предписания наряду с нормативными. Например, в Стратегии экономической безопасности сделаны следующие ненормативные индивидуальные распоряжения:

– Правительство РФ обязано установить порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти при реализации Стратегии;

– Правительство РФ каждые шесть лет вносит предложения по корректировке Стратегии при участии Совета Безопасности Российской Федерации с учетом результатов мониторинга ее реализации и изменений, оказы-

вающих существенное влияние на состояние экономической безопасности;

– Правительство РФ организует и обеспечивает выполнение мер организационного, нормативно-правового и методического характера, необходимых для реализации настоящей Стратегии;

– Правительство РФ представляет ежегодный доклад Президенту Российской Федерации о состоянии экономической безопасности Российской Федерации и мерах по ее укреплению.

Однако обязывающие правовые нормы в актах стратегического планирования присутствуют. Так, в той же Стратегии экономической безопасности указано, что органы государственной власти и органы местного самоуправления, Центральный банк РФ, государственные корпорации, компании с преобладающим участием Российской Федерации и иные организации обеспечивают реализацию Стратегии в соответствии со своей компетенцией. Как видим, данное предписание является обязывающей правовой нормой, она обращена к неопределенному кругу лиц.

К индивидуальным предписаниям относятся плановые показатели федеральных целевых программ, поскольку они не отвечают признакам нормативности, адресованы государственному заказчику [4, с. 27].

Соотношение указанных правовых предписаний в отдельных видах актов стратегического планирования также различно. Например, такие стратегические документы, как планы мероприятий по реализации стратегий и иных стратегических документов и планы деятельности органов власти, содержат преимущественно ненормативные предписания индивидуального характера с определением конкретных исполнителей и сроков исполнения, видимо, по этой причине подавляющее число из них официально не опубликованы. Стратегии, доктрины и концепции включают в себя, как правило, все из перечисленных правовых предписаний.

Выводы

Таким образом, рассмотрение актов стратегического планирования через концепции нормативных правовых актов, ненорма-

тивных правовых актов, квазинормативных актов, атипичных правовых актов не раскрывает их правовой природы. Акты стратегического планирования являются нетипичными смешанными правовыми актами, интегрировано объединяющими в рамках одного правового акта элементы различной правовой природы (ненормативные положения, нормативные правовые предписания и ненормативные (индивидуальные) правовые предписания). Нормативные правовые предписания в актах стратегического планирования представлены преимущественно нетипичными правовыми предписаниями, но могут содержать и «типичные» правовые нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – М. : ТК Велби : Проспект, 2008. – 576 с.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020 № 4-АПА19-43. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 13.11.2019 № 44-АПА19-33. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Ванин, В. В. Правовое регулирование удовлетворения государственных нужд в рыночной экономике России: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ванин Виталий Владимирович. – Ростов н/Д, 2007. – 49 с.
5. Габов, А. В. Энергетическая стратегия Российской Федерации как политико-правовой документ в сфере энергетики / А. В. Габов, Л. И. Черкесова // Энергетическое право: модели и тенденции развития : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Габова. – Белгород, 2021. – С. 17–34.
6. Голунский, С. А. Теория государства и права / С. А. Голунский, М. С. Строгович. – М. : Юридат, 1940. – 304 с.
7. Давыдова, М. Л. Классификация нормативно-правовых предписаний по степени их общности / М. Л. Давыдова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2003. – № 6. – С. 50–55.
8. Домченко, А. С. Нормативный правовой акт органа исполнительной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Домченко Артем Сергеевич. – Екатеринбург, 2019. – 23 с.

9. Ижокин, Р. А. Нетипичные правовые акты в регулировании личных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ижокин Роман Алексеевич. – Владимир, 2008. – 23 с.

10. Кивленок, Т. В. Смешанные правовые акты как вид атипичных правовых актов / Т. В. Кивленок // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – С. 260–263.

11. Копылов, И. А. Национальная безопасность современной России через призму политико-правовых и нормативных документов государства / И. А. Копылов, А. И. Сацута // Вестник Екатеринбургского института. – 2017. – № 3 (39). – С. 50–55.

12. Кудряшова, Е. В. Государственное финансовое планирование: правовая доктрина и практика : дис. ... д-ра юрид. наук / Кудряшова Екатерина Валерьевна. – М., 2018. – 415 с.

13. Мадаев, Е. О. Доктрина как политико-правовой документ в Китае и России / Е. О. Мадаев // Государство и правовые системы стран азиатско-тихоокеанского региона. Проблемы государственно-правового сотрудничества в условиях кризиса международного права : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2021. – С. 24–31.

14. Маланыч, И. Н. Понятие стратегического нормативного акта как результата эволюции системы законодательства России / И. Н. Маланыч // Юридические записки Воронежского государственного университета. – 2009. – Вып. 22. – С. 117–130.

15. Малько, А. В. Доктринальные акты как основные инструменты правовой политики / А. В. Малько, Я. В. Гайворонская // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 4–25.

16. Матненко, А. С. Правовое регулирование программно-целевого метода бюджетной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Матненко Александр Сергеевич. – Омск, 2009. – 42 с.

17. Моисеев, Д. С. Нормативно-правовые акты стратегического характера, как источники административного права / Д. С. Моисеев // Актуальные вопросы юридической науки и практики : сб. науч. тр. членов Тамбовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Вып. 9. – Тамбов : Принт-Сервис, 2019. – С. 236–240.

18. Мушинский, М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом / М. А. Мушинский // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 488–499.

19. Пляхимович, И. И. Юридическая природа концепций совершенствования законодательства и иных политико-программных документов / И. И. Пляхимович // Вестник Конституционного суда Республики Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 71–82.

20. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.08.2022 № Ф02-2716/

2022 по делу № А33-37119/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

21. Ромашов, Р. А. Правовые доктрины и доктринальные правовые акты / Р. А. Ромашов // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 19–24.

22. Симикин, Д. С. Судебные акты в системе правовых актов современной России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Семикин Дмитрий Сергеевич. – Саратов, 2008. – 30 с.

23. Стрельников, К. А. Правовые аспекты обеспечения экономической безопасности современного государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Стрельников Константин Анатольевич. – Н. Новгород, 2004. – 31 с.

24. Хижняк, Д. С. Соотношение законодательных актов, государственных концепций и стратегий в осуществлении правовой политики: российский и зарубежный опыт / Д. С. Хижняк // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 30–34.

25. Хмелева, Г. А. Базовые принципы стратегического подхода к конвертации приграничного положения российских сопредельных регионов в конкурентные преимущества / Г. А. Хмелева, С. С. Асанова, М. В. Курникова // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 8. – С. 2161–2176.

26. Шопина, О. В. Система правовых актов в современной России: проблемы теории : дис. ... канд. юрид. наук / Шопина Оксана Валерьевна. – Саратов, 2002. – 134 с.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ., 2008. 576 p.

2. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 29.01.2020 № 4-APA19-43 [Appellate Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 29, 2020 № 4-APA19-43]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

3. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda RF ot 13.11.2019 № 44-APA19-33 [Appellate Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/13/2019 No. 44-APA19-33]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

4. Vanin V.V. *Pravovoe regulirovanie udovletvoreniya gosudarstvennyh nuzhd v rynochnoj*

ekonomike Rossii: teoriya i praktika: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Legal Regulation of Satisfaction of State Needs in the Market Economy of Russia: Theory and Practice. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Rostov-on-Don, 2007. 49 p.

5. Gabov A.V., Cherkesova L.I. Energeticheskaya strategiya Rossijskoj Federacii kak politiko-pravovoj dokument v sfere energetiki [Energy Strategy of the Russian Federation as a Political and Legal Document in the Energy Sector]. Gabov A.V., ed. *Energeticheskoe pravo: modeli i tendencii razvitiya: sb. materialov II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Energy Law: Models and Development Trends: Collection of Materials of the II International Scientific and Practical Conference]. Belgorod, 2021, pp. 17-34.

6. Golunskij S.A., Strogovich M.S. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Yurizdat, 1940. 304 p.

7. Davydova M.L. Klassifikaciya normativno-pravovyh predpisaniy po stepeni ih obshchnosti [Classification of Legal Regulations According to the Degree of Their Generality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence], 2003, no. 6, pp. 50-55.

8. Domchenko A.S. *Normativnyj pravovoj akt organa ispolnitel'noj vlasti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Normative Legal Act of the Executive Authority. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Ekaterinburg, 2019. 23 p.

9. Izhokin R.A. *Netipichnye pravovye akty v regulirovanii lichnyh otnoshenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Atypical Legal Acts in the Regulation of Personal Relations. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Vladimir, 2008. 23 p.

10. Kivlenok T.V. Smeshannye pravovye akty kak vid atipichnyh pravovyh aktov [Mixed Legal Acts as a Type of Atypical Legal Acts]. *Biznes v zakone* [Business in Law], 2009, no. 1, pp. 260-263.

11. Kopylov I.A., Sacuta A.I. Nacional'naya bezopasnost' sovremennoj Rossii cherez prizmu politiko-pravovyh i normativnyh dokumentov gosudarstva [National Security of Modern Russia Through the Prism of Political, Legal and Regulatory Documents of the State]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta* [Bulletin of the Catherine Institute], 2017, no. 3 (39), pp. 50-55.

12. Kudryashova E.V. *Gosudarstvennoe finansovoe planirovanie: pravovaya doktrina i praktika: dis. ... d-ra yurid. nauk* [State Financial Planning: Legal Doctrine and Practice. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2018. 415 p.

13. Madaev E.O. Doktrina kak politiko-pravovoj dokument v Kitae i Rossii [Doctrine as a Political and Legal Document in China and Russia]. *Gosudarstvo i*

pravovye sistemy stran aziatsko-tihookeanskogo regiona. Problemy gosudarstvenno-pravovogo sotrudnichestva v usloviyah krizisa mezhdunarodnogo prava: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [State and Legal Systems of the Countries of the Asia-Pacific Region. Problems of State and Legal Cooperation in the Crisis of International Law. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference]. Ulan-Ude, 2021, pp. 24-31.

14. Malanych I.N. Ponyatie strategicheskogo normativnogo akta kak rezul'tata evolyucii sistemy zakonodatel'stva Rossii [The Concept of a Strategic Normative Act as a Result of the Evolution of the Russian Legislation System]. *Yuridicheskie zapiski Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Notes of the Voronezh State University], 2009, iss. 22, pp. 117-130.

15. Mal'ko A.V., Gajvoronskaya Ya.V. Doktrinal'nye akty kak osnovnye instrumenty pravovoj politiki [Doctrinal Acts as the Main Instruments of Legal Policy]. *Pravo. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2018, no. 1, pp. 4-25.

16. Matnenko A.S. *Pravovoe regulirovanie programmno-celevogo metoda byudzhethnoj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Regulation of the Program-Target Method of Budgetary Activity. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Omsk, 2009. 42 p.

17. Moiseev D.S. Normativno-pravovye akty strategicheskogo haraktera, kak istochniki administrativnogo prava [Regulatory Legal Acts of a Strategic Nature as Sources of Administrative Law]. *Aktual'nye voprosy yuridicheskoi nauki i praktiki: sb. nauch. tr. chlenov Tambovskogo regional'nogo otdeleniya Obshcherossijskoj obshchestvennoj organizacii «Associaciya yuristov Rossii»* [Topical Issues of Legal Science and Practice: A Collection of Scientific Papers by Members of the Tambov Regional Branch of the All-Russian Public Organization "Association of Lawyers of Russia"]. Tambov, Print-Servis, 2019, iss. 9, pp. 236-240.

18. Mushinskij M.A. Strategii, koncepcii, doktriny v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: problemy statusa, yuridicheskoi tekhniki i sootnosheniya drug s drugom [Strategies, Concepts, Doctrines in the Legal System of the Russian Federation: Problems of Status, Legal Technique and Correlation with Each Other]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique], 2015, no. 9, pp. 488-499.

19. Plyahimovich I.I. Yuridicheskaya priroda koncepcij sovershenstvovaniya zakonodatel'stva i inyh politiko-programmnyh dokumentov [Legal Nature of the Concepts of Improving Legislation and Other Political and Program Documents]. *Vestnik*

Konstitucionnogo suda Respubliki Belarus' [Bulletin of the Constitutional Court of the Republic of Belarus], 2007, no. 2, pp. 71-82.

20. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 16.08.2022 № F02-2716/2022 po delu № A33-37119/2020 [Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District of August 16, 2022 № F02-2716/2022 in Case № A33-37119/2020]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

21. Romashov R.A. Pravovye doktriny i doktrinal'nye pravovye akty [Legal Doctrines and Doctrinal Legal Acts]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* [Legal Science: History and Modernity], 2015, no. 10, pp. 19-24.

22. Simikin D.S. *Sudebnye akty v sisteme pravovyh aktov sovremennoj Rossii: obshcheteoreticheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial Acts in the System of Legal Acts of Modern Russia: General Theoretical Aspect. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2008. 30 p.

23. Strel'nikov K.A. *Pravovye aspekty obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti sovremennogo gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Aspects of Ensuring the Economic

Security of the Modern State. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. N. Novgorod, 2004. 31 p.

24. Hizhnyak D.S. Sootnoshenie zakonodatel'nyh aktov, gosudarstvennyh koncepcij i strategij v osushchestvlenii pravovoj politiki: rossijskij i zarubezhnyj opyt [Correlation of Legislative Acts, State Concepts and Strategies in the Implementation of Legal Policy: Russian and Foreign Experience]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal Policy and Legal Life], 2019, no. 2, pp. 30-34.

25. Hmeleva G.A., Asanova S.S., Kurnikova M.V. Bazovye principy strategicheskogo podhoda k konvertacii prigranichnogo polozheniya rossijskih sopredel'nyh regionov v konkurentnye preimushchestva [Basic Principles of a Strategic Approach to Converting the Border Position of Russian Adjacent Regions into Competitive Advantages]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economics, Entrepreneurship and Law], 2022, vol. 12, no. 8, pp. 2161-2176.

26. Shopina O.V. *Sistema pravovyh aktov v sovremennoj Rossii: problemy teorii: dis. ... kand. yurid. nauk* [The System of Legal Acts in Modern Russia: Problems of Theory. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2002. 134 p.

Information About the Author

Diana R. Mamyasheva, Judge, Arbitration Court of the Saratov Region, Babushkin Vzvoz St, 1, 410002 Saratov, Russian Federation, diana_kazan@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8014-214X>

Информация об авторе

Диана Рафисовна Мамяшева, судья, Арбитражный суд Саратовской области, ул. Бабушкин Взвоз, 1, 410002 г. Саратов, Российская Федерация, diana_kazan@list.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8014-214X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.8>UDC 340.12:347.6
LBC 67.3Submitted: 18.04.2023
Accepted: 15.05.2023

TRADITIONAL FAMILY VALUES IN THE SOCIAL AND LEGAL THOUGHT OF RUSSIA IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Viktoriya A. Mun

Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction. An important guideline in the legal evolution of Russia is the preservation of traditional family values. The idea of preserving traditional family values is reflected in the Basic Law and official policy papers and is consistently implemented in state programs and national and federal projects. The understanding and legal formalization of the concept of traditional family values are conditioned by the need to preserve the Russian identity and moral guidelines in society. The analysis of historical experience will contribute to the development of an adequate model of Russia's cultural identity. The research on the concept of traditional family values in the works of outstanding pre-revolutionary ethnographers, anthropologists, historians, philosophers, lawyers, and public figures has formed the **purpose** of the study. **Methods.** The methods of historicism, systematicity, analysis and comparative law. **Results.** The study analyzes the works of Russian pre-revolutionary ethnographers, anthropologists, historians, philosophers, lawyers, and public figures according to the concept and content of traditional family values in Russia in the 19th – early 20th centuries; a theoretical and legal analysis of the categories “tradition”, “value”, and “family” is also made; and the role of traditions in law is investigated. **Conclusions.** The preservation of traditional family values, increasing the role of the family in society and increasing the authority of parenthood in the family and society are currently relevant priorities for state family policies. The pre-revolutionary Russian legislation considered marriage a religious act; hence, the legal regulation of family relations at the conclusion and dissolution of marriage was based on the religion of the spouses and the recognition of the exclusively ecclesiastical form of marriage. According to the Russian social and legal thought of the 19th – early 20th centuries, traditional family values were based on such aspects as natural (sexual), including the physiological mutual desire of spouses; spiritual, consisting in mutual love and affection of spouses; reproductive, associated with childbirth; and the desire to continue the family and transfer knowledge and skills from generation to generation.

Key words: tradition, family, values, motherhood, childhood, succession, family law.

Citation. Mun V.A. Traditional Family Values in the Social and Legal Thought of Russia in the 19th – Early 20th Centuries. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 60-67. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.8>

УДК 340.12:347.6
ББК 67.3Дата поступления статьи: 18.04.2023
Дата принятия статьи: 15.05.2023

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Виктория Анатольевна Мун

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: важным ориентиром в правовой эволюции России выступает приоритет семьи и семейных ценностей. Идея сохранения традиционных семейных ценностей транслируется в Основном Законе, официальных стратегических документах и последовательно реализуется в государственных программах, национальных и федеральных проектах. Понимание и юридическое оформление концепта традиционных семейных ценностей обусловлено необходимостью сохранения российской самобытности, морально-нравственных

ориентиров в обществе. Анализ исторического опыта будет способствовать выработке адекватной модели культурной идентичности России. Исследование концепта традиционных семейных ценностей в трудах выдающихся дореволюционных этнографов, антропологов, историков, философов, юристов, общественных деятелей составило цель настоящей работы. **Методы:** методы историзма, системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** в исследовании проведен анализ трудов российских дореволюционных этнографов, антропологов, историков, философов, юристов, общественных деятелей с точки зрения содержания концепта традиционных семейных ценностей в России в XIX – начале XX в., также произведен теоретико-правовой анализ категорий «традиция», «ценность», «семья», исследована роль традиций в праве. **Выводы:** сохранение традиционных семейных ценностей, укрепление роли семьи в жизни общества, повышение авторитета отцовства и материнства, а также в целом родительства в семье и обществе являются в настоящее время актуальными приоритетными мерами государственной семейной политики. Дореволюционное российское законодательство рассматривало брак как акт религиозный, отсюда юридическое регулирование семейных отношений при заключении и расторжении брака основывалось на вероисповедании супругов и признании исключительно церковной формы брака. В основе традиционных семейных ценностей согласно российской общественно-правовой мысли XIX – начала XX в. находились такие аспекты, как: естественный (половой), включающий физиологическое взаимное стремление супругов друг к другу; духовный, заключающийся во взаимной любви, привязанности супругов; репродуктивный, связанный с деторождением, со стремлением продолжить род, передавать знания и умения из поколения в поколение.

Ключевые слова: традиция, семья, ценности, материнство, детство, преемственность, семейное право.

Цитирование. Мун В. А. Традиционные семейные ценности в общественно-правовой мысли России в XIX – начале XX века // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 60–67. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.8>

Введение

В эпоху процессов всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации, высокой интенсивности применения цифровых компьютерных технологий [12], охвата глобализацией социально-политического пространства [7], трендом мировых современных конституционных преобразований является адаптация к новым реалиям и объективным обстоятельствам. Сегодня Россия вырабатывает стратегию государственно-правового развития исходя из собственной «социокультурной, национальной, конституционной идентичности». Формирование «национальной модели конституции, соответствующей отечественному менталитету и новым требованиям государственной безопасности страны», обусловлено стремлением, с одной стороны, сохранить российские самобытные ценности и морально-нравственные ориентиры [21], с другой стороны, эффективно решать стоящие перед страной масштабные задачи в социальной, экономической сферах, в области технологического развития [15]. Таким образом, в настоящее время идет выработка современной национальной модели культурной идентичности России, ее социокультурных ценностных ориентиров, полити-

ко-правовых идеалов, учитывающих накопленный исторический опыт.

14 марта 2020 г. в Конституцию Российской Федерации внесены изменения, в частности, пункт «в» части 1 статьи 114 относит к полномочиям Правительства Российской Федерации обеспечение проведения в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики, в том числе в области сохранения традиционных семейных ценностей [6].

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации, утвержденная на период до 2025 г., также включает сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе в число приоритетных мер государственной семейной политики. В документе отмечается, что «основным типом семьи традиционной российской семейной культуры всегда являлась большая многопоколенная семья, в которой воспитательная стратегия традиционно была направлена на формирование у младшего поколения духовно-нравственных, этических ценностей и основывалась на уважении к родителям, а также людям старшего поколения» [17]. Концепция демографической политики популяризируется посред-

ством соответствующих мероприятий по повышению престижа семьи и ответственного родительства [16]. Стратегия государственной культурной политики вплоть до 2030 г. также ставит своей задачей не только утвердить в общественном сознании традиционные семейные ценности, но и повысить социальный статус семьи, социальный престиж многодетности. В конечном счете указанные меры должны будут способствовать налаживанию диалога между поколениями в масштабах всего общества [18].

Содержание понятия «традиционные семейные ценности»

Концепт традиционных семейных ценностей состоит из понятий: «традиция», «ценность», «семья». Историко-правовое осмысление этих понятий позволит глубже уяснить сущность проводимых конституционных преобразований на современном этапе. Выявление традиционных для России семейных ценностей позволит не только определить их истоки, но и сделать вывод о том, проистекает ли то или иное социальное явление из культурного наследия страны или является несвойственным общекультурному развитию феноменом [14].

Отражение традиций в праве является фактором развития любого общества, а отнюдь не атавизмом. Можно с уверенностью утверждать, что «традиции являются не просто основой, но и условием преемственного и стабильного развития государства и общества» [20]. Более того, появление традиций и ценностей в юридической сфере является отражением духовного состояния общества, зафиксированным на определенном этапе его развития, закреплением укоренившихся ценностных ориентиров, неосознанно регулирующих поведение людей. Как справедливо отмечал Г.Ф. Шершеневич, «человек поступает согласно с законом не потому, что опасается невыгодных последствий, которыми угрожает ему закон за уклонение, а в силу усвоенной им привычки следовать законным предписаниям» [22, с. 454].

Таким образом, традиция в праве функционирует как специфический элемент нормативной системы, отражающий духовно-нрав-

ственные ценности коренных народов, и является предтечей правовой системы. Традиции в праве отражают возникшие в обществе и укоренившиеся с течением времени в праве духовно-нравственные ориентиры. Словно предшествуя появлению в праве, данные традиции возвращаются под влиянием национальной и самобытной культуры коренных народов, перерастают в обычное право, а прижившись становятся частью нормативно-регулятивной правовой системы. Как свидетельствует история, нормы обычного права позволяли, в частности судам, отступить от более строгого действовавшего законодательства и защищать права нуждающихся в этом лиц [3].

Идея традиционных семейных ценностей в общественно-правовой мысли России в XIX – начале XX века

В общественно-правовой мысли России XIX – начала XX в. обсуждалась содержательная сторона понятий «семья» и «семейные ценности», ставших традициями для русского народа. Лингвисты, этнографы, антропологи, историки, философы, правоведы, общественные деятели, обращаясь к этимологии слова «семья», анализируя обычаи, пословицы, поговорки, традиции русского народа, изучая нормы обычного права и действовавшее в тот период законодательство о браке и семье, в концепт «традиционные семейные ценности» вкладывали следующее содержание.

Русский лингвист, историк литературы и искусства XIX в., глава русской морфологической школы, профессор Ф.И. Буслаев в исторических очерках русской народной словесности и искусства пришел к выводу о том, что слово «семья» первоначально не имело значения фамилии (рода), а употреблялось на Руси в значении «жена», в ласкательной форме – «семьца». Позднее стал употребляться глагол «семьтяться» – собираться и «семейно»-многолюдно, что означало переход от тесного круга семейной жизни к общине. По мнению Федора Ивановича, употребление слова «семья» в смысле «жена» прямо указывало на жизненный, народный элемент, под особым влиянием женщины. Именно «женские» пес-

ни составляли главную часть семейного эпоса славянских племен [2, с. 105].

Дореволюционный российский этнограф, историк Я.О. Кузнецов, исследуя семейное и наследственное право в народных пословицах и поговорках, также пришел к выводу о том, что изначально понятие «семья» символизировало женское начало. Отсюда, «ты послушай жена – семья любимая». Как отмечает Яков Осипович, «одни муж и жена еще не составляют семьи», поскольку в основе семьи – физиологическая потребность зрелых людей к размножению «подобных себе особей». Для понятия «семья» необходимы или дети или третьи лица (подопечные) [9, с. 3–7]. Более того, холостой считался только «получеловеком», поэтому говорили: «не женат – не человек». Считалось нормой стремление каждого человека к женитьбе, при этом правильным и естественным полагалось единобрачие: «законною женой будь доволен и одной» [9, с. 48]. Таким образом, постепенно понятие «семья» стало включать кровное и экономическое начало, оформленное юридически, и означало союз родственников, ведущих сообща под главой одного домохозяина (старшего) свое полевое и домашнее хозяйство.

Обращение к Своду законов гражданских дает основание утверждать о том, что только церковная форма брака признавалась государством [13]. С момента принятия христианства на Руси российское законодательство о браке и семье во многом основывалось на христианском каноническом праве и церковных правилах, с присущими им доктринами о таинстве брака [11]. Подтверждением тому служат положения гражданского закона 1857 г., согласно которым «законный брак совершается в церкви... во всем согласно правилам и обрядам Православной Церкви» (ст. 31). Брак правоверных с раскольниками допускался не иначе как по правилам православной религии после «принятия последними церкви святой с присягой» (ст. 33) [19].

Российский правовед, известный дореволюционный специалист по гражданскому и семейному праву А.И. Загоровский, исследуя специфику правового регулирования отношений в семье и браке, сравнивая правовую природу имущественных и семейных отношений, выделял следующие элементы брачного ин-

ститута: во-первых, естественный (физиологический), половой, включающий физиологическое взаимное стремление лиц разного пола; во-вторых, нравственный (этический), заключающийся в духовной привязанности супругов, потребности их в общении; в-третьих, экономический, порождающий хозяйственную связь, в силу которой возникает совместное хозяйство мужа и жены; в-четвертых, юридический, в силу которого брак является источником определенного юридического положения лиц, порождающего для них взаимные права и обязанности; в-пятых, религиозный, в основе которого таинство брака и нерушимость брачного союза [5, с. 2–3].

Русский историк, публицист, известный общественный деятель, профессор Петербургского университета К.Д. Кавелин, исследуя правовую природу семьи и происхождение семейных отношений, пришел к выводу о том, что первоначально в основе сожителства людей – физиологическое соединение и как следствие рождение детей. Однако до того, как в обществе не были установлены обычаи, традиции, нравы, очерчивающие определенные границы, физиология носила «печать грубой и слепой силы, темной, необузданной и роковой, как все инстинкты и все силы природы». Подтверждением тому служат дикие народы, у которых отсутствовало понятие брака в смысле постоянного союза мужчины и женщины, было лишь «случайное соединение и смешение полов». Единобрачие положило традицию постоянству отношений между одними и теми же лицами, половые сношения отошли на второй план, уступая место общению, быту, психическим и социальным сторонам человеческого существования. Сущность человека такова, что он дольше, чем все животные остается беспомощным. Отсюда традиция заботиться о своих детях, о поддержании их существования. Это повлияло на постоянство отношений, прочную связь между детьми и родителями на протяжении всей жизни. В этом и заключаются основы семейного союза: физиологические факты и природные инстинкты отодвигаются на второй план развитием психической стороны, требованиями правильной общественной жизни. Общественная жизнь не может допустить господства внутри себя животных инстинктов и грубой силы [8, с. 7–8]. Этим объясняется

необходимость регулирования семейных отношений социальными нормами: законом, обычаями, традициями, нормами морали, религиозными нормами и др.

Дореволюционный российский юрист, профессор Новороссийского и Варшавского университетов Д.И. Азаревич в своем историко-юридическом исследовании брачного союза выделял три элемента в каждом браке: 1) «реальный элемент», который заключался в различии полов и взаимном их природном влечении; 2) свободное соглашение воли сторон; 3) этический, нравственный элемент, в основе которого союз любви, полного духовного общения. Если первые два элемента были изначально присущи древнему народу, то христианство выставило на первое место идею любви, полного внутреннего общения [1, с. 5].

Известный российский юрист XIX в., председатель Московского юридического общества, декан юридического факультета Московского университета, заслуженный профессор В.Н. Лешков под браком понимал «соединение мужчины и женщины по взаимной половой любви, служащей к умножению человеческого рода». Семья основывается на таких ценностях, как любовь, вера, религия, мораль, воспитание и убеждения, которые должны развиваться в каждом поколении. Семейный союз, как и союз между родителями и детьми, не подлежит расторжению, он может прекратиться только «смертью или по суду». Этим и объясняется идея наследования, не объяснимая с точки зрения гражданского права, когда смерть хозяина вещи делает «имущество бесхозяйным». Согласно сложившемуся обычаю, наследство принадлежит семье и требуются законные основания для отступления от этого правила [11, с. 16–17].

Первая из русских женщин, получившая степень доктора права, член Санкт-Петербургского юридического общества А.М. Евреинова, выступая на заседании Гражданского отделения в 1883 г., отметила, что кровная связь в семейных отношениях имеет первостепенное значение, в то время как хозяйственная связь – второстепенное. Именно этим А.М. Евреинова объясняла принципы, составляющие основу института наследования в России, в котором долгое время только

единокровные братья и сестры выступали законными наследниками. Так, дети наследовали только после смерти родного отца, не отчима [4, с. 28].

Известный российский юрист, доктор права, декан юридического факультета и ректор Императорского Новороссийского университета, признанный специалист в области истории русского права Ф.И. Леонтович провел обширное историческое исследование о происхождении семьи. Так, Ф.И. Леонтович отмечал, что семья как первичная форма оседло-территориальной общины у славян имела трудовое начало и обуславливалась бытовыми факторами. Дальнейшее поощрение деторождения, установление обязательности брачной жизни были вызваны к жизни факторами: политическими (развитие боевого состава воинственных племен), экономическими («приобретение рабочих рук»), этическими («во избежание незаконной жизни, блуда») и популяционистическими («для умножения населения»). Установление в жизни и правовое оформление моногамного брака было обусловлено воззрениями христианского вероучения в смысле «таинства брака», требующего церковного благословения и осуждающего «невенчальные браки». На брачный союз оказали влияние также обычаи. Например, согласно обычаям, распространенным преимущественно в Восточной России, фактическое сожитие недопустимо до того момента, пока не состоится свадьба со всеми сопровождавшими ее обрядами, в том числе и с известным ритуалом – «брачной цензурой, как заключительным свадебным актом» [10].

Выводы

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, в настоящее время приоритетными мерами государственной семейной политики являются сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе. Во-вторых, дореволюционное российское законодательство рассматривало брак как акт религиозный, отсюда юридическое регулирование семейных отношений при заключении и расторжении брака основывалось на вероис-

поведании супругов и признании исключительно церковной формы брака. В-третьих, согласно общественно-правовой мысли России в XIX – начале XX в. в основе традиционных семейных ценностей находились такие аспекты, как: естественный (половой), включающий физиологическое взаимное стремление супругов друг к другу; духовный, заключающийся во взаимной любви, нравственной привязанности супругов, в единении их внутреннего духовного мира; репродуктивный, связанный с деторождением, со стремлением продолжить род, передавать знания и умения из поколения в поколение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаревич, Д. И. Брачные элементы и их значение: историко-юридическое исследование Дмитрия Азаревича / Д. И. Азаревич. – Ярославль : Тип. Г. Фальк, 1879. – 132 с.
2. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: Т. 1–2 / Ф. И. Буслаев. – СПб. : Д.Е. Кожанчиков, 1861. – Т. 2. – 429 с.
3. Ворошилова, С. В. Судебная защита прав женщин и детей в России в середине XIX – начале XX в. / С. В. Ворошилова, В. А. Мун // Вопросы истории. – 2019. – № 12–4. – С. 70–82.
4. Евреинова, А. М. О значении и пределах обычного права при разработке отдельных институтов Гражданского уложения / А. М. Евреинова. – СПб. : Тип. М-ва путей сообщения (А. Банке), 1883. – 42 с.
5. Загоровский, А.И. Курс семейного права / А. И. Загоровский. – Одесса : Тип. «Экономическая», 1902. – 460 с.
6. Закон о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
7. Иншакова, А. О. Новые технологии для инклюзивного и устойчивого роста: технологическое обеспечение, стандарты и коммерческий оборот / А. О. Иншакова, Е. И. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 195–205. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.26>
8. Кавелин, К. Д. Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза / К. Д. Кавелин. – СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1884. – 170 с.
9. Кузнецов, Я. О. Семейное и наследственное право в народных пословицах и поговорках

/ Я. О. Кузнецов. – СПб. : Сенатская типография, 1910. – 84 с.

10. Леонтович, Ф. И. К вопросу о происхождении семьи вообще и о ее организации по древнему русскому праву / Ф. И. Леонтович // Журнал министерства юстиции. – 1900. – № 8. – С. 78–117.
11. Лешков, В. Н. Общие замечания на первую книгу 10 т. 1 ч. Свода гражданских законов, говорящую о правах и обязанностях семейственных / В. Н. Лешков. – М. : Унив. Тип. (Катков и К^о), 1870. – 18 с.
12. Матыцин, Д. Е. Инвестиции в Интернете: дистанционные сделки с электронными эквивалентами обязательств и требований / Д. Е. Матыцин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 57–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>
13. Мун, В. А. Законодательное регулирование охраны прав беременных женщин и женщин-матерей в России в середине XIX – начале XX в. / В. А. Мун // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 1 (132). – С. 37–44.
14. Мун, В. А. Охрана материнства и детства в научной, общественной и политической мысли России в середине XIX – начале XX в. / В. А. Мун // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 2 (127). – С. 67–75.
15. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета. – 2020. – № 7.
16. Распоряжение Правительства РФ от 16.09.2021 № 2580-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 39. – Ст. 6751.
17. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 35. – Ст. 4811.
18. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 11. – Ст. 1552.
19. Свод законов гражданских: (1 часть X тома Свода законов Российской империи по изданию 1857 года), дополненный всеми позднейшими узаконениями и ссылками на статьи других томов свода, с алфавитным указателем. – СПб. : Изд. Жиркевича и Зубарева, 1867. – 631 с.
20. Сулипов, Р. С. Роль правовых традиций в механизме правового регулирования / Р. С. Сулипов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 2 (27). – С. 34–39.

21. Хабриева, Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности / Т. Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 5. – С. 403–414.

22. Шершеневич, Г. Ф. О чувстве законности / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Статут, 2016. – 494 с.

REFERENCES

1. Azarevich D.I. *Brachnye elementy i ikh znachenie: istoriko-iuridicheskoe issledovanie Dmitriia Azarevicha* [Marriage Elements and Their Meaning: A Historical and Legal Study by Dmitry Azarevich]. Yaroslavl, Tip. G. Falk, 1879. 132 p.

2. Buslaev F.I. *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva* [Historical Essays of Russian Folk Literature and Art]. Saint Petersburg, D.E. Kozhanchikov, 1861, vol. 2. 429 p.

3. Voroshilova S.V., Mun V.A. *Sudebnaia zashchita prav zhenshchin i detei v Rossii v seredine XIX – nachale XX v.* [Judicial Protection of the Rights of Women and Children in Russia in the Middle of the XIX – Early XX Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2019, no. 12-4, pp. 70-82.

4. Evreinova A.M. *O znachenii i predelakh obychnogo prava pri razrabotke otdelnykh institutov Grazhdanskogo ulozheniia* [On the Meaning and Limits of Customary Law in the Development of Individual Institutions of the Civil Code]. Saint Petersburg, Tip. M-va putey soobshcheniia (A. Banke), 1883. 42 p.

5. Zagorovskii A.I. *Kurs semeinogo prava* [The Course of Family Law]. Odessa, Tip. «Ekonomicheskaya», 1902. 460 p.

6. *Zakon o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniia otdelnykh voprosov organizatsiit funktsionirovaniia publichnoi vlasti»* [The Law on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation No. 1-FKZ of March 14, 2020 “On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 11, art. 1416.

7. Inshakova A.O., Inshakova E.I. *Novye tekhnologii dlia inkluzivnogo i ustoichivogo rosta: tekhnologicheskoe obespechenie, standarty i kommercheskii oborot* [New Technologies for Inclusive and Sustainable Growth: Technological Support, Standards and Commercial Turnover]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 2, pp. 195-205. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.26>

8. Kavelin K.D. *Ocherk uridicheskikh otnoshenii, vznikaiushchikh iz semeinogo soiuza*

[An Outline of Legal Relations Arising from a Family Union]. Saint Petersburg, Tip. Pravitelstvuyushchego senata, 1884. 170 p.

9. Kuznetsov Ia.O. *Semeinoe i nasledstvennoe pravo v narodnykh poslovitsakh i pogovorkakh* [Family and Inheritance Law in Folk Proverbs and Sayings]. Saint Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1910. 84 p.

10. Leontovich F.I. *K voprosu o proiskhozhdenii semi voobshche i o eye organizatsii po drevnemu russkomu pravu* [On the Question of the Origin of the Family in General and Its Organization in Ancient Russian Law]. *Zhurnal ministerstva ustitsii* [Journal of the Ministry of Justice], 1900, no. 8, pp. 78-117.

11. Leshkov V.N. *Obshchie zamechaniia na pervuiu knigu 10 t. 1 ch. Svoda grazhdanskikh zakonov, govoriashchuiu o pravakh i obiazannostiakh semeistvennykh* [General Remarks on the First Book of 10 vol. 1 Part of the Code of Civil Laws, Talking About the Rights and Obligations of the Family]. Moscow, Univ. Tip. (Katkov and Co.), 1870. 18 p.

12. Matytsin D.E. *Investitsii v Internet: distantsionnye sdelki s elektronnyimi ekvivalentami obiazatelstv i trebovaniia* [Investments on the Internet: Remote Transactions with Electronic Equivalents of Obligations and Requirements]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 57-68. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>

13. Mun V.A. *Zakonodatelnoe regulirovanie okhrany prav beremennykh zhenshchin i zhenshchin-materei v Rossii v seredine XIX – nachale XX v.* [Legislative Regulation of the Protection of the Rights of Pregnant Women and Women-Mothers in Russia in the Mid-XIX – Early XX Centuries]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2020, no. 1 (132), pp. 37-44.

14. Mun V.A. *Okhrana materinstva i detstva v nauchnoi, obshchestvennoi i politicheskoi mysli Rossii v seredine XIX – nachale XX v.* [Protection of Motherhood and Childhood in Scientific, Social and Political Thought of Russia in the Mid-XIX – Early XX Centuries]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi i uridicheskoi akademii* [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2019, no. 2 (127), pp. 67-75.

15. *Poslanie Prezidenta RF Federalnomu Sobraniuu ot 15.01.2020* [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of January 15, 2020]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2020, no. 7.

16. *Rasporiazhenie Pravitelstva RF ot 16.09.2021 № 2580-r «Ob utverzhdenii plana meropriatii po realizatsii v 2021–2025 godakh Kontseptsii demograficheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda»* [Decree of the Government of

the Russian Federation No. 2580-r of September 16, 2021 “On Approval of the Action Plan for the Implementation in 2021–2025 of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the period up to 2025”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2021, no. 39, art. 6751.

17. Rasporiazhenie Pravitelstva RF ot 25.08.2014 № 1618-r «Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoi semeinoi politiki v RF na period do 2025 g.» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1618-r of August 25, 2014 “On Approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the Period up to 2025”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 35, art. 4811.

18. Rasporiazhenie Pravitelstva RF ot 29.02.2016 № 326-r «Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoi kulturnoi politiki na period do 2030 goda» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 326-r of February 29, 2016 “On Approval of the Strategy of the State Cultural Policy for the Period up to 2030”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2016, no. 11, art. 1552.

19. *Svod zakonov grazhdanskikh: (1 chast X toma Svoda zakonov Rossiiskoi imperii po izdaniuu 1857 goda), dopolnennyi vsemi pozdneishimi uzakoneniiami i ssylkami na stati drugikh tomov svoda, s alfavitnym ukazatelem* [The Code of Civil Laws: (1 Part X Volume of the Code of Laws of the Russian Empire as Published in 1857), Supplemented by All Later Legalizations and Links to Articles in Other Volumes of the Code, with an Alphabetical Index]. Saint Petersburg, Izd. Zhirkevicha i Zubareva, 1867. 631 p.

20. Sulipov R.S. Rol pravovykh traditsii v mekhanizme pravovogo regulirovaniia [The Role of Legal Traditions in the Mechanism of Legal Regulation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of Omsk University. The Series “Law”], 2011, no. 2 (27), pp. 34-39.

21. Khabrieva T.Ia. Konstitutsionnaia reforma v Rossii: v poiskakh natsionalnoi identichnosti [Constitutional Reform in Russia: In Search of National Identity]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2020, vol. 90, no. 5, pp. 403-414.

22. Shershenevich G.F. *O chuvstve zakonnosti* [On the Sense of Legality]. Moscow, Statute Publ., 2016. 494 p.

Information About the Author

Viktoriya A. Mun, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, mun-va@vlgr.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3010-1094>

Информация об авторе

Виктория Анатольевна Мун, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, mun-va@vlgr.ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3010-1094>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.9>

UDC 342.951:351.82
LBC 67.402

Submitted: 27.04.2023
Accepted: 28.05.2023

THE PROCEDURE AND SOURCES OF HEALTHCARE FINANCING IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Diana M. Mustafina-Bredikhina

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

Vladimir A. Artymuk

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation;
Non-Profit Association Artymuk, Shemet and Partners, Kemerovo, Russian Federation

Introduction. Currently, human rights to medical care and health protection in our country are regulated by the Constitution of the Russian Federation, federal laws and by-laws. And, accordingly, to realize these rights, the state needs to form, allocate and effectively spend a sufficient amount of financial resources. The **purpose** of the study is to analyze the procedure and sources of healthcare financing in the constituent entities of the Russian Federation. **Methods.** The analysis of modern scientific literature, as well as the regulatory framework on the procedure and sources of healthcare financing in the Russian Federation is carried out. For this purpose, the methods of bibliographic, informational and semantic search of sources in various databases are used. **Results.** The sources of financing the healthcare system in the Russian Federation are employers' insurance premiums for Compulsory Health Insurance (CHI) of the working population, insurance premiums from the budgets of the constituent entities of the Russian Federation for CHI of the non-working population, as well as expenditures of regional budgets and inter-budgetary transfers. The CHI system is currently the main source of funding for the state healthcare system in the Russian Federation. Single-channel financing made it possible to increase the efficiency of the healthcare system and played a positive role during the pandemic, which allowed the system to compensate for epidemiological risks quite quickly, but currently there are problems that require the reform of the healthcare system. The disadvantages of the CHI system are the complexity of the medical care financing chain, as well as the problems of distributing the capacity of medical care between medical organizations within the framework of the territorial CHI program. From the standpoint of the objective situation of insufficient financing of healthcare in the Russian Federation, it is advisable not so much to increase financial resources as to increase the efficiency of the use of allocated funds, which requires the legislative consolidation of responsibility for their irrational use, as well as strengthening the state control of resources allocated to healthcare. **Conclusions.** The activities of the Compulsory Health Insurance system require strengthening public control measures.

Key words: Compulsory Health Insurance, financing, healthcare, single-channel financing, health protection.

Citation. Mustafina-Bredikhina D.M., Artymuk V.A. The Procedure and Sources of Healthcare Financing in the Constituent Entities of the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 68-74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.9>

УДК 342.951:351.82
ББК 67.402

Дата поступления статьи: 27.04.2023

Дата принятия статьи: 28.05.2023

ПОРЯДОК И ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Диана Мядхатовна Мустафина-Бредихина

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

Владимир Анатольевич Артымук

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация;
Некоммерческое объединение «Артымук, Шемет и партнеры», г. Кемерово, Российская Федерация

Введение: в настоящее время права человека на медицинскую помощь и на охрану здоровья в нашей стране регламентированы Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и подзаконными нормативными актами. И соответственно для реализации этих прав государству необходимо формировать, распределять и эффективно расходовать достаточное количество финансовых ресурсов. **Цель исследования** – провести анализ порядка и источников финансирования здравоохранения в субъектах РФ. **Методы:** проведен анализ современной научной литературы, а также нормативно-правовой базы по вопросам порядка и источников финансирования здравоохранения в РФ. Для этого использовались методы библиографического, информационного и семантического поиска источников в различных базах данных. **Результаты:** источниками финансирования системы здравоохранения в РФ являются страховые взносы работодателей на обязательное медицинское страхование (ОМС) работающего населения, страховые взносы из бюджетов субъектов РФ на ОМС неработающего населения, а также расходы региональных бюджетов и межбюджетные трансферты. Система ОМС в настоящее время является главным источником финансирования государственной системы здравоохранения в РФ. Одноканальное финансирование позволило повысить эффективность системы здравоохранения и сыграло положительную роль в период пандемии, что позволило системе достаточно оперативно скомпенсировать эпидемиологические риски, однако в настоящее время накопились проблемы, требующие реформы системы здравоохранения. Недостатками системы ОМС является сложность цепочки финансирования медицинской помощи, а также проблемы распределения объемов медицинской помощи между медицинскими организациями в рамках территориальной программы ОМС. С позиций объективной ситуации недостаточности финансирования здравоохранения в РФ целесообразно не столько увеличение финансовых ресурсов, сколько повышение эффективности использования выделенных средств, что требует законодательного закрепления ответственности за их нерациональное использование, а также усиление государственного контроля ресурсов, выделяемых на здравоохранение. **Выводы:** деятельность системы обязательного медицинского страхования требует усиления мер общественного контроля.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, финансирование, здравоохранение, одноканальное финансирование, охрана здоровья.

Цитирование. Мустафина-Бредихина Д. М., Артымук В. А. Порядок и источники финансирования здравоохранения в субъектах Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 68–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.9>

Введение

В настоящее время права человека на охрану здоровья и получение медицинской помощи в нашей стране регламентированы Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и подзаконными нормативными актами. Однако для реализации этих прав, решения конкретных задач и достижения поставленных целей в оказании медицинской помощи населению государству необходимо формировать, распределять и эффективно расходовать достаточное количество финансовых ресурсов [9, с. 275].

Основное содержание

Общепризнанно, что здравоохранение характеризуется определенными особенностями при осуществлении государственного

финансирования. В настоящее время Программа государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи гражданам (далее – ПГГ), а также целевые программы по приоритетным направлениям развития здравоохранения определяют финансирование медицинской помощи в РФ. По мнению многих исследователей, финансирование здравоохранения в РФ в рамках ПГГ в настоящее время недостаточное, а расходование средств на приоритетные направления – несбалансированное [10, с. 1823].

По данным А.Г. Аганбегян, среди 189 стран мира в соответствии с международным рейтингом ООН Россия по финансированию здравоохранения находится в районе 140-го места. По финансированию здравоохранения из всех источников в процентах к ВВП в России тратится не более 5 %, в Европейском союзе – 10 %, в США – 17 % [1, с. 27].

По расчетам Г. Улумбековой и соавтора, достижение поставленной национальной цели – увеличение ожидаемой продолжительности жизни (далее – ОПЖ) до 78 лет к 2030 г. предполагает увеличение государственных расходов на здравоохранение (далее – ГРЗ) на 8 %. Прогнозируется, что увеличение государственных расходов на здравоохранение в РФ с 2019 по 2024 г. будет недостаточным для достижения этой национальной цели [19, с. 129].

Основными источниками финансирования здравоохранения в РФ являются страховые взносы работодателей на обязательное медицинское страхование (далее – ОМС) работающего населения; страховые взносы из бюджетов субъектов РФ на ОМС неработающего населения; а также расходы региональных бюджетов и межбюджетные трансферты. Последние подразделяются на общие дотации регионам, несвязанными напрямую со здравоохранением, но определяющими состояние его бюджета и дотации на выравнивание финансовых условий реализации территориальных программ ОМС [18, с. 38]. В настоящее время система ОМС является главным источником финансирования государственной системы здравоохранения в РФ [15, с. 67]. По мнению И.С. Васильевой, на практике государство при реализации гарантированных программ исходит из минимальных гарантий, которые значительно уступают минимальным социальным потребностям [5, с. 91]. При этом ряд других российских ученых считают, что сформированная в России страховая модель себя не оправдала, поэтому основным направлением развития должно быть движение в сторону государственно-бюджетного финансирования и регулирования [8, с. 60; 20, с. 12]. Однако существует мнение, что внедрение страховых принципов финансирования системы здравоохранения в виде одноканального финансирования все-таки повышает эффективность расходования бюджетных средств на цели здравоохранения [2, с. 46].

С.В. Шишкин считает, что в настоящее время российскую систему ОМС можно квалифицировать как социальную страховую только в части формирования и объединения финансовых средств [21, с. 33]. Однако в период пандемии, по мнению А.С. Такмазяна,

преобладание государственного финансирования в здравоохранении РФ и высокий уровень централизации управления в отрасли позволили достаточно оперативно скомпенсировать эпидемиологические риски [16, с. 73].

Общепризнано, что наиболее важной проблемой здравоохранения в РФ является дефицит финансирования программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи гражданам РФ. Ведущими причинами дефицита этой программы являются недостатки системы доходов ОМС [6, с. 514].

Аккумуляция ресурсов, направленных в сферу здравоохранения, в настоящее время происходит в основном в федеральном бюджете, бюджетах ФФОМС и субъектах РФ, а также в территориальных фондах обязательного медицинского страхования (далее – ТФОМС). Известно, что ФФОМС и ТФОМС – это государственные внебюджетные фонды и каждый из них представляет отчет об исполнении собственного бюджета. БК РФ к числу принципов бюджетной системы РФ отнесен принцип прозрачности (открытости), а одним из приоритетов государственной политики является повышение прозрачности финансовой информации [4, ст. 144]. РФ в соответствии с международным рейтингом прозрачности бюджетов в 2021 г. заняла достойное 13-е место [22, с. 30].

Тем не менее, по мнению О.И. Тимофеевой, в этих условиях сведения о государственном финансировании отрасли здравоохранения на региональном уровне остаются одними из самых закрытых бюджетных данных. Существуют значительные проблемы с оценкой по открытой бюджетной документации межбюджетных трансфертов, поскольку бюджеты субъекта РФ и ТФОМС рассматриваются отдельно и каждый из них утверждается отдельным законом [17, с. 11]. И поскольку органы управления ТФОМС являются организациями, которые наделены государственными полномочиями, часть государственной деятельности, по сути, выведена из-под непосредственного управления высшим исполнительным органом государственной власти. В БК РФ деятельность по составлению и утверждению бюджетов ТФОМС входит путем применения нормы БК РФ, которая предусматривает представление проекта

закона о бюджете ТФОМС одновременно с проектом закона о бюджете субъекта РФ. В результате при контроле их деятельности крайне сложно выделить сведения об общем объеме средств, которые направляются в сферу здравоохранения, что не позволяет оценить реальные объемы государственного финансирования [3, с. 68]. Финальным документом является отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда, который составляется по форме, утвержденной Приказом Минфина России от 28.12.2010 № 191н [13, п. 2.2].

Федеральная налоговая служба (ранее был Пенсионный фонд РФ) является главным администратором доходов бюджета ФОМС с 2017 года. Налоговый кодекс РФ устанавливает обязанность по уплате страховых взносов на ОМС работающего населения [11, ст. 12].

На наш взгляд, основным недостатком системы ОМС является наличие сложной цепочки доведения денежных средств до медицинских организаций с потерей значимой их части. Актуальной проблемой является система оплаты медицинской помощи, так как в основе планирования ее объемов находится не фактическая потребность в ней населения, а финансовая возможность субъекта [15, с. 67]. Существующие проблемы во многом определяются несовершенством законодательной базы [2, ст. 46].

Система ОМС, в отличие от систем обязательного пенсионного и социального страхования, является децентрализованной. ФОМС, согласно действующему законодательству – это некоммерческая организация, созданная РФ, а ТФОМС – это некоммерческие организации, созданные субъектами РФ, что приводит к «размыванию» ответственности [15, с. 75].

Финансирование только системы ОМС в настоящее время не позволяет восполнить пробелы в развитии системы здравоохранения, что требует привлечения частных партнеров, чтобы оптимизировать приток инвестиций [14, с. 68]. В будущем при сокращении расходной политики бюджета РФ перспективы финансирования здравоохранения будут определяться в основном возможностями региональных бюджетов и ФОМС. Перспекти-

вы развития системы ОМС могут быть связаны только с обеспечением устойчивого адекватного финансирования медицинских организаций [7, с. 154].

Ф.С. Тумусов и соавтор также считают, что основной проблемой финансирования здравоохранения в РФ является решение вопроса об обеспечении здравоохранения необходимыми финансами при увеличении потребности в медицинских услугах при объективной ограниченности ресурсов. Авторы предлагают возможные варианты решения проблемы, в том числе на законодательном уровне – проведение кодификации законов о здоровье и его охране [18, с. 39].

При этом, на наш взгляд, наиболее актуальной проблемой в настоящее время продолжает оставаться правовое регулирование неправомерного использования средств, которые выделяются из государственного бюджета на реализацию программ ОМС. Для решения этой проблемы необходимо осуществление непрерывного мониторинга субъектов, принимающих участие в этих программах [12, с. 94]. Проведение публичных слушаний проекта территориальной программы ОМС, отчета об ее исполнении, а также проекта тарифного соглашения может явиться одним из возможных решений этой проблемы [15, с. 72].

Выводы

В настоящее время в объективной ситуации недостаточности финансирования здравоохранения в РФ целесообразно повышение эффективности использования средств, что требует законодательного закрепления ответственности за их нерациональное использование. Очевидна необходимость усиления государственного контроля ресурсов, выделяемых на здравоохранение, прежде всего, мер общественного контроля за деятельностью системы обязательного медицинского страхования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аганбегян, А. Г. О преодолении стагнации и кризиса и переходе к устойчивому социально-экономическому росту в России / А. Г. Аганбегян // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2022. – № 4 (36). – С. 4–34.

2. Артеменко, Д. А. Проблемы и перспективы страховой модели финансирования здравоохранения / Д. А. Артеменко, А. А. Соколов // Финансы. – 2018. – № 4. – С. 46–50.

3. Белоусова, В. М. Проблемы оплаты медицинской помощи в рамках ОМС: нецелевое расходование средств / В. М. Белоусова, Р. М. Попов // Управление. Финансы. – 2017. – № 6. – С. 68–75.

4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Васильева, И. С. Экономические подходы к оценке расходов на здравоохранение / И. С. Васильева // Финансы и управление. – 2016. – № 1. – С. 91–99. – DOI: 10.7256/2409-7802.2016.1.15634

6. Гришин, В. В. Финансирование Программы государственных гарантий бесплатной медицинской помощи: как решить проблему дефицита? / В. В. Гришин, А. В. Рагозин, А. А. Ицлев, С. А. Глазунова // Здравоохранение Российской Федерации. – 2021. – Т. 65, № 6. – С. 514–521. – DOI: <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2021-65-6-514-521>

7. Козыренко, Е. И. Современное состояние финансирования здравоохранения в России / Е. И. Козыренко, Л. О. Авдеева // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2019. – № 1. – С. 153–164. – DOI: 10.24143/2073-5537-2019-1-153-164

8. Линденбрaten, А. Л. Актуальные проблемы российского здравоохранения / А. Л. Линденбрaten // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко. – 2020. – № 3. – С. 60–71.

9. Лобкова, Е. В. Управление эффективностью региональной системы здравоохранения / Е. В. Лобкова, А. С. Петриченко // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 274–295. – DOI: <https://doi.org/10.24891/re.16.2.274>

10. Модель финансового обеспечения регионального здравоохранения / О. М. Куликова, Е. В. Усачева, В. А. Шамис, А. В. Нелидова, Г. Д. Боуш // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 10. – С. 1823–1840. – DOI: <https://doi.org/10.24891/re.16.10.1823>

11. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413154/. – Загл. с экрана.

12. Павлюк, А. В. Проблема нецелевого использования бюджетных средств в системе обязательного медицинского страхования / А. В. Павлюк, Т. Э. Мартиросян // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – № 4. – С. 94–98.

13. Приказ Минфина России от 28.12.2010 № 191н (ред. от 09.12.2022) «Об утверждении Инст-

рукции о порядке составления и представления годовой, квартальной и месячной отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» : (зарегистрировано в Минюсте России 03.02.2011 № 19693) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.02.2023). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Семина, Е. С. Проблемы финансирования здравоохранения в России / Е. С. Семина, А. О. Еремина // Инновационный потенциал цифровой экономики: состояние и направления развития : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 28 октября 2021 года. Курск : Юго-Запад. гос. ун-т, 2021. – С. 336–339.

15. Соболева, Е. А. Эволюция модели финансирования здравоохранения в РФ / Е. А. Соболева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – Т. 58, № 12-3. – С. 67–75. – DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11519

16. Такмазян, А. С. Здравоохранение в России в условиях пандемии коронавирусной инфекции: ключевые показатели и финансовое обеспечение / А. С. Такмазян, К. Н. Самойлова // Финансовые исследования. – 2021. – № 3 (72). – С. 73–79.

17. Тимофеева, О. И. Особенности государственного финансирования здравоохранения на региональном уровне / И. О. Тимофеева // Финансы. – № 7. – 2018. – С. 11–17.

18. Тумусов, Ф. С. Современные тенденции в системе здравоохранения Российской Федерации / Ф. С. Тумусов, Д. А. Косенков. – М. : Изд. Гос. Думы, 2019. – С. 38–39.

19. Улумбекова, Г. Э. Финансирование здравоохранения для достижения ожидаемой продолжительности жизни в России 78 лет к 2030 году / Г. Э. Улумбекова, А. Б. Гинойн // Народонаселение. – 2022. – Т. 25, № 1. – С. 129–140. – DOI: 10.19181/population.2022.25.1.11

20. Хабриев, Р. У. Государственные гарантии медицинской помощи / Р. У. Хабриев, В. М. Шипова, В. С. Маличенко. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2017. – 232 с.

21. Шишкин, С. В. Является ли страховой российской системой обязательного медицинского страхования? / С. В. Шишкин // Вопросы экономики. – 2022. – № 8. – С. 32–47. – DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-32-47>

22. Open Budget Survey 2021 // International Budget Partnership. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.internationalbudget.org/open-budget-survey/> – Title from screen.

REFERENCES

1. Aganbegyan A.G. O preodolenii stagnacii i krizisa i perehode k ustojchivomu socialno-ekonomicheskomu rostu v Rossii [On Overcoming

Stagnation and Crisis and the Transition to Sustainable Socio-Economic Growth in Russia]. *Aktualnye problemy ekonomiki i upravleniya* [Actual Problems of Economics and Management], 2022, no. 4 (36), pp. 4-34.

2. Artemenko D.A., Sokolov A.A. Problemy i perspektivy strahovoj modeli finansirovaniya zdavoohraneniya [Problems and Prospects of the Insurance Model of Healthcare Financing]. *Finansy* [Finance], 2018, no. 4, pp. 46-50.

3. Belousova V.M., Popov R.M. Problemy opłaty medicinskoj pomoshi v ramkah OMS: necelevoe rashodovanie sredstv [Problems of Payment for Medical Care Within the Framework of Compulsory Medical Insurance: Misappropriation of Funds]. *Upravlenie. Finansy* [Management. Finance], 2017, no. 6, pp. 68-75.

4. Byudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 № 145-FZ [Budget Code of the Russian Federation, dated July 31, 1998 No. 145-FL]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

5. Vasileva I.S. Ekonomicheskie podhody k ocenke rashodov na zdavoohranenie [Economic Approaches to Assessing Health Care Costs]. *Finansy i upravlenie* [Finance and Management], 2016, no. 1, pp. 91-99. DOI: 10.7256/2409-7802.2016.1.15634

6. Grishin V.V., Ragozin A.V., Icelev A.A., Glazunova S.A. Finansirovanie Programmy gosudarstvennyh garantij besplatnoj medicinskoj pomoshi: kak reshit problemu deficita? [Financing the Program of State Guarantees of Free Medical Care: How to Solve the Deficit Problem?]. *Zdavoohranenie Rossijskoj Federacii* [Healthcare of the Russian Federation], 2021, vol. 65, no. 6, pp. 514-521. DOI: <https://doi.org/10.47470/0044-197X-2021-65-6-514-521>

7. Kozыrenko E.I., Avdeeva L.O. Sovremennoe sostoyanie finansirovaniya zdavoohraneniya v Rossii [Current State of Healthcare Financing in Russia]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economy], 2019, no. 1, pp. 153-164. DOI: 10.24143/2073-5537-2019-1-153-164

8. Lindenbraten A.L. Aktualnye problemy rossijskogo zdavoohraneniya [Actual Problems of Russian Healthcare]. *Byulleten Nacionalnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshestvennogo zdorovya im. N.A. Semashko* [Bulletin of the National Research Institute of Public Health Named After N.A. Semashko], 2020, no. 3, pp. 60-71.

9. Lobkova E.V., Petrichenko A.S. Upravlenie effektivnostyu regionalnoj sistemy zdavoohraneniya [Management of the Effectiveness of the Regional Health Care System]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2018, vol. 16, no. 2, pp. 274-295. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.16.2.274>

10. Kulikova O.M., Usacheva E.V., Shamis V.A., Nelidova A.V., Boush G.D. Model finansovogo obespecheniya regionalnogo zdavoohraneniya [Model of Financial Provision of Regional Healthcare]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2018, vol. 16, no. 10, pp. 1823-1840. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.16.10.1823>

11. *Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (NK RF)* [Tax Code of the Russian Federation (TC RF)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413154/

12. Pavlyuk A.V., Martirosyan T.E. Problema necelevogo ispolzovaniya byudzhetnyh sredstv v sisteme obyazatel'nogo medicinskogo strahovaniya [The Problem of Misuse of Budgetary Funds in the System of Compulsory Medical Insurance]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 2021, vol. 4, pp. 94-98.

13. *Prikaz Minfina Rossii ot 28.12.2010 № 191n (red. ot 09.12.2022) «Ob utverzhdenii Instrukcii o poryadke sostavleniya i predstavleniya godovoj, kvartalnoj i mesyachnoj otchetnosti ob ispolnenii byudzhetov byudzhetnoj sistemy Rossijskoj Federacii»:* (zaregistrirvano v Minyuste Rossii 03.02.2011 № 19693) [Order of the Ministry of Finance of Russia Dated December 28, 2010 No. 191N (As Amended on December 9, 2022) "On Approval of the Instructions on the Procedure for Compiling and Submitting Annual, Quarterly and Monthly Reports on the Execution of Budgets of the Budget System of the Russian Federation" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on February 03, 2011 No. 19693) (As Amended and Supplemented, Effective From February 22, 2023)]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

14. Semina E.S., Eremina A.O. Problemy finansirovaniya zdavoohraneniya v Rossii [Problems of Health Care Financing in Russia]. *Innovacionnyj potencial cifrovoj ekonomiki: sostoyanie i napravleniya razvitiya: sb. nauch. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Kursk, 28 oktyabrya 2021 goda* [Innovative Potential of the Digital Economy: State and Directions of Development: Collection of Scientific Articles of the International Scientific and Practical Conference, Kursk, October 28, 2021]. Kursk, Yugo-Zapad. gos. un-t, 2021, pp. 336-339.

15. Soboleva E.A. Evolyuciya modeli finansirovaniya zdavoohraneniya v RF [Evolution of the Healthcare Financing Model in the Russian Federation]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 2019, vol. 58, no. 12-3, pp. 67-75. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11519

16. Takmazyan A.S., Samoylova K.N. Zdavoohranenie v Rossii v usloviyah pandemii koronavirusnoj infekcii: klyucheveye pokazateli i

finansovoe obespechenie [Health Care in Russia During the Coronavirus Pandemic: Key Indicators and Financial Support]. *Finansovye issledovaniya* [Financial Research], 2021, vol. 72, no. 3, pp. 73-79.

17. Timofeeva O.I. Osobennosti gosudarstvennogo finansirovaniya zdavoohraneniya na regionalnom urovne [Features of State Financing of Health Care at the Regional Level]. *Finansy* [Finance], 2018, no. 7, pp. 11-17.

18. Tumusov F.S., Kosenkov D.A. *Sovremennye tendencii v sisteme zdavoohraneniya Rossijskoj Federacii* [Current Trends in the Healthcare System of the Russian Federation]. Moscow, Izd. Gos. Dumy [Publication of the State Duma], 2019, pp. 38-39.

19. Ulumbekova G.E., Ginoyan A.B. Finansirovanie zdavoohraneniya dlya dostizheniya ozhidaemoj prodolzhitel'nosti zhizni v Rossii 78 let k

2030 godu [Financing Health Care to Achieve Life Expectancy in Russia of 78 Years by 2030]. *Narodonaselenie* [Population], 2022, vol. 25, no. 1, pp. 129-140. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.11

20. Habriev R.U., Shipova V.M., Malichenko V.S. *Gosudarstvennye garantii medicinskoj pomoshi* [State Guarantees of Medical Care]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2017. 232 p.

21. Shishkin S.V. Yavlyaetsya li strahovoj rossijskaya sistema obyazatel'nogo medicinskogo strahovaniya? [Is the Russian System of Compulsory Medical Insurance?]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2022, no. 8, pp. 32-47. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-32-47>

22. Open Budget Survey. 2021. *International Budget Partnership*. URL: <https://www.internationalbudget.org/open-budget-survey/>

Information About the Authors

Diana M. Mustafina-Bredikhina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, diana-mus@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3023-6631>

Vladimir A. Artymuk, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Department of Administrative and Financial Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation; Lawyer, Non-Profit Association Artymuk, Shemet and Partners, Prosp. Sovetskiy, 70a, 650000 Kemerovo, Russian Federation, adv-artymuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0660-8696>

Информация об авторах

Диана Мядхатовна Мустафина-Бредихина, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, diana-mus@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3023-6631>

Владимир Анатольевич Артымук, соискатель кафедры административного и финансового права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация; адвокат, Некоммерческое объединение «Артымук, Шемет и партнеры», просп. Советский, 70а, 650000 г. Кемерово, Российская Федерация, adv-artymuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0660-8696>

www.volsu.ru

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.10>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 10.03.2023
Accepted: 28.04.2023

THE REGULATORY ASPECTS OF “GREEN” INVESTMENT IN RUSSIA¹

Iolanta V. Baltutite

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction. The consequences of global climate change and environmental degradation have predetermined the need to create a more sustainable economy. Transforming the economy to make it more sustainable requires intensive investment, especially to ensure the transition to “green” and low-carbon technologies. Different types of “green” investments contribute to the “green” economy in various ways. Each of these functions is critical to making significant progress in the fight to reduce greenhouse gas emissions and combat climate change, and each area offers investment opportunities. Given that the public sector alone cannot cover this financial need, the solutions have been found to attract the private sector. **Purpose.** Various types of “green” projects are analyzed; the most effective financial instruments are recommended, as well as the mechanisms of state support. **Methods.** The methodological framework for the study is the methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of systematicity, analysis and comparative law. **Results.** The author has analyzed the legal regulation of the sphere of “green” finance in the world and in Russia. **Conclusions.** The interest in eco-friendly and sustainable financing is growing very rapidly among investors around the world. To attract more investors, there is a need to increase the level of standardization and disclosure of non-financial information published by companies and used for risk assessment. Given that climate change and environmental degradation are global challenges, the international cooperation and active involvement of investors around the world is an important task.

Key words: “green” economy, investor, investment, climate change, financing.

Citation. Baltutite I.V. The Regulatory Aspects of “Green” Investment in Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 75-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.10>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 10.03.2023
Дата принятия статьи: 28.04.2023

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ «ЗЕЛЕНОГО» ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РОССИИ¹

Иоланта Видмантовна Балтутите

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: последствия глобального изменения климата и деградации окружающей среды предопределили необходимость создания более устойчивой экономики. Преобразование экономики, чтобы сделать ее более устойчивой, требует крупных инвестиций, особенно для обеспечения перехода к «зеленым» и низкоуглеродным технологиям. Различные виды «зеленых» инвестиций вносят свой вклад в «зеленую» экономику различными способами. Каждая из этих функций имеет решающее значение для достижения существенного

прогресса в борьбе за сокращение выбросов парниковых газов и борьбе с изменением климата, и каждая область предлагает инвестиционные возможности. Учитывая, что государственный сектор в одиночку не может покрыть эту финансовую потребность, были изысканы решения для привлечения частного сектора.

Цель: анализируются различные виды «зеленых» проектов, рекомендуются наиболее эффективные финансовые инструменты, а также механизмы государственной поддержки. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** автором проанализировано правовое регулирование сферы «зеленых» финансов в мире и России. **Выводы:** интерес к экологичному и устойчивому финансированию очень быстро растет среди инвесторов по всему миру. Для того чтобы привлечь больше инвесторов, существует необходимость в повышении уровня стандартизации и раскрытия нефинансовой информации, публикуемой компаниями и используемой для оценки рисков. Учитывая, что изменение климата и деградация окружающей среды являются глобальными вызовами, международное сотрудничество и активное вовлечение инвесторов по всему миру является важной задачей.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, инвестор, инвестиция, изменение климата, финансирование.

Цитирование. Балтутите И. В. Особенности правового регулирования «зеленого» инвестирования в России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 75–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.10>

Введение

В современном мире развивается тренд на «зеленые» инвестиции – вложения исключительно в проекты или компании, деятельность которых нацелена на сохранение природы в ее первоизданном виде.

За последние годы «зеленые» фонды показали солидные результаты. По данным исследовательской фирмы Morningstar, устойчивые фонды уже в 2019 г. превзошли традиционные фонды.

Исследование HSBC показало, что за три месяца после 10 декабря 2019 г. (дата первого зарегистрированного случая COVID-19 в Китае) акции, связанные с изменением климата, превзошли мировые акции на 7,6 %, в то время как акции с высоким рейтингом ESG (стратегия развития компании, которая предусматривает прозрачность в менеджменте, заботу об экологии и людях, с которыми работает) превзошли другие акции на 3,7 % [1, с. 46].

По данным Morningstar, фонды, которые специально инвестируют в соответствии с принципами ESG, привлекли \$71,1 млрд по всему миру в период с апреля по июнь 2022 г., что на 42 % больше, чем в 2021 году [5].

Таким образом, общая сумма активов, находящихся под управлением фондов охраны окружающей среды, социальной сферы и государственного управления, составляет чуть более 1 трлн долларов. Фонды ESG составили почти треть всех продаж европейских фондов в 2020 году.

Основное содержание

На фоне общемирового «зеленого» тренда и в России начал формироваться рынок ответственного финансирования проектов, связанных с сокращением негативного влияния на окружающую среду.

В январе 2019 г. в России был утвержден национальный проект «Экология», а в августе 2019 г. на Московской бирже заработал Сектор устойчивого развития, первая на финансовом рынке России полноценная платформа поддержки экологических проектов. В настоящее время Сектор состоит из четырех самостоятельных сегментов: сегмента «зеленых» облигаций, сегмента «социальных» облигаций, сегмента облигаций «устойчивого развития» и сегмента «национальных и адаптационных проектов».

Регулирование сферы «зеленых» финансов в России, которое началось в 2019–2020 гг., находится на этапе активного формирования. Основной контур регулирования сферы «зеленых» финансов в России задается следующими регулирующими институтами и нормативными документами.

Федеральные законы:

– Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» с пакетом подзаконных актов.

Документы Правительства РФ:

– Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18.11.2020 № 3024-р «О координирующей роли Минэкономразвития Рос-

сии по вопросам развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе «зеленого») развития в Российской Федерации»;

– Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе «зеленого») развития Российской Федерации»;

– Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов развития в Российской Федерации и методических указаний, направленных на достижение целей и основных направлений устойчивого (в том числе «зеленого») развития в Российской Федерации».

Документы банка России:

– Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-п «О стандартах эмиссии ценных бумаг» (с изменениями, внесенными указанием Банка России от 01.10.2021 № 5959-У);

– Информационное письмо от 15.07.2020 № ИН0628/111 «О рекомендациях по реализации принципов ответственного инвестирования» и др.

Документы московской биржи:

– Правила листинга ПАО «Московская Биржа».

Документы государственной корпорации развития РФ ВЭБ.РФ.

Все больше людей переходят к более экологичному, этичному образу жизни, и для многих это также означает перевод их денег в экологически чистые инвестиции. В настоящее время все большую популярность приобретают фонды «зеленых» инвестиций.

Фонды «зеленых» инвестиций инвестируют только в компании, которые, по их мнению, в какой-то мере являются экологически ответственными. Это может означать отсеб компаний (отрицательный отсеб), которые наносят ущерб окружающей среде, например, тех, кто занимается добычей ископаемого топлива. Это может означать и инвестирование только в компании, которые пропагандируют экологическую ответственность (положительный отсеб), например, компании, которые занимаются возобновляемыми источниками энергии, такими как ветряные электростанции или солнечные панели.

«Зеленые» фонды, как правило, состоят из нескольких инвестиций в широкий спектр компаний из разных отраслей, что помогает ограничить риск для инвесторов. Однако некоторые фокусируются исключительно на одном конкретном секторе, например, на активах возобновляемых источников энергии или в инфраструктуре хранения энергии. Эти более специфические фонды, как правило, предназначены для более продвинутых розничных инвесторов. Так, инвестиционные фонды «зеленой» энергетики стали лидерами по доходности в 2022 году. «Зеленые» фонды могут быть по-разному ориентированы на охрану окружающей среды. Некоторые фонды называют себя «зелеными», потому что они инвестируют в компании, которые взяли на себя обязательства сократить выбросы углекислого газа или сократить количество отходов, даже если они не участвуют в создании технологий, благоприятных для климата. Другие фонды инвестируют только в компании, которые непосредственно работают над решением проблемы изменения климата или помогают миру перейти на возобновляемые источники энергии.

Многие компании в настоящее время наращивают инвестиции в «зеленые» проекты по разным причинам, среди которых:

– «зеленые» инвестиции могут помочь снизить воздействие компании на окружающую среду и изменить ситуацию к лучшему для будущих поколений;

– «зеленые» инвестиции часто приводят к снижению выбросов и требуют меньше энергии, что может привести к экономии на счетах за коммунальные услуги;

– потребители все больше интересуются экологичностью, поэтому инвестирование в «зеленые» проекты может помочь компании привлечь новых клиентов и выделиться на фоне конкурентов. Такие проекты требуют значительных инвестиций со стороны правительства и частного сектора, что, безусловно, открывает возможности для институциональных инвесторов и частных инвестиционных компаний и в значительной степени поможет устранить выраженный дефицит финансирования. Индивидуальные инвесторы могут получить доступ, инвестируя в компании, участвующие в торгах по государственным кон-

трактам, или имеющие опыт успешного управления проектами энергосберегающего хозяйства;

– многие «зеленые» инвестиции обеспечивают высокую доходность и растут быстрее, чем фондовый рынок в целом.

Растущее внимание общественности к экологическим и социальным проблемам в синергии с доступностью данных и новостях о действиях корпораций приводит к изменению отношения населения к инвестированию. Этот феномен, в силу своего относительно недавнего появления, имеет различные названия: SRI – Socially Responsible Investing (социально ответственное инвестирование), ESG – Environmental, Social, and Governance practices (экологическое, социальное и корпоративное управление, или импакт-инвестирование – инвестиции социального воздействия). Грань между данными терминами относительно размыта, однако вне зависимости от названия цель таких инвестиций – позитивное изменение мира наряду с финансовой отдачей [2].

Импакт-инвестирование, ESG (окружающая среда, социальная сфера и управление) и SRI (социально ответственные инвестиции) – это различные виды инвестирования, все из которых могут включать фонды «зеленых инвестиций».

ESG investing использует экологические, а также социальные критерии и критерии управления для отбора потенциальных инвестиций. Фонды ESG также учитывают традиционные финансовые показатели в своем инвестиционном подходе, которые остаются основной движущей силой таких инвестиций, но некоторые фонды ESG могут быть помечены как «зеленые».

Социально ответственное инвестирование (SRI) устанавливает определенные условия для социальной ответственности, используя соображения ESG (и другие), а затем инвестирует в предприятия, которые соответствуют этим стандартам. Это может быть использование положительного или отрицательного отбора, как упоминалось выше, некоторые фонды SRI будут ориентированы на окружающую среду и будут считаться фондами SRI.

Импакт-инвестиции направлены на оказание помощи предприятиям, которые дела-

ют что-то позитивное. Они разработаны для достижения конкретных целей, и это может включать экологические цели. Инвестиции с эффектом воздействия также, как правило, рассматривают инвестиции в гораздо более долгосрочной перспективе, а не рассчитывают на быструю отдачу. Некоторые фонды «зеленых» инвестиций считаются инвестициями с эффектом воздействия.

Эти три подхода частично пересекаются, но в целом ESG-инвестирование является наиболее распространенным подходом, а импакт-инвестирование – наиболее этично ориентированным.

Инвестору для участия в подобных «зеленых» инвестиционных проектах, прежде всего, необходимо решить, заинтересован ли он в финансировании чего-то конкретного (например, возобновляемые источники энергии), или готов инвестировать в более общем плане. Кроме того, необходимо проверить экологические характеристики инвестиционных фондов. В зависимости от того, на какую сумму планируется инвестировать, обычно стоит обратиться к независимому финансовому консультанту, они смогут дать профессиональную оценку средств и помочь определиться с вложением.

Следует обратить внимание на ряд вещей при выборе «зеленого» инвестиционного фонда, это поможет убедиться, что инвестируете в то, что важно для самого себя:

– как принимаются во внимание экологические, социальные факторы и факторы управления и как они включаются в инвестиционный процесс;

– объяснен ли подход к финансированию, будь то Impact, ESG или SRI;

– приводятся ли исследования и экологические данные, на основе которых принимаются инвестиционные решения;

– являются ли они прозрачными. Инвестор должен быть в состоянии видеть все активы в фонде, что позволяет тщательно изучить все инвестиции и убедиться, что они такие же экологичные, как это предоставляет фонд;

– голосует ли управляющий фондом за экологическую политику на общем собрании акционеров компании. Некоторые управляющие фондами будут придерживаться строгой

политики в отношении того, как они взаимодействуют с компаниями, в которые они инвестируют, и будут сообщать о том, как они голосуют на общих собраниях акционеров. Если они публикуют политику и отчеты о вовлеченности компании и голосуют за экологическую политику, это свидетельствует о приверженности направления по улучшению экологической ситуации [3, с. 134].

У «зеленого» фонда есть назначенный управляющий фондом, который будет отсеивать компании, у которых нет надежных «зеленых» сертификатов, и (или) на регулярной основе искать лучшие «зеленые» инвестиции. Управляющий фондом может оценивать компании по ряду общих факторов, например, таких как их прозрачность. Некоторые компании будут выбраны потому, что они активно ориентированы на предоставление экологически чистых технологий или услуг, таких как строительство ветряных турбин или солнечных панелей.

Большинство финансовых учреждений сейчас предлагают те или иные «зеленые» инвестиции. Однако важно сказать, что, как и в случае с другими продуктами, можно столкнуться с достаточным количеством *greenwash*, когда у потребителя складывается ложное представление об экологичности продукта. Так называемые «зеленые» фонды часто инвестируются в отрасли, которых никто не ожидал, например, зеленый «пенсионный фонд без ископаемого топлива» инвестирует в компании, которые предоставляют услуги нефтяной и газовой промышленности [4, с. 130].

Если нет возможности инвестировать в акции и избежать рисков в инвестиционном фонде, хорошей альтернативой может стать сберегательный счет *green*. Проценты по такому счету, скорее всего, будут намного ниже (особенно в долгосрочной перспективе), но они предлагают безопасный вариант. В зависимости от того, какой счет выбран, инвестор также может быть уверен, что деньги не будут вложены в какие-либо проекты, наносящие ущерб окружающей среде.

Инвестиционные возможности можно найти в «зеленых» облигациях, типе финансового инструмента, который можно покупать и продавать, как и любую другую ценную бумагу, но деньги, вложенные в эти «зеленые» об-

лигации, используются только для финансирования проектов с экологическими выгодами.

«Зеленые» облигации, общий объем которых во второй половине 2022 г. составил 417 млрд долл., нельзя игнорировать. Существует несколько видов «зеленых» облигаций: облигации, обеспеченные активами, предлагаются для финансирования конкретных «зеленых» проектов, таких как строительство частных электростанций или местной инфраструктуры; корпоративные облигации выпускаются отдельными компаниями для широкого использования в «зеленых» инициативах, чтобы продемонстрировать приверженность «зеленым» инновациям или важность окружающей среды для их бизнес-модели; облигации финансовых учреждений выпускаются финансовыми субъектами и организациями (такими как Всемирный банк или МВФ), намеревающимися оказать положительное воздействие на окружающую среду, часто посредством «зеленого финансирования» для других компаний и организаций с этой целью; суверенные и муниципальные облигации – это обеспеченные правительством долговые ценные бумаги, используемые для финансирования общественных зеленых проектов.

Рынки «зеленых» облигаций могут стратегически использоваться для формирования привлекательной инвестиционной среды и возможностей для «зеленых» иностранных инвестиций. Доходы от «зеленых» облигаций могут быть использованы для строительства «зеленой» и устойчивой к изменению климата инфраструктуры и зданий, увеличения поставок возобновляемой энергии, повышения энергоэффективности, предоставления недорогостоящего капитала для «зеленых» проектов и поддержки создания стратегических отраслей «зеленого» роста.

Усилия по продвижению и обеспечению целостности «зеленых» облигаций, расширению круга эмитентов и расширению использования облигаций – все это события, которые могут помочь развить рынок, предоставить дополнительные инвестиционные возможности и облегчить финансирование «зеленых» проектов.

После пандемии COVID-19 необходимость расширения «зеленого» и устойчивого финансирования, важность международного

сотрудничества стали еще более очевидными. Международное сотрудничество является ключом к содействию гармонизации нормативных актов и стандартизации рыночной практики. Отсутствие последовательных определений «зеленых» инвестиций (таксономий) и низкая степень стандартизации и прозрачности могут ограничить рост «зеленых» и устойчивых финансов. Необходимость преодоления этой ситуации признается в программе ЕС-США по глобальным изменениям, в которой предлагается совместно разработать глобальную нормативную базу для устойчивого финансирования, опираясь на опыт таксономии ЕС. Предлагается работать над сближением трех инструментов: таксономии, стандартов и этикеток для устойчивых финансовых продуктов и инструментов, раскрытия информации о климате и окружающей среде. Они необходимы для оценки устойчивости инвестиций, оценки рисков и мониторинга результатов.

Выводы

В России для практической реализации принципов ESG в рамках проектов повышения энергоэффективности и охраны окружающей среды предстоит доработать нормативную базу, отладить институциональную среду и обеспечить взаимопонимание и взаимодействие регуляторов, инвесторов и держателей проектов. Необходимо создать целую систему институтов и процессов, которая бы вызвала доверие между держателями проектов и инвесторами (а также общественностью), желающими понимать эффекты другого порядка, в том числе климатические и экологические, причем на долгосрочную перспективу. Финансовым институтам при этом важна конверсия таких эффектов в риски.

При рассмотрении вопроса о том, как стимулировать «зеленые» фонды и участие в них, инициативы должны быть направлены на использование новых достижений в области технологий, финансовых рынков и общества.

Сегодня в создание подобной институциональной системы заложен ряд основополагающих документов, в том числе цели и основные направления устойчивого развития, таксономия зеленых и адаптационных проек-

тов, рекомендации Банка России по ответственному инвестированию и ряд других.

Перспективой развития этих институциональных рамок являются в том числе:

– детализация и уточнение действующих документов;

– синхронизация документов и систем регулирования (системы государственных стандартов, нормативной базы по наилучшим доступным технологиям от Минпромторга России, по низкоуглеродному развитию от Минэкономразвития, рекомендаций Банка России и др.).

Очевидно, что необходимо более активное обсуждение вопросов в различных профессиональных сообществах, поскольку вопросы ESG-финансирования носят междисциплинарный характер, а обратная связь критически важна для актуализации создающейся системы регулирования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01141) «Правовые механизмы защиты прав физических лиц при осуществлении дистанционных инвестиционных сделок в интернет-пространстве».

The study was financially supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01141) “Legal mechanisms for protecting the rights of individuals in the implementation of remote investment transactions in the Internet space”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коданева, С. И. От «коричневой» экономики к «зеленой». Российский и зарубежный опыт / С. И. Коданева // Россия и современный мир. – 2020. – № 1. – С. 46–66.

2. Львова, Н. А. Ответственные инвестиции: теория, практика, перспективы для Российской Федерации / Н. А. Львова // Экономика и экологический менеджмент. – 2019. – № 3. – С. 56–67.

3. Матыцин, Д. Е. Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов: банковские гарантии и цифровые технологии / Д. Е. Матыцин, И. В. Балгутите // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150). – С. 133–136.

4. Матыцин, Д. Е. Понятие дистанционно-цифровой инвестиционной сделки в информационном

пространстве / Д. Е. Матыцин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 129–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.18>
5. 395 % за три месяца – столько можно было получить на лучшей акции квартала. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://quote.rbc.ru/news/article/615dc2d29a7947f1f239d2b4?ysclid=lj75y5xeiz817970737>. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Kodaneva S.I. Ot «korichnevoj» ekonomiki k «zelenoj». Rossijskij i zarubezhnyj opyt [From “Brown” Economy to “Green”. Russian and Foreign Experience]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], 2020, no. 1, pp. 46-66.
2. L'vova N.A. Otvetstvennye investicii: teoriya, praktika, perspektivy dlya Rossijskoj Federacii [Responsible Investments: Theory, Practice, Prospects for the Russian Federation]. *Ekonomika i ekologicheskij*

menedzhment [Economics and Environmental Management], 2019, no. 3, pp. 56-67.

3. Matygin D.E., Baltutite I.V. Obespechenie ispolneniya gosudarstvennyh i municipal'nyh kontraktov: bankovskie garantii i cifrovye tekhnologii [Enforcement of State and Municipal Contracts: Bank Guarantees and Digital Technologies]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2020, no. 11 (150), pp. 133-136.

4. Matygin D.E. Ponyatie distancionno-cifrovoj investicionnoj sdelki v informacionnom prostranstve [The Concept of a Remote Digital Investment Transaction in the Information Space]. *Pravovaya paradihma* [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 1, pp. 129-136. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.18>

5. 395 % za tri mesyaca – stol'ko mozhno bylo poluchit' na luchshej akcii kvartala [395% in Three Months – That's How Much you Could Get on the Best Stock of the Quarter]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/615dc2d29a7947f1f239d2b4?ysclid=lj75y5xeiz817970737>

Information About the Author

Iolanta V. Baltutite, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

Информация об авторе

Иоланта Видмантовна Балтутите, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>

UDC 347.73:004
LBC 67.404

Submitted: 10.04.2023
Accepted: 16.05.2023

THE LEGAL NATURE OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION¹

Alexander I. Goncharov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vitaliy A. Sadkov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction. The paper develops the problems of ontological content of the category “digital financial assets” from the perspective of its legal nature. The **purpose** of the study is to solve the scientific problem of identifying the legal nature of the phenomenon of “digital financial assets” which allows us to accurately determine the directions for improving the legal regulation of the turnover of digital financial assets. **Methods.** The methodological framework for the research is materialistic positivism, integrating general scientific, specific scientific and special methods of cognition, among which the dialectical method, ascent from the abstract to the concrete, analysis and synthesis, hermeneutical method, generalization, comparative jurisprudence, etc. are the main ones. **Results.** Based on the well-established provisions of the civil doctrine and relevant studies of law enforcement practice, the authors substantiate recommendations for resolving a number of conflict-of-laws issues existing in the Russian legislation regarding the interpretation of the essence of the category of “digital financial assets” that slow down and hinder the introduction of this innovative technology of investing in civil turnover. **Conclusions.** The authors have concluded that the essential content of the category “digital financial assets” is a set of property rights defined in the legislation of the Russian Federation, while the construct of “digital financial assets” is nothing but a new original way (innovative technology) of fixing such rights in information systems. This method should be attributed to a kind of written form of the transaction. The necessity of considering the term “digital financial assets” from the position of a legal fiction mediating the turnover of obligations, claims, rights of participation in the electronic virtual environment of computer networks of information system operators, in which the release, circulation and exchange of digital financial assets, in turn, integrated into the global Internet, is justified.

Key words: digital financial assets, property rights, Internet, transaction, innovative technologies, civil turnover.

Citation. Goncharov A.I., Sadkov V.A. The Legal Nature of Digital Financial Assets According to the Legislation of the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 82-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>

УДК 347.73:004
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 10.04.2023
Дата принятия статьи: 16.05.2023

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Александр Иванович Гончаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Виталий Андреевич Садков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье разрабатывается проблематика онтологического наполнения категории «цифровые финансовые активы» в ракурсе ее правовой природы. **Целью** исследования является решение научной задачи выявления правовой природы феномена «цифровые финансовые активы», позволяющее точно определить направления совершенствования правового регулирования оборота цифровых финансовых активов. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет материалистический позитивизм, интегрирующий общенаучные, частнонаучные и специальные методы познания, среди которых основное место занимают диалектический метод, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, герменевтический метод, обобщение, сравнительное правоведение и др. **Результаты:** опираясь на устоявшиеся положения цивилистической доктрины и соответствующие исследования правоприменительной практики, авторы обосновывают рекомендации для разрешения ряда коллизионных вопросов, имеющих в российском законодательстве, относительно трактовки сущности категории «цифровые финансовые активы», замедляющих и препятствующих внедрению этой инновационной технологии инвестирования в гражданский оборот. **Выводы:** авторами сделан вывод, что сущностным наполнением категории «цифровые финансовые активы» является совокупность определенных в законодательстве Российской Федерации имущественных прав, в то время как сама конструкция «цифровые финансовые активы» есть ни что иное, как новый оригинальный способ (инновационная технология) фиксации таких прав в информационных системах. Данный способ следует относить к разновидности письменной формы сделки. Обоснована необходимость рассмотрения термина «цифровые финансовые активы» с позиции юридической фикции, опосредующей оборот обязательств, требований, прав участия в электронно-виртуальной среде компьютерных сетей операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск, обращение и обмен цифровых финансовых активов, в свою очередь, интегрированных в глобальный Интернет.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, имущественные права, Интернет, сделка, инновационные технологии, гражданский оборот.

Цитирование. Гончаров А. И., Садков В. А. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 82–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>

Введение

Устойчивое развитие и процветание Российской Федерации, обеспечение высокого уровня жизни граждан невозможно без развития производства, что, в свою очередь, требует повышения эффективности использования капиталов, задействованных в предпринимательской деятельности, обеспечения их мобильности. Одним из весьма действенных способов повышения рентабельности хозяйственной деятельности является снижение издержек на сопутствующие и поддающиеся оптимизации расходы, не являющиеся необходимыми при производстве продукции. Одним из направлений, позволяющих обеспечить мощный прорыв в развитии России, обоснованно считается перевод информационных потоков в электронно-цифровую форму. Особенно это актуально и значимо в инвестиционно-финансовом секторе отечественной экономики [1].

Развитие компьютерной техники и соответствующего программного обеспечения, доступность сети Интернет позволили субъектам гражданских правоотношений оператив-

но обмениваться информацией, осуществлять «быстрые» платежи во исполнение заключенных сделок, снижать издержки на оплату посреднических услуг, не влияющих на качество и объем исполнения по основному обязательству [2]. Одним из таких инновационных механизмов следует признать конструкцию «цифровые финансовые активы» (далее по тексту – ЦФА), введенную в отечественный юридический лексикон Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – закон о ЦФА).

Однако в цивилистической доктрине отсутствует единый подход к осмыслению правовой природы феномена ЦФА. Нормы закона о ЦФА характеризуются неоднозначностью легальной трактовки термина ЦФА, что обуславливает дуалистический подход к определению сущности категории ЦФА, позволяя рассматривать ЦФА и с позиций способа капитализации, и с позиций имущества, обладающего инвестиционной привлекательностью,

и с позиций способа удостоверения принадлежности определенных имущественных прав конкретному участнику гражданских правоотношений [13, с. 4]. Есть мнение, что ЦФА – это феноменальный симбиоз, сочетающий одновременно и способ фиксации права (инвестиционный инструмент), и объект для вложения капитала (инвестиционный актив). Несомненно, что такая дискуссионность и неоднозначность трактовок сдерживает процесс внедрения весьма перспективной конструкции ЦФА в гражданский оборот.

По состоянию на 15 марта 2023 г. в Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, включено пять субъектов, двое из которых являются крупнейшими российскими банковскими организациями [11]. С одной стороны, это свидетельствует об интересе, который проявляют коммерческие структуры к конструкции ЦФА и перспективности данного инструмента. С другой стороны, несмотря на то что закон о ЦФА действует в Российской Федерации уже третий год, вышеуказанное количество операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, для масштабов нашей страны, безусловно, очень мало.

Исследование места ЦФА в российской правовой системе

Четвертая промышленная революция, зачастую именуемая как «Индустрия 4.0» [14, с. 57], характеризуется активным внедрением цифровых (компьютерных) технологий в экономические процессы [4]. Дон Тэпскотт полагает, что в основе нового экономического уклада лежит феномен «digitization», сутью которого является цифровая форма существования информации [16, с. 114].

Стремительное развитие цифровых технологий обусловило появление новых явлений. «Цифровые объекты прав» стали признаваться экономической ценностью, что инициировало дискуссии о необходимости признания их в качестве особой разновидности объектов гражданских правоотношений [3, с. 67]. На волне цифровизации объектов гражданских прав появилась и конструкция ЦФА, которая выступает одним из маркеров цифровой экономики

и в настоящий момент проходит период становления. Признавая необходимость законодательного урегулирования оборота цифровых активов в качестве современного тренда, российский законодатель выбрал свой оригинальный подход к регламентации возникающих отношений, отличающийся от концепции токенизации активов, получившей свою поддержку в иностранных юрисдикциях.

В рамках реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [8] российским законодателем был принят ряд нормативных правовых актов, в том числе и закон о ЦФА. Положения ч. 2 ст. 1 вышеозначенного закона содержат легальное определение ЦФА, в соответствии с которым под цифровыми финансовыми активами признаются определенные цифровые права, как-то: денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном законом о ЦФА. Выпуск, учет и обращение таких цифровых прав возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему, функционирующую на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Анализ приведенного выше определения позволяет утверждать, что за пределами легальной дефиниции юридической конструкции ЦФА остались такие цифровые финансовые технологии, как цифровая валюта, токены и др. Фактически российский законодатель демонстрирует ограничительный подход к пониманию ЦФА, хотя первоначально достаточно многими российскими учеными-правоведами юридическая конструкция ЦФА рассматривалась весьма широко – как совокупность токенов и криптовалюты [15, с. 35; 10, с. 10], а в первом варианте текста законопроекта «О цифровых финансовых активах» ЦФА вообще определялось как имущество в электронной форме [7].

Исследуя доктринальные позиции ученых, мы полагаем, что отграничение категории ЦФА от категории цифровой валюты, демонстрируемое российским законодателем,

вполне обосновано. Поскольку, говоря об обязательственных денежных требованиях, правах по эмиссионным ценным бумагам, праве требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, правах участия в капитале непубличного акционерного общества, достаточно просто установить управомоченных и обязанных лиц, тогда как при использовании цифровой валюты – это невозможно [13, с. 25]. При этом для уяснения сущности правового регулирования общественных отношений, касающихся ЦФА, необходимо самое пристальное внимание уделить особенностям цифровой формы фиксации этапов и фактических последствий отношений сторон.

В настоящее время, опираясь на действующую редакцию ч. 2 ст. 1 закона о ЦФА, в качестве содержательного наполнения данной юридической конструкции российский законодатель рассматривает четыре группы имущественных прав: 1) денежные требования; 2) возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; 3) права участия в капитале непубличного акционерного общества; 4) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов. Несомненно, что все обозначенные группы имущественных прав не являются новым изобретением российского законодателя, а достаточно давно апробированы в гражданском обороте. При этом следует отметить, что далеко не все денежные требования обладают качеством оборотоспособности.

Рассуждая о сути денежного обязательства как о необходимости совершения действий по уплате денег в наличной или безналичной форме, подчеркнем, что денежные требования могут возникать не только из обязательственных отношений. В основе денежных требований могут лежать и судебные решения, и налоговые отношения, и трудовые договоры, и факт совершения административного или уголовного правонарушения и пр. Несомненно, что обозначенные денежные требования недопустимо считать оборотоспособными и рассматривать в качестве объектов гражданских прав. Кроме того, даже ряд обязательственных требований характеризуется невозможностью отторжения от личности первоначального должника, что не по-

зволяет рассматривать их в качестве наполняющей конструкции ЦФА. В качестве одного из таких примеров можно привести ничтожность уступки прав бенефициара по независимой гарантии без одновременной уступки тому же лицу прав по основному обязательству [6, п. 9]. Исходя из этого, предлагается в легальном определении конструкции ЦФА акцентировать внимание на свойство оборотоспособности и обязательственную природу денежных требований, составляющих сущностное наполнение конструкции ЦФА.

Изучение текста закона о ЦФА позволяет утверждать, что в действующем российском законодательстве не содержится каких-либо аргументов, обосновывающих необходимость ограничения использования технологии ЦФА для выпуска в цифровом виде акций публичного АО, эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в такие акции. По нашим предположениям, такое ограничение вызвано опасениями о возможном риске использования конструкции ЦФА, как дистанционной цифровой инвестиционной технологии, для осуществления преступной деятельности и обмана неограниченного круга лиц, являющихся акционерами публичного АО, ибо все помнят печальный опыт участия в АО «МММ» в 90-х гг. XX века. Полагаем, что в процессе апробации и отработки механизмов применения конструкции ЦФА на непубличных АО, в дальнейшем в рамках гражданского оборота такое ограничение отпадет.

Детальное исследование норм закона о ЦФА позволяет сделать вывод о том, что помимо понимания ЦФА с позиций особого сегмента имущественных прав, российский законодатель в ч. 4 ст. 1, ч. 1 ст. 2, ч. 5 ст. 6 и других закона о ЦФА говорит о ЦФА как о способе удостоверения имущественных прав, составляющих сущностное наполнение феномена ЦФА. Это свидетельствует о двояком понимании российским законодателем конструкции ЦФА, когда ЦФА рассматриваются, с одной стороны, как «оборотоспособные объекты гражданских прав – определенные имущественные права, а с другой – как способ удостоверения прав в некоей информационной системе» [13, с. 66]. Полагаем, что такая ситуация порождает проблемы для правоприменения и не случайно, при всей перспективнос-

ти, внедрение конструкции ЦФА в гражданский оборот несколько «буксует».

Несомненно, что имущественные права, составляющие наполнение конструкции ЦФА, есть ни что иное, как требования, возникающие в рамках гражданско-правовых обязательств. Такой же позиции придерживаются и Н.В. Кагальникова [5, с. 208–209], и Конституционный Суд РФ [9]. При этом права, обозначенные российским законодателем в качестве составляющих элементов ЦФА, – это не какие-либо новые, ранее не известные цивилистической доктрине имущественные требования, а достаточно апробированные, устойчивые и давно показавшие свою эффективность правовые конструкции.

Отвечая на вопрос, чем отличаются имущественные права (требования), наполняющие конструкцию ЦФА, от аналогичных имущественных прав обладателей эмиссионных ценных бумаг, акционеров, кредиторов по денежным обязательствам, не относимых к сфере ЦФА, мы полагаем, что такое отличие лежит только в сфере технологии фиксации вышеуказанных имущественных прав. В частности, денежные требования вполне эффективно могут фиксироваться по конструкции договора займа и кредитного договора посредством оформления документарных и бездокументарных ценных бумаг, акции достаточно давно выступают в качестве объектов гражданского оборота и пр.

Полагаем, что в качестве ключевой особенности конструкции, обозначаемой российским законодателем в ч. 2 ст. 1 закона о ЦФА как «цифровые финансовые активы», следует считать не содержание соответствующих прав, удостоверенных посредством использования такой конструкции, а специфичность инновационной технологии удостоверения соответствующих имущественных прав. Это проявляется, прежде всего, в цифровой форме фиксации возникающих обязательств; в необходимости использования специальных алгоритмов, позволяющих идентифицировать участников взаимодействия в электронно-виртуальной среде, а также позволяющих точно определять объем их притязаний, установленные сроки на осуществление денежных выплат и сроки погашения предварительно установленных обязательств. Несомненно, что это

требует соответствующего технического обеспечения, определенного уровня технической подготовки участников отношений, возникающих относительно ЦФА, участия в данных правоотношениях специальных посреднических организаций, именуемых законодателем как «оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов» и «оператор обмена цифровых финансовых активов».

Учитывая, что изменение способа фиксации имущественных прав (требований) не влечет изменения их правовой природы, нет оснований говорить о феномене «телефонных прав» при распространении телефонных аппаратов, «факсимильных прав» при применении факсимильной связи, «телеграфных прав» при использовании телеграфного аппарата для передачи информации и пр. Полагаем, что категории «электронные права», «цифровые права» следует относить не к правовым категориям, а к аллегорическим приемам, позволяющим хоть как-то отразить специфичность возникающих отношений, их компьютеризацию и «интернетизацию». По результатам комплексного и системного исследования содержания ст. 141.1 ГК РФ обусловлен вывод о том, что вместо термина «цифровое право» более уместно применять термин «оцифрованное право» или «имущественные права, зафиксированные в цифровой форме», что позволит более корректно отразить сущность возникающих при этом правоотношений.

Онтологически электронно-цифровая форма объективации отношений, возникающих относительно использования конструкции ЦФА, – это не элемент какого-либо блага, составляющего сущность объектов гражданских прав, а элемент конструкции «делка», относимый к ее форме. Осуществление записей о зачислении (принадлежности) ЦФА тому или иному субъекту (обладателю ЦФА, номинальному держателю ЦФА) посредством внесения отметок в соответствующую информационную систему, в которой осуществляется выпуск юридически значимой информации, доступной для ее восприятия субъектами соответствующих правоотношений, – это один из новых способов выражения воли участников гражданских правоотношений. Развивая данную логическую цепочку, мы полагаем,

что и ценные бумаги, по большому счету, следует полагать не какими-либо специфическими объектами гражданских прав (к коим следует относить помимо нематериальных неотчуждаемых благ, неразрывно связанных с личностью, еще и вещи, и имущественные права, обладающие товарно-стоимостным характером), а специфическими способами фиксации отраженных в них имущественных прав. Обозначенный подход, в свою очередь, обуславливает необходимость корректировки норм гл. 7 ГК РФ, посвященных ценным бумагам, и размещению откорректированных положений в гл. 9 ГК РФ, регламентирующей общественные отношения, возникающие относительно конструкции сделок, как наиболее распространенных в гражданском праве юридических фактов [12, с. 5].

Выводы

Таким образом, проведенное исследование нормативных правовых актов, доктринальных цивилистических источников, правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что, определяя правовую природу конструкции цифровых финансовых активов, внимание законодателя и правоприменителя следует акцентировать не на перечне имущественных требований, составляющих наполнение этой конструкции, а на специфике формы фиксации таких требований. Эта специфика проявляется в том, что в рамках конструкции ЦФА в качестве способа фиксации определенных имущественных прав обладателей ЦФА применяется инновационная технология распределенного реестра при функционировании информационных систем, позволяющих обеспечивать интернет-взаимодействие контрагентов. С точки зрения здравого смысла и онтологии возникающих отношений уместно полагать, что сущностным наполнением категории «цифровые финансовые активы» является совокупность определенных в законодательстве Российской Федерации имущественных прав, в то время как сама конструкция «цифровые финансовые активы» есть ни что иное как новый оригинальный способ (инновационная технология) фиксации таких прав в информационных системах. Данный способ следует относить к разновидности письменной формы сделки.

Что же касается употребления российским законодателем терминов «цифровые права» и «цифровые финансовые активы» применительно к имущественным правам, то такой прием юридической техники следует рассматривать с позиции юридической фикции, опосредующей оборот обязательств, требований, прав участия в электронно-виртуальной среде компьютерных сетей операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск, обращение и обмен ЦФА, в свою очередь, интегрированных в глобальный Интернет.

На основании вышеизложенного предлагается ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» изложить в следующей редакции: «2. Удостоверенные путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы, обязательственные денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, права участия в капитале непубличного акционерного общества, учет, обращение и прекращение которых возможны только в той информационной системе, в которой осуществлен их выпуск, признаются цифровыми финансовыми активами.

Решение о выпуске прав, удостоверенных способом цифровых финансовых активов, должно соответствовать настоящему Федеральному закону».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-28-00475, <https://rscf.ru/project/23-28-00475/>.

The study was carried out at the expense of Grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00475, <https://rscf.ru/project/23-28-00475/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров, А. И. Цифровые токены в инструментарии современной внешнеторговой деятельности хозяйствующих субъектов юрисдикций

БРИКС / А. И. Гончаров, М. В. Гончарова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 31–42. – (На англ.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.5>

2. Иншакова, А. О. Повсеместные вычисления и Интернет вещей: концепция цифровой модернизации и правовое регулирование (Рец. на кн.: *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT* / ed. by E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – (Studies in Computational Intelligence ; vol. 826)) / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 154–165. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.22>

3. Лаптев, В. А. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / В. А. Лаптев ; отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. – М. : Проспект, 2021. – 488 с.

4. Матыцин, Д. Е. Интернет-пространство и искусственный интеллект: проблемы предпринимательской деятельности и правоприменения / Д. Е. Матыцин // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 178–185. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.26>

5. Объекты гражданских прав : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета, магистратуры / авт. коллектив: И. В. Балтутите, А. И. Гончаров, Д. Н. Давтян-Давыдова [и др.] ; под ред. проф. А. О. Иншаковой, проф. А. И. Гончарова. – М. : Изд-во ВолГУ, 2018. – 567 с.

6. О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 // *Российская газета*. – 2017. – 29 дек. (№ 297).

7. О цифровых финансовых активах : проект Федерального закона № 419059-7 (текст к первому чтению). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sozd.duma.gov.ru/download/16A3CC43-AF85-49EC-9821-2D0C8F1E7E8A>. – Загл. с экрана.

8. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : (утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам протоколом от 24 декабря 2018 г. № 16). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/. – Загл. с экрана.

9. По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона о внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций» в связи с жалобой ОАО «Энергомашбанк» : постановление Конституционного Суда Российской Фе-

дерации от 28 октября 1999 г. № 14-П // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1999. – № 45. – Ст. 5478.

10. Раздорожный, К. Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Раздорожный Константин Борисович. – М., 2021. – 221 с.

11. Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://cbr.ru/vfs/registers/infr/list_OIS.xlsx. – Загл. с экрана.

12. Рыженков, А. Я. Юридические факты в гражданском праве : монография / А. Я. Рыженков. – М. : Юрлитинформ, 2022. – 192 с.

13. Садков, В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Садков Виталий Андреевич. – Волгоград, 2022. – 211 с.

14. Тарасов, И. В. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития / И. В. Тарасов // *Стратегии бизнеса*. – 2018. – № 6 (50). – С. 57–63.

15. Цинделиани, И. А. Правовая природа цифровых финансовых активов: частнопредметный аспект / И. А. Цинделиани // *Юрист*. – 2019. – № 3. – С. 34–41.

16. Tapscott, D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence* / D. Tapscott. – New York : McGraw-Hill, 1996. – Vol. 1. – P. 114–126.

REFERENCES

1. Goncharov A.I., Goncharova M.V. Tsifrovyye tokeny v instrumentarii sovremennoy vneshnetorgovoy deyatel'nosti khozyaystvuyushchikh subyektov yurisdiksiy BRIKS [Digital Tokens in the Tools of Modern Foreign Trade Activities by Economic Entities of the BRICS Jurisdictions]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 31–42. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.5>

2. Inshakova A.O. Povsemestnyye vychisleniya i Internet veshchey: kontseptsiya tsifrovoy modernizatsii i pravovoye regulirovaniye (Rets. na kn.: *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT* / ed. by E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – (Studies in Computational Intelligence ; vol. 826)) [*Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Socio-Economic Transformation and Regulation (Book Review: Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT* / ed. by E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – (Studies in Computational Intelligence ; vol. 826)]. *Pravovaya*

paradigma [Legal Concept], 2019, vol. 18, no. 3, pp. 154-166. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.22>

3. Laptev V.A.; Laptev V.A., Tarasenko O.A., eds. *Cifrovaja jekonomika: konceptual'nye osnovy pravovogo regulirovanija biznesa v Rossii* [Digital Economy: Conceptual Foundations of Legal Regulation of Business in Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 488 p.

4. Matytsin D.E. Internet-prostranstvo i iskusstvennyy intellekt: problemy predprinimatelskoj deyatel'nosti i pravoprimereniya [Internet Space and Artificial Intelligence: Problems of Entrepreneurship and Law Enforcement]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2022, vol. 21, no. 1, pp. 178-185. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.26>

5. Baltutite I.V., Goncharov A.I., Davtjan-Davydova D.N. et al.; Inshakova A.O., Goncharov A.I., eds. *Obyekty grazhdanskikh prav: ucheb. posobiye dlya bakalavriata, spetsialiteta, magistratury* [Objects of Civil Rights]. Moscow, Izd-vo VolGU, 2018. 567 p.

6. O nekotoryh voprosah primeneniya polozhenij glavy 24 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o peremene lic v objazatel'stve na osnovanii sdelki: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21 dekabrja 2017 g. № 54 [On Some Issues of Application of the Provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2017, 29 Dec. (no. 297).

7. *O cifrovyyh finansovyh aktivah: proekt Federal'nogo zakona № 419059-7 (tekst k pervomu chteniju)* [Of the Russian Federation on the Change of Persons in the Obligation on the Basis of the Transaction: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21 2017 No. 54]. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/16A3CC43-AF85-49EC-9821-2D0C8F1E7E8A>

8. *Pasport nacional'noj programmy «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii»: (utv. Prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiju i nacional'nym proektam protokolom ot 24 dekabrja 2018 g. № 16)* [Passport of the National Program "Digital Economy of the Russian Federation": (Approved By the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects by the Protocol of December 24, 2018 № 16)]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/

9. Po delu o proverke konstitucionnosti stat'i 2 Federal'nogo zakona o vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon Rossijskoj Federacii «O naloge na pribyl' predpriyatij i organizacij» v svjazi s zhaloboj OAO "Jenergomashbank": postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 oktyabrya 1999 g. № 14-P [In the Case of Checking the Constitutionality of Article 2 of the Federal Law on Amendments and Additions to the Law of the Russian Federation "On Profit Tax of Enterprises and Organizations" in Connection with the Complaint of JSC Energomashbank": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 28, 1999 No. 14-P]. *Sobranije zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 45, art. 5478.

10. Razdorozhnyj K.B. *Finansovo-pravovoe regulirovanie cifrovyyh finansovyh aktivov v Rossijskoj Federacii i v zarubezhnyh stranah: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.04* [Financial and Legal Regulation of Digital Financial Assets in the Russian Federation and in Foreign Countries. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2021. 221 p.

11. *Reestr operatorov informacionnyh sistem, v kotoryh osushhestvljaetsja vypusk cifrovyyh finansovyh aktivov* [Register of Operators of Information Systems of Topics in which the Issue of Digital Financial Assets is Carried Out]. URL: https://cbr.ru/vfs/registers/infr/list_OIS.xlsx

12. Ryzhenkov A.Ja. *Juridicheskie fakty v grazhdanskom prave: monografija* [Legal Facts in Civil Law: Monograph]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2022. 192 p.

13. Sadkov V.A. *Cifrovyye finansovye aktivy kak obyekty grazhdanskikh prav i ih oborot: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03* [Digital Financial Assets as Objects of Civil Rights and Their Turnover. Cand. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2022. 211 p.

14. Tarasov I.V. *Industrija 4.0: ponjatie, koncepcii, tendencii razvitija* [Industry 4.0: Concept, Concepts, Development Trends]. *Strategii biznesa* [Business Strategies], 2018, no. 6 (50), pp. 57-63.

15. Cindeliiani I.A. *Pravovaja priroda cifrovyyh finansovyh aktivov: chastnopravovoj aspect* [Legal Nature of Digital Financial Assets: Private Law Aspect]. *Jurist* [Lawyer], 2019, no. 3, pp. 34-41.

16. Tapscott D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York, McGraw-Hill, 1996, vol. 1, pp. 114-126.

Information About the Authors

Alexander I. Goncharov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Candidate of Sciences (Economics), Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Senior Researcher, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, goncharov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

Vitaliy A. Sadkov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Junior Researcher, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, wrendek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5171-7023>

Информация об авторах

Александр Иванович Гончаров, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), старший научный сотрудник, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, goncharov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

Виталий Андреевич Садков, кандидат юридических наук, младший научный сотрудник кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, wrendek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5171-7023>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.12>

UDC 346.7
LBC 67.021

Submitted: 08.01.2023
Accepted: 15.02.2023

DISTRIBUTED REGISTRIES IN INTERNET COMMERCE AS KEY TECHNOLOGIES OF INDUSTRY 4.0 AND THE SUBJECT OF THE LEGAL REGULATION¹

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction. The scientific paper traces the modern development of Internet space, which is characterized by the fact that in most spheres of public relations this space becomes indispensable. The technology of data processing and storage based on decentralized distributed registries (blockchain) is highly effective in commercial application. Unfortunately, in the Russian Federation, the technology of decentralized distributed registries is not given enough attention. The **purpose** of the study is to search for legal solutions for sustainable business development, ensuring its competitiveness, where there is a need for the mandatory use of digital technologies in the activities of legal entities. The authors set a goal to consider the problems of the legal framework governing this technology, as well as the relations that arise from remote purchase and sale transactions carried out by legal entities and individuals on the Internet. **Methods.** The methodological framework for the study is a set of methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of historicism, systematicity, analysis, and comparative law. **Results.** Based on the accumulated law enforcement experience and civil doctrine, the authors have proposed recommendations for resolving the most common conflict of laws issues arising from the use of blockchain technology and their regulation at the national and international level. The standards of electronic payments in online commerce at the international level are considered. **Conclusions.** As a result of the study, the role of digitally fixing the main stages of transactions with many commodities traditionally sold on exchanges, on the blockchain platform is revealed, which ultimately contributes to increasing transparency and security of operations. In this regard, blockchain solutions are of undoubted interest to participants in transactions with classic exchange-traded goods. The authors conclude that blockchain technologies reduce transaction execution costs and risks, contribute to the emergence of new business models and increase the efficiency of transactions.

Key words: digital technologies, Internet commerce, legal regulation, Revolution 4.0, distributed registry, blockchain.

Citation. Inshakova A.O. Distributed Registries in Internet Commerce as Key Technologies of Industry 4.0 and the Subject of the Legal Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 91-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.12>

УДК 346.7
ББК 67.021

Дата поступления статьи: 08.01.2023
Дата принятия статьи: 15.02.2023

РАСПРЕДЕЛЕННЫЕ РЕЕСТРЫ В ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛЕ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ИНДУСТРИИ 4.0 И ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в научной статье прослеживается современное развитие интернет-пространства, которое характеризуется тем, что в большинстве сфер общественных отношений данное пространство становится незаменимым. Высоко эффективна в коммерческом применении технология обработки и хранения данных на основе децентрализованных распределенных реестров (блокчейн). К сожалению, в Российской Федерации технологии децентрализованных распределенных реестров не уделяется достаточного внимания. **Целью**

исследования является поиск решений правового характера для устойчивого развития бизнеса, обеспечения его конкурентоспособности, где присутствует необходимость обязательного использования цифровых технологий в деятельности организаций. Автором поставлена **цель** – рассмотрение проблем правовой базы, регулирующей указанную технологию, а также отношения, которые возникают в рамках совершения дистанционных сделок купли-продажи, осуществляемых юридическими и физическими лицами в Интернете. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы историзма, системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** опираясь на накопленный правоприменительный опыт и цивилистическую доктрину, автором предложены рекомендации для разрешения наиболее распространенных коллизионных вопросов, возникающих при использовании технологии блокчейн и их регулирования на национальном и международном уровнях. Рассмотрены стандарты электронных платежей в интернет-торговле на международном уровне. **Выводы:** в результате исследования выявлена роль фиксации в цифровом виде основных этапов сделок со многими сырьевыми товарами, традиционно продаваемыми на биржах, на блокчейн-платформе, что в конечном итоге способствует повышению прозрачности и безопасности операций. В связи с этим блокчейн-решения представляют несомненный интерес для участников операций с классическими биржевыми товарами. Автором сделан вывод, что технологии блокчейна сокращают расходы по исполнению сделки, снижают риски, способствуют возникновению новых бизнес-моделей и повышают эффективность сделок.

Ключевые слова: цифровые технологии, интернет-торговля, правовое регулирование, революция 4.0, распределенный реестр, блокчейн.

Цитирование. Иншакова А. О. Распределенные реестры в интернет-торговле как ключевые технологии Индустрии 4.0 и объект правового регулирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 91–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.12>

Введение

При обращении к официальным документам можно отметить то, что технология распределенных реестров определяется как реестр блоков данных, каждый из которых является добавлением друг к другу [4], как цепочка блоков, содержащих информацию и криптографические ссылки [17].

Коллеги профессор С.А. Карелина и профессор И.В. Фролов приводят аналогичное определение, указывая на то, что блокчейн – это реестр, который состоит из базы данных и блоков, которые хранят информацию о транзакциях. Реестр как и в предыдущем определении является распределенным, а база данных – децентрализованной. А.И. Савельев приводит аналогичное определение, но добавляет уточнение о том, что в основе реализации технологии лежит криптографический алгоритм [7].

Следовательно, можно сформулировать, что блокчейн – это распределенный реестр, выраженный блоками, собранными в последовательную цепочку, содержащий определенную информацию и работающий на основании криптографического алгоритма, интегрирующий децентрализованную базу данных.

Для исследования базы правового регулирования рассматриваемой технологии необходимо провести определенные разграничения. В сферу регулирования попадает не только сама технология, но и отношения, возникающие в результате ее использования. При регулировании непосредственно самой технологии происходит закрепление терминологии, онтологии, управления и т. д. При регулировании отношений – регулируются сферы использования данной технологии, например, сделки купли-продажи в Интернете. Кроме того, к таким направлениям регулирования могут быть отнесены цифровые активы; токенизация; международные платежи; управление идентификационной информацией; электронное голосование; безопасный обмен данными, ведение реестров и т. д.

Основное содержание

Правовое регулирование в отношении самой технологии блокчейн и отношений, связанных с ее применением в нашей юрисдикции отсутствует. Но все же некоторые документы по развитию сферы применения блокчейна в России приняты. В первую очередь отметим программу «Цифровая экономика

Российской Федерации». Согласно указанной программе одной из задач Правительства РФ является разработка и внедрение рассматриваемой технологии в различные области общественных отношений.

При отнесении рассматриваемой технологии к объектам гражданских прав можно применить гражданское законодательство РФ, в первую очередь положения ст. 128 ГК РФ [14]. Можно выделить письмо Федеральной налоговой службы от 03.10.2016 № ОА-18-17/1027, в котором было дано разъяснение об обороте рассматриваемой технологии и направлениях контроля за данным оборотом [6]. Касаясь широко известных фидуциарных расчетных инструментов, которые в обиходе многие называют «криптовалюта», следует указать, что оборот неофициальных «денежных» средств и их суррогатов на территории нашего государства запрещен положениями Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» [13]. Поскольку законодателем не урегулирован вопрос о том, что относится к денежным суррогатам, что понимается под «криптовалютой», это приводит к возникновению противоречий на практике. То есть как таковой прямой запрет на использование рассматриваемой технологии в российском законодательстве отсутствует, но при этом отсутствуют и правовые нормы, регулирующие данный оборот [19].

Интересно мнение ФНС РФ, в котором данная служба указывает на то, что операции по рассматриваемой технологии необходимо считать валютными операциями [12]. При этом указания о контроле по использованию технологии децентрализованных распределенных реестров со стороны ФНС РФ, ФТС РФ, Банка РФ и других агентов валютного контроля в законодательстве России отсутствуют. Вместе с тем предусмотрено полномочие ФНС РФ по инициации запроса по проведенным операциям с использованием блокчейн-технологии в рамках соглашения Росфинмониторинга и ФНС России о сотрудничестве и организации информационного взаимодействия [10].

Результаты

В целом следует иметь в виду практически отсутствие правового регулирования правоотношений с использованием технологии блокчейн [16].

Рассмотрим далее регулирование непосредственно самой технологии блокчейн. На международном уровне принято несколько стандартов (рис. 1).

С учетом этого первым стандартом, разработанным Международной организацией по стандартизации, стал стандарт ISO 22739:2020 «Технологии блокчейн и распределенного реестра. Словарь». Из этого словаря следует, что

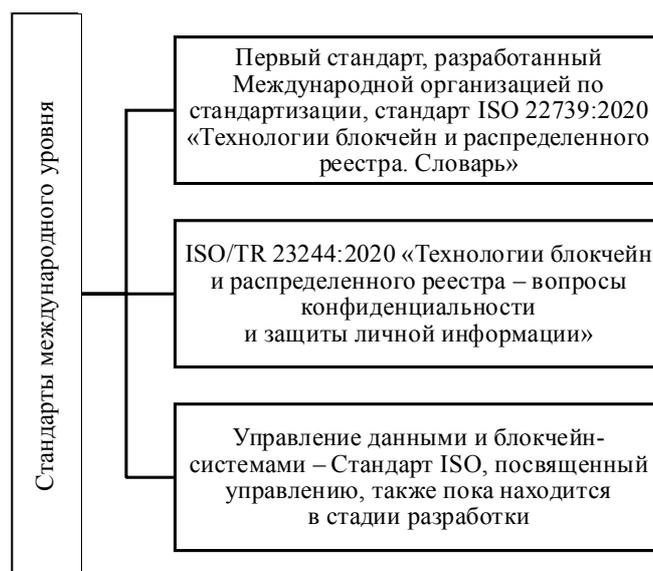

Рис. 1. Стандарты международного уровня

Примечание. Составлено автором.

блокчейн – это распределенный реестр, выраженный блоками, собранными в последовательную цепочку и содержащими определенную информацию, и работающий на основании криптографического алгоритма, включающий децентрализованную базу данных [18].

Правовое регулирование технологии блокчейн в зарубежных странах более развито, чем в нашей стране. Многие страны признали на официальном уровне данную технологию и внедрили ее в финансовый сектор. Но есть и такие государства, которые отрицательно относятся к рассматриваемой технологии. Можно провести дифференциацию стран по критерию отношения к блокчейну (рис. 2). При этом необходимо отметить, что за последние несколько лет ряд стран перешли из одной группы в другую. Например, Китай изначально был одним из ярых противников рассматриваемой технологии, любые операции и использование любых направлений блокчейна в стране было запрещено на законо-

дательном уровне. Но в 2016 г. Китай полностью поменял свою позицию и начал политику по стимулированию развития технологии блокчейн, в том числе данная технология нашла закрепление в тринадцатой пятилетке страны (с 2018 по 2022 г.) [15].

Вторая группа – те государства, которые не запрещают применение данной технологии, но и никак не пытаются решить вопрос по правовому регулированию, а также работающие в направлении законодательного закрепления блокчейна. При этом можно отметить, что имеющаяся правовая база в указанных государствах частично может быть направлена на регулирование рассматриваемой технологии, но прямое правовое регулирование все же отсутствует. Примером в этом контексте является законодательство Европейского союза. В аспекте реагирования на развитие технологии блокчейн в мире некоторые изменения в законодательство ЕС вносятся, но активная работа все же отсутствует.

Рис. 2. Группы государств по критерию отношения к блокчейну

Примечание. Составлено автором.

В частности, в 2017 г. были внесены поправки в Директиву ЕС по борьбе с отмыванием денег, которые нацелены на снижение риска использования операций на блокчейне с виртуальными валютами для отмывания средств, добытых преступным путем. Также в ЕС существует Регламент № 910/2014, некоторые положения которого распространяются на отношения, вытекающие из использования технологии блокчейн.

Швейцария (не член ЕС) является страной, которая относится к третьей группе. Указанное государство разработало законодательную базу для регулирования применения рассматриваемой технологии. Виртуальная валюта в данной юрисдикции легализована. Еще к третьей группе государств можно отнести государства, внедрившие правовое регулирование блокчейна на своей территории и легализовавшие в той или иной степени проведение транзакций на блокчейне для оборота виртуальных валют [9]. В частности, в 2017 г. Швейцарским федеральным советом была создана «нормативная песочница», целью деятельности которой стало создание благоприятной среды для стартапов в области финансовых технологий. В 2019 г. Правительством Швейцарии был одобрен законопроект по адаптации правовых норм к регулированию отрасли виртуальных валют и блокчейна [5].

В третью группу также входит Франция. За последние 5 лет во Франции приняты два закона, которые установили специальный правовой режим применения рассматриваемой технологии, закреплено понятие указанной технологии, применение ее для оборота ценных бумаг, а также признание блокчейна технологией, регулирующей деятельность в области оборота долговых обязательств [1].

Италия в настоящее время может быть отнесена к третьей группе, но еще в 2019 г. указанная страна была условно во второй группе, затем по инициативе итальянского правительства был принят закон о блокчейне и смарт-контрактах, тем самым технология блокчейн была легализована.

Япония может быть отнесена к одной из самых активных юрисдикций, где применяется технология блокчейн на государственном уровне. В Японии имеется специальный орган по регулированию данной технологии – Комис-

сия по цифровым активам (действует с 2014 г.), а также полностью легализованы и такие направления блокчейна, как виртуальные валюты «Bitcoin», «Ethereum» и др. Конгресс США активно разрабатывает нормативную базу для развития указанной технологии в финансовом секторе страны [11].

В целом отношение к технологии блокчейн в некоторых зарубежных странах позволяет сделать вывод о том, что на принятие или непринятие рассматриваемой технологии непосредственно влияет уровень развития финансового сектора данной страны. В наиболее развитых странах с высоким ВВП идет активное внедрение и развитие правовой базы, регулирующей рассматриваемую технологию.

Развитие электронной коммерции в России и мире в последнее десятилетие приобрело масштабный характер. За десятилетие, начиная с 2011 по 2021 г., рынок интернет-торговли в России показал практически десятикратный рост в рублевом выражении. Этому во многом способствует развитие и внедрение передовых цифровых технологий во все сферы бизнеса и администрирования. Возможности технологии блокчейн весьма многогранны, и, несомненно, будут придуманы еще множество интересных, полезных и выгодных вариантов применения этой технологии. Особенность исследуемой технологии состоит еще и в том, что любые инициативы могут быть начаты небольшой группой людей или даже одним участником для своих клиентов, а потом будут легко распространены на весь рынок.

Рассмотрим варианты использования блокчейна (см. рис. 3).

Отдельно обратим внимание на использование блокчейна для электронных платежей в интернет-торговле. Для проведения платежа при покупке через Интернет необходима какая-либо платежная система (банк). Такая система имеет определенные недостатки: комиссия за проведение операций; не всегда всех устраивающие жесткие правила и процедуры обращения; технические сбои в работе; хищения средств мошенниками. Технология блокчейн свободна от указанных недостатков, а все перечисленные на рисунке 4 недостатки отсутствуют. С помощью данной технологии можно проводить условные платежи [8].

Рис. 3. Варианты использования блокчейна

Примечание. Составлено автором.

В последние годы наиболее отчетливо выделяются следующие основные тенденции развития электронной коммерции в России:

- технологическое совершенствование механизмов коммуникации и доставки, например, покупки с помощью мобильных приложений и голосовые покупки;
- развитие направления выдачи заказов через постаматы, например, такими участниками рынка, как Ozon, Goods, «Сберлогистика», «Дикси» и др.;
- тренд на быструю доставку продуктов и готовой еды. Так, «Яндекс. Лавка» обещает доставку основных продуктов и горячей еды в среднем по Москве за 13 минут;
- запуск узконаправленными ритейлерами собственных маркетплейсов, в том числе компаниями «Детский мир» и «Обувь России»;
- развитие многофункциональных диверсифицированных высокотехнологичных мегасистем, оказывающих широкий спектр услуг на рынке электронной коммерции. В качестве примера можно привести экосистему Сбербанка;

- выход новых игроков – крупных российских сетей на рынок электронной коммерции. Свои интернет-площадки планируют создать «Дикси» и «Магнит»;
- популяризация B2B-площадок;
- ориентация на развитие онлайн-систем биржевой и внебиржевой торговли;
- ускорение развития различных форм электронной коммерции в новых условиях функционирования бизнеса, таких как услуги дистанционного образования, доставка онлайн-заказов еды и продуктов [3].

С учетом современных реалий, закрытия части офлайн-торговли на время пандемии и рисков повторения подобных инцидентов в будущем, рост данных сегментов электронной коммерции может значительно ускориться. Одной из главных особенностей развития электронной коммерции является создание многофункциональных высокотехнологичных мегасистем, оказывающих широкий спектр услуг на рынке электронной коммерции за счет диверсификации своей деятельности. Примером такой структуры в России

может служить экосистема Сбербанка, предоставляющая различным категориям потребителей широкую гамму удобных сервисов для повседневной жизни и бизнеса не только в сегменте традиционных финансовых услуг, но и в других различных сферах, таких как:

- логистика, представленная сервисом «Сберлогистика»;
- шоппинг (онлайн-маркетплейс «Беру» и онлайн-шоппинг «Яндекс-маркет»);
- досуг (сервис доставки продуктов «Сбермаркет»; сервис доставки еды DeliveryClub и другие сервисы);
- здоровье;
- бизнес (сервис «СБЕР Маркетинг», автоматизированная система торгов «СБЕР-БАНК АСТ» и др.) [2].

Развитие цифровых технологий внесло существенные изменения и в сферу биржевой торговли, способствовало созданию современных элементов интернет-торговли на биржах: информационно-торговых систем или цифровых платформ. Интернет и системы электронных платежей и онлайн-банкинга упрощают взаимодействие персонала бирж с клиентами, увеличивают доступность, расширяют спектр биржевых услуг для более широкого круга участников. Расширение возможностей интернет-трейдинга способствует возникновению электронных площадок – инвестиционных платформ, финансовых платформ на классических биржах.

Технология распределенного реестра позволяет фиксировать в цифровом виде основные этапы сделок со многими сырьевыми товарами, традиционно продаваемыми на биржах, на блокчейн-платформе, что в конечном итоге способствует повышению прозрачности и безопасности операций. В связи с этим блокчейн-решения представляют несомненный интерес для участников операций с классическими биржевыми товарами. По нашим оценкам, в период 2021–2024 гг. среднегодовые темпы роста рынка электронной коммерции в России составят не менее 5 %.

Для применения блокчейна в интернет-торговле технология должна соответствовать определенным критериям (см. рис. 4).

При использовании распределенного реестра для отслеживания движения товаров в транспортных системах в сочетании с исполь-

зованием датчиков IoT, системы блокчейна могут обеспечить относительно простой в реализации конвейер данных, который позволяет всем уполномоченным заинтересованным сторонам в реальном масштабе времени получать доступ к одной и той же точной информации. Это, в свою очередь, способствует более быстрому и качественному принятию решений заинтересованными сторонами по всей цепочке поставок.

Как и в других системах, доступ к информации можно контролировать с помощью профилей пользователей, в которых указаны права доступа для каждого участника, чтобы гарантировать, что информация о конкурентах не будет передана компаниям, не имеющим на это прав.

Заключение

Таким образом, технология блокчейн позволяет субъектам торговых сделок использовать децентрализованный распределенный реестр, к которому все участники могут получить доступ и проверить содержащуюся в реестре информацию в любое время, но который не может контролировать ни одна сторона, а также не имеет возможность изменить зафиксированные и хранящиеся в этом реестре данные. Практически в интернет-торговле весьма активно используются смарт-контракты. В таком умном контракте может быть указано, что в момент пересечения товаром определенной линии, контролируемой специальным оборудованием, таможенные органы разрешат дальнейшее движение товара, деньги автоматически переводятся из банка получателя в банк отправителя – без задержек и периода ожидания. Смарт-контракты реализуются в блокчейне, при этом участники сделки видят и подписывают только ту часть, которая имеет к ним отношение.

Такие возможности позволяют переосмыслить всю систему ведения бизнеса, поскольку выполнение многих договорных обязательств происходит посредством программного кода. Благодаря существованию единственного достоверного варианта в реестре, расходы на проверку потенциальных партнеров резко сокращаются, многие споры перестанут возникать, а круг участников торговых

Рис. 4. Критерии применения блокчейна

Примечание. Составлено автором.

сделок существенно расширится. При использовании блокчейна необходимость ручного следования правилу «доверяй, но проверяй» и все связанные с этим затраты, скорее всего, уйдут в прошлое. Применение технологии блокчейна сокращает расходы по исполнению сделки, снижает риски, способствует возникновению новых бизнес-моделей и повышает эффективность сделок. При этом технология дает возможность значительно расширить доступ на мировой рынок для новых участников.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено во исполнение гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00314 «Трансформация общественных отношений в условиях Индустрии 4.0: юридическая преемственность»).

The study was carried out in accordance with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00314 “Transformation of public relations in the context of Industry 4.0: legal prevention”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багоян, Е. Г. Информационная безопасность и применение технологии блокчейн: зарубежный опыт и необходимость правового регулирования в Российской Федерации / Е. Г. Багоян // Юрист. – 2019. – № 3. – С. 42–49.
- Беляев, Э. И. Инновации и тенденции развития электронной коммерции / Э. И. Беляев, Е. В. Чайкина // Хроноэкономика. – 2019. – № 2. – С. 45–48.
- Гарашук О. А. Правовые основы регулирования блокчейна и обращения криптовалюты в России // ИТ-портал. – 2018. – № 1 (17). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://itportal.ru/science/economy/pravovye-osnovy-regulirovaniya-blok/>. – Загл. с экрана.

4. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019srr.pdf>. – Загл. с экрана.

5. Михеева, И. Е. Обзор правового регулирования технологии блокчейн / И. Е. Михеева // *Право и экономика*. – 2020. – № 5. – С. 5–10.

6. Письмо ФНС России от 03.10.2016 № ОА-18-17/1027 «О контроле за обращением криптовалют (виртуальных валют)». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / А. В. Белицкая, В. С. Бельх, О. А. Беляева [и др.]; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2019. – 370 с.

8. Савельев, А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений / А. И. Савельев // *Закон*. – 2018. – № 2. – С. 36–51.

9. Серeda, А. В. К вопросу о правовом регулировании блокчейн-технологий: анализ зарубежного опыта / А. В. Серeda // *Проблемы экономики и юридической практики*. – 2019. – № 5. – С. 140–143.

10. Соглашение Росфинмониторинга № 01-01-14/22440, ФНС России № ММВ-23-2/77@ от 15.10.2015 (ред. от 29.09.2020) «О сотрудничестве и организации информационного взаимодействия Федеральной службы по финансовому мониторингу и Федеральной налоговой службы». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Сунгатов, И. Р. Правовое регулирование технологии блокчейн / И. Р. Сунгатов // *Новый юридический вестник*. – 2020. – № 9. – С. 24–26.

12. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.02.2021). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // *Российская газета*. – 1994. – 8 дек. (№ 238-239).

15. Шахназаров, Г. О. Правовое регулирование применения технологии блокчейн в зарубежных странах / Г. О. Шахназаров // *Colloquium-journal*. – 2019. – № 13 (37). – С. 143–147.

16. Inshakova, A. O. Digital Blockchain Registration of Legally Significant Stages of Complex Good's Export-Import Supplies by Business Entities of the EAEU and BRICS Jurisdictions / A. O. Inshakova, A. I. Goncharov, I. V. Ershova // *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age* / eds. A. Inshakova, E. Inshakova. – CRFMELD 2019. – Lecture Notes in Networks and Systems. – 2020. – Vol. 110. – P. 328–336. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_37

17. ISO 22739:2020 «Технологии блокчейн и распределенного реестра. Словарь». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Kalinina, A. E. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / A. E. Kalinina, A. O. Inshakova, A. I. Goncharov // *Studies in Computational Intelligence* / ed. E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – Vol. 826. – P. 205–213.

19. Matytsin, D. E. Internet-Investing as a Remote Algorithm of the Retail Investment Financing / D. E. Matytsin // *Modern Global Economic System: Evolutional Development Vs. Revolutionary Leap*. – Springer book series «Lecture Notes in Networks and Systems». – Cham : Springer Nature, 2021. – P. 1850–1857.

REFERENCES

1. Bagoyan E.G. Informacionnaya bezopasnost' i primeneniye tekhnologii blokchejn: zarubezhnyy opyt i neobhodimost' pravovogo regulirovaniya v Rossijskoj Federacii [Information Security and the Use of Blockchain Technology: Foreign Experience and the Need for Legal Regulation in the Russian Federation]. *Yurist* [Lawyer], 2019, no. 3, pp. 42–49.

2. Belyaev E.I., Chajkina E.V. Innovacii i tendencii razvitiya elektronnoj kommercii [Innovations and Trends in the Development of E-Commerce]. *Hronoekonomika* [Chronoeconomics], 2019, no. 2, pp. 45–48.

3. Garashchuk O.A. Pravovye osnovy regulirovaniya blokchejna i obrashcheniya kriptovalyuty v Rossii [Legal Foundations of Blockchain Regulation and Cryptocurrency Circulation in Russia]. *IT-portal*, 2018, no. 1 (17). URL: <http://itportal.ru/science/economy/pravovye-osnovy-regulirovaniya-blok/>

4. *Dorozhnaya karta razvitiya «skvoznoj» cifrovoj tekhnologii «Sistemy raspredelennogo reestra»* [Roadmap for the Development of “End-to-End” Digital Technology “Distributed Registry System”]. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019srr.pdf>

5. Miheeva I.E. Obzor pravovogo regulirovaniya tekhnologii blokchejn [Review of Legal Regulation of Blockchain Technology]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2020, no. 5, pp. 5–10.

6. Pis'mo FNS Rossii ot 03.10.2016 № OA-18-17/1027 «O kontrole za obrashcheniem kriptovalyut (virtual'nyh valyut)» [Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 03.10.2016 No. OA-18-17/1027 “On Control Over the Circulation of Cryptocurrencies (Virtual Currencies)”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

7. Belickaya A.V., Belyh V.S., Belyaeva O.A. et al.; Vajpan V.A., Egorova M.A., eds. *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenij v sovremennykh usloviyakh razvitiya cifrovoj ekonomiki: monografiya* [Legal Regulation of Economic Relations in Modern Conditions of Digital Economy Development: Monograph]. Moscow, Yusticinform Publ., 2019. 370 p.

8. Savel'ev A.I. Nekotorye riski tokenizatsii i blokchejnizatsii grazhdansko-pravovykh otnoshenij [Some Risks of Tokenization and Blockchainization of Civil Law Relations]. *Zakon* [Law], 2018, no. 2, pp. 36-51.

9. Sereda A.V. K voprosu o pravovom regulirovanii blokchejn-tekhnologij: analiz zarubezhnogo opyta [On the Issue of Legal Regulation of Blockchain Technologies: Analysis of Foreign Experience]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 2019, no. 5, pp. 140-143.

10. Soglasenie Rosfinmonitoringa № 01-01-14/22440, FNS Rossii № MMV-23-2/77@ ot 15.10.2015 (red. ot 29.09.2020) «O sotrudnichestve i organizatsii informatsionnogo vzaimodejstviya Federal'noj sluzhby po finansovomu monitoringu i Federal'noj nalogovoj sluzhby» [Rosfinmonitoring Agreement No. 01-01-14/22440, Federal Tax Service of Russia No. MMV-23-2/77@ dated 15.10.2015 (ed. dated 29.09.2020) “On Cooperation and Organization of Information Interaction Between the Federal Financial Monitoring Service and the Federal Tax Service”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

11. Sungatov I.R. Pravovoe regulirovanie tekhnologii blokchejn [Legal Regulation of Blockchain Technology]. *Novyj yuridicheskij vestnik* [New Legal Bulletin], 2020, no. 9, pp. 24-26.

12. Federal'nyj zakon ot 10.12.2003 № 173-FZ (red. ot 24.02.2021) «O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole» (s izm. i dop., vstup. v silu s 28.02.2021) [Federal Law No. 173-FZ of 10.12.2003 (As Amended on 24.02.2021) “On Currency Regulation and Currency Control” (With Amendments and Additions, Intro.

Effective from 02/28/2021)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

13. Federal'nyj zakon ot 10.07.2002 № 86-FZ (red. ot 24.02.2021) «O Central'nom banke Rossijskoj Federatsii (Banke Rossii)» [Federal Law No. 86-FZ of 10.07.2002 (As Amended on 24.02.2021) “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

14. Chast' pervaya Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatsii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ [Part One of the Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1994, 8 Dec. (№ 238-239).

15. Shahnazarov G.O. Pravovoe regulirovanie primeneniya tekhnologii blokchejn v zarubezhnykh stranah [Legal Regulation of the Use of Blockchain Technology in Foreign Countries]. *Colloquium-journal*, 2019, no. 13 (37), pp. 143-147.

16. Inshakova A.O., Goncharov A.I., Ershova I.V. Digital Blockchain Registration of Legally Significant Stages of Complex Good's Export-Import Supplies by Business Entities of the EAEU and BRICS Jurisdictions. Inshakova A., Inshakova E., eds. *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age*. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems, 2020, vol. 110, pp. 328-336. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-45913-0_37

17. ISO 22739:2020 «Tekhnologii blokchejn i raspredelennoye reyestra. Slovar» [ISO 22739:2020 “Blockchain and Distributed Registry technologies. Dictionary”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

18. Kalinina A.E., Inshakova A.O., Goncharov A.I. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT. Popkova E.G., ed. *Studies in Computational Intelligence*. Cham, Springer Science + Business Media, 2019, vol. 826, pp. 205-213.

19. Matytsin D.E. Internet-Investing as a Remote Algorithm of the Retail Investment Financing. *Modern Global Economic System: Evolutional Development Vs. Revolutionary Leap*. Springer book series «Lecture Notes in Networks and Systems». Cham, Springer Nature, 2021, pp. 1850-1857.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ainshakova@list.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ainshakova@list.ru, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.13>

UDC 347.45/.47
LBC 67.404.3

Submitted: 15.01.2023
Accepted: 14.02.2023

TRADEMARK RIGHT: THE TRANSFER REGULATION AND GAPS IN THE CURRENT LEGISLATION

Natalya V. Kvitsiniya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Elvira O. Osadchenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction. The legislator in paragraph 1 of Art. 1490 of the Civil Code of the Russian Federation with the expression “as well as other agreements” (that is, any that are concluded in writing) has allowed all elements of the ownership of a trademark to be transferred without a license agreement. Currently, judicial practice at the level of the Supreme Court of the Russian Federation allows the transfer of the exclusive trademark right and its disposal on receipt. The Supreme Court of the Russian Federation has actually equated the conclusion of a license agreement with a receipt. The paper examines the theoretical provisions of the concept of a trademark in civil law circulation. Particular attention is paid to the existing methods of transferring a trademark. The court practice on the transfer of a trademark for use under a license agreement is analyzed, and the need for introducing legislative changes to eliminate the identified legal spaces is substantiated. The relevance of the chosen topic is due, firstly, to the dynamic development of market relations and, secondly, to the intensive digitization of procedures in many areas of legal relations. An important factor confirming the relevance of the topic is the dishonesty of others in claiming an established trademark. The identification of current trends in judicial practice and the analysis of the development of the legislation on the use of a trademark have constituted the **purpose** of this study. **Methods.** When preparing the paper, the general and special methods of scientific knowledge were used (the method of a system approach, analysis, and synthesis; the system-functional and axiomatic methods). **Results.** The study has analyzed the acts of the Supreme Court of the Russian Federation and the lower courts (Order of April 5, 2022, No. 305-ES21-23755; Decree of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of March 31, 2021, in case No. A11-2223/2017). It is substantiated that the analysis of these acts allows for the conclusion that there are negative consequences of a broad interpretation of the norms of civil law and, as a result, the gradual introduction of precedent as a source of law in Russia. **Conclusions.** The authors justified the need to amend the current legislation (Clause 1 of Article 1235 of the Civil Code of the Russian Federation and Clause 1 of Article 1490 of the Civil Code of the Russian Federation). The authors have argued that the right to use a trademark cannot be transferred by a simple receipt but only by concluding a license agreement.

Key words: trademark, judicial practice, license agreement, methods of trademark transfer, Supreme Court of the Russian Federation, judicial board for economic disputes, legal gap.

Citation. Kvitsiniya N.V., Osadchenko E.O. Trademark Right: The Transfer Regulation and Gaps in the Current Legislation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 102-108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.13>

УДК 347.45/.47
ББК 67.404.3

Дата поступления статьи: 15.01.2023
Дата принятия статьи: 14.02.2023

ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНЫМ ЗНАКОМ: РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕДАЧИ И ПРОБЕЛЫ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Наталья Вячеславовна Квициния

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Эльвира Олеговна Осадченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: законодатель в п. 1 ст. 1490 ГК РФ выражением «а также другие договоры» (то есть любые, которые заключаются в письменной форме) разрешил все элементы права собственности на товарный знак передавать без заключения лицензионного договора. В настоящее время судебная практика на уровне Верховного суда РФ допускает передачу исключительного права на товарный знак и распоряжение им по расписке. Заключение лицензионного договора Верховный суд РФ фактически приравнял к расписке. В статье исследуются теоретические положения о понятии товарного знака в гражданско-правовом обороте. Особое внимание уделяется существующим способам передачи товарного знака в пользование. Анализируется судебная практика о передаче товарного знака в пользование по лицензионному договору, обоснована необходимость внесения законодательных изменений с целью устранения выявленных правовых пробелов. Актуальность выбранной темы обусловлена, во-первых, динамичным развитием рыночных отношений, во-вторых, интенсивной оцифровкой процедур многих сфер правоотношений. Немаловажным фактором, подтверждающим актуальность темы, является недобросовестность иных лиц в притязании на устоявшийся товарный знак. Выявление современных тенденций судебной практики и анализ развития законодательства об использовании товарного знака составили **цель** настоящего исследования. **Методы:** при подготовке статьи использовались общие и специальные методы научного познания (метод системного подхода, анализа и синтеза, системно-функциональный и аксиоматический методы). **Результаты:** в исследовании проведен анализ актов Верховного суда РФ и нижестоящих судов (Определение от 05.04.2022 № 305-ЭС21-23755; Постановление АС Волго-Вятского округа от 31.03.2021 по делу № А11-2223/2017). Обосновано, что анализ данных актов позволяет сделать вывод о негативных последствиях расширительного толкования норм гражданского законодательства и как следствие постепенном внедрении в России прецедента как источника права. **Выводы:** авторами обоснована необходимость внесения изменений в действующее законодательство (п. 1 ст. 1235 ГК РФ и п. 1 ст. 1490 ГК РФ). Авторами аргументирована позиция о том, что право пользования товарным знаком не может передаваться путем простой расписки, а исключительно заключением лицензионного договора.

Ключевые слова: товарный знак, судебная практика, лицензионный договор, способы передачи товарного знака, Верховный суд Российской Федерации, судебная коллегия по экономическим спорам, правовой пробел.

Цитирование. Квициния Н. В., Осадченко Э. О. Право пользования товарным знаком: регулирование передачи и пробелы в действующем законодательстве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 102–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.13>

Введение

Действующей редакцией гражданского законодательства закреплено понятие товарного знака. Ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусмотрено, что «товарный знак – это обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей и признается исключительным правом, удостоверяемым свидетельством на товарный знак». Положения, закрепляющие основания свидетельства, которым удостоверяется товарный знак, предусмотрены в ст. 1481 ГК РФ. Так, не будет считаться свидетельством документ, выданный на товарный знак и не зарегистрированный в установленном законом порядке в Государственном реестре товарных знаков. Свиде-

тельство установленной формы, прошедшее регистрацию, удостоверяет приоритет товарного знака и исключительное право на него в отношении всех указанных в нем товаров.

Легальное определение, приведенное выше не исключает определенных проблем в понимании и дальнейшем применении, так же, как и при выборе способа передачи прав на товарный знак.

По мнению Е.Н. Каменевой, в основу трактовки понятия «товарный знак» стоит брать понятие «обозначение», употребляемое законодателем в п. 1 ст. 1482 ГК РФ, где также перечисляются те или иные виды «обозначений» в дальнейшем образующие товарный знак [4]. Так, к обозначениям законодатель относит: словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации. Данный перечень не является закрытым и

предполагает, что с течением времени и развития технологий, а также непредсказуемого созидательно-творческого процесса могут появляться и другие обозначения, которые в дальнейшем будут зарегистрированы как товарный знак с целью идентификации бренда. Единственной характеристикой, которой ограничивается типовая принадлежность, является цветовая, указанная в п. 2 ст. 1482 ГК РФ «товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании».

Слияние понятий «обозначение» и «товарный знак» многим ученым правоведом [3; 9] видится несовершенным в силу неполноты понимания. «В юридической науке существует устоявшийся годами инструментарий, который помогает ученым-правоведам осмысливать отношения между людьми, будь то материальные объекты или результаты интеллектуальной деятельности. Такой консерватизм в использовании правовых терминов объясняется отсутствием иной, кроме как веками устоявшейся терминологии, а также нежеланием создавать новый понятийный аппарат» [5].

Считаем это верным, так как любое обозначение становится товарным знаком только после прохождения четко регламентированной процедуры регистрации и получения правовой охраны.

Многочисленные дискуссии о правильности определения товарного знака в действующем законодательстве сводятся к однозначному пониманию того, что информация о субъекте права на него закреплена и не подлежит иному расширительному толкованию. Так, субъектами права выступают юридические лица и индивидуальные предприниматели, использующие товарный знак для индивидуализации своих товаров.

Спорным остается вопрос дискриминации в возможности наличия права у приведенных выше субъектов. В перечне таковых отсутствуют физические лица, хотя не исключена вероятность возникновения объективной потребности у них стать правообладателями. Данная позиция высказывалась ранее в трудах А.О. Иншаковой [2], Д.В. Мазаева [6].

Функциональная составляющая товарного знака закреплена в ст. 1477 ГК РФ, согласно которой ей является индивидуализация продукции, а именно товаров и услуг, то, что не-

посредственно отличает и выделяет эту продукцию в сегменте однородной продукции.

В ст. 1484 ГК РФ закреплено, что правообладателем с исключительным правом на пользование товарным знаком является лицо, на имя которого он зарегистрирован.

С учетом положений ст. 1229 ГК РФ при наличии исключительного права на товарный знак его правообладатель вправе пользоваться и распоряжаться им по своему усмотрению, любым не противоречащим закону способом. Данная норма права также конкретизирует, что правообладатель по своему усмотрению может как разрешить, так и запретить другому лицу использовать товарный знак, при этом в случае отсутствия запрета это не будет являться согласием. Любое использование без наличия надлежаще оформленного согласия будет являться незаконным и повлечет за собой предусмотренную законом ответственность.

Законодательством предусмотрено, что исключительным правом является единоличное использование объектов интеллектуальной собственности (в случае их регистрации – товарных знаков), извлечение прибыли, передача на них прав другим лицам и иное, при этом исключительное право не всегда является единоличным. Так, например, в случае подписания лицензионного договора с одним лицом или группой лиц каждый подписавший становится лицензиатом и имеет законные основания на использование объекта по своему усмотрению.

Договоры, используемые при передаче права на товарный знак

В настоящее время законодательством предусмотрено несколько вариантов передачи прав на объекты интеллектуальной собственности третьим лицам путем подписания определенного договора.

Согласно договору об отчуждении исключительного права, первоначальный правообладатель полностью передает или обязуется передать в дальнейшем права на него, тем самым меняется владелец. В будущем лицо, первоначально являющееся правообладателем, не может иметь притязаний на него и на прибыль, извлекаемую из него. В соответствии

со ст. 1234 ГК РФ данный договор заключается в письменной форме и подлежит государственной регистрации, в случае несоблюдения указанных условий будет недействителен. В части уплаты приобретателем вознаграждения законодатель указал, что отсутствие в возмездном договоре условий о размере вознаграждения будет являться основанием для признания его незаключенным. Коммерческим организациям не представляется возможным заключать такой договор на безвозмездной основе. Нарушение порядка оплаты может повлечь за собой односторонний отказ и расторжение договора.

Договор коммерческой концессии, предусмотренный ст. 1027 ГК РФ, представляет собой передачу исключительных прав на использование товарного знака и других нематериальных активов бренда без смены владельца. Владелец товарного знака в данной ситуации получает регулярный доход. Срок, на который заключается такой договор законодательством, не регламентирован: договор может быть как срочный, так и бессрочный. Согласно данному договору, передаваться для использования могут как исключительные права, так и деловая репутация, коммерческий опыт или товарный знак с согласованием минимального и максимального объема. Указание территории использования является обязательным условием, однако обязательным является регистрация в Роспатенте, которая становится возможной при наличии существенных условий (предмет договора, размер и порядок выплаты вознаграждения в пользу правообладателя, способы использования передаваемых объектов, условия о неразглашении секретов производства, требования соблюдения стандартов качества). Существуют риски попасть под санкции налоговых органов ввиду наличия многочисленных случаев, когда в судебном порядке было установлено, что данная модель передачи прав имела место при искусственном дроблении бизнеса и являлась налоговым правонарушением. Подобные риски подтверждаются, например, в деле ООО «КСК-М» (Постановление АС Волго-Вятского округа от 31.03.2021 по делу № А11-2223/2017) [8]. Истцом выступал налоговый орган, доказавший в судебном процессе, что указанная организация, зани-

мавшаяся торговлей топливом через АЗС по договору франчайзинга (коммерческой концессии), использовала схему искусственного дробления бизнеса с целью уменьшения полагающихся налоговых отчислений по результатам предпринимательской деятельности.

Договор авторского заказа предполагает, что объекта еще нет, но его предстоит создать по согласованным сторонами требованиям к типу, форме и др. В текущий период времени такой договор часто используется при сотрудничестве юридических лиц с фрилансерами. Одной из ключевых особенностей данного договора является то, что его можно заключить только с конкретным физическим лицом – автором или с несколькими физическими лицами, которые в последующем будут являться соавторами, и чьим творческим трудом будет создаваться объект договора.

Договор залога не является общераспространенным и исходя из юридической практики в большинстве случаев оформляется как отдельный документ. Суть данного договора заключается в том, что стороны гражданско-правовых отношений обеспечивают и предупреждают возможные риски в случае невыполнения обязательств, предоставляя имущественные права в качестве обеспечения по неисполненным обязательствам.

Лицензионный договор также предусмотрен действующим законодательством, этот договор, на наш взгляд, является самым эффективным способом передачи прав на товарный знак.

Согласно ст. 1235 ГК РФ, лицензионный договор представляет собой способ распоряжения исключительным правом, при котором правообладатель или лицензиар дает разрешение на использование охраняемого объекта (товарного знака) в объеме, который предусмотрен договором. При этом лицензиат – вторая сторона данного договора, обязуется вносить платежи, обусловленные договором и выполнять иные действия, предусмотренные в соглашении. Лицензионный договор позволяет предоставлять как авторские права, так и патентные, смежные и др. При предоставлении прав лицензиату лицензиар не теряет права выдачи лицензий другим лицам. Действующее законодательство предусматривает гражданско-правовую, административную

и уголовную ответственность за несоблюдение лицензионного договора. Так, например, нормами уголовного законодательства автор или иной правообладатель может отстоять нарушенное право, возместить причиненный в результате незаконных действий ущерб в определенной денежной сумме и добиться уголовного преследования лица, посягнувшего на права, не принадлежащие ему в установленном законом порядке.

К условиям, которые обязательно должны быть отражены в лицензионном договоре законодатель относит: предмет договора, обозначение способа использования (исключительно в предусмотренном договором объеме), условие о размере вознаграждения или порядке его определения.

Статьей 429 ГК РФ предусмотрено право лиц заключить предварительный лицензионный договор. Данный договор позволяет очертить круг тех условий, на которых в последующем будет основан лицензионный договор. Заключается данный договор в такой же форме, что и лицензионный.

Законодательством предусмотрено право лица на получение лицензии в судебном порядке на объект промышленной собственности в принудительном порядке. Так, принудительная лицензия будет выдана без согласия владельца в случае длительного неиспользования правообладателем запатентованного объекта, однако не исключено в дальнейшем оспаривание патентообладателем факта ненадлежащего использования.

Проанализировав виды договоров, которые позволяют передавать право на использование товарного знака, мы приходим к выводу, что лицензионный договор, заключенный в установленной законом форме, является наиболее качественной и рациональной юридической конструкцией для защиты прав лица, который решил передать права на товарный знак.

Судебная практика решения вопроса о передаче права пользования товарным знаком

Однако весьма противоречиво идет судебная практика Верховного суда Российской Федерации. Так, в определении от 05.04.2022 № 305-ЭС21-23755 [7] была рассмотрена кас-

сационная жалоба ООО «Ригла-Московская область» о признании недействительным решения Администрации муниципального образования Ленинского муниципального района Московской области с целью обязать последнего выдать согласие на установку средства размещения информации.

Заявитель указал, что действующее законодательство не связывает выражение согласия правообладателя на использование товарного знака с определенной формой и использованием результата интеллектуальной собственности не требует обязательного заключения договора.

Однако, как следует из определения, спор возник в результате отказа администрации в выдаче разрешения на установку средства размещения информации по причине непредоставления ООО «Ригла-Московская область» каких-либо правоустанавливающих документов, подтверждающих государственную регистрацию принадлежащего «АС-Бюро плюс» товарного знака или разрешения на его использование.

Судебная коллегия сочла выводы судов нижестоящих инстанций неверными и указала, что перечень способов распоряжения исключительным правом на товарный знак не является исчерпывающим и относится на усмотрение правообладателя. Полагаем, что данная ситуация является непосредственно правовым пробелом и влечет за собой нарушение охраняемых законом прав других лиц.

В случае конкретного закрепления способа и формы передачи исключительных прав на товарный знак это было бы основанием для однозначного толкования норм действующего гражданского законодательства и отсутствия противоречивых судебных актов. «Верховный суд РФ в своих постановлениях, разрешая конкретную ситуацию или давая разъяснения в той или иной сфере, создает прецедент, на который ориентируются нижестоящие суды» [8].

Выводы

Вышеизложенное подтверждает необходимость внесения изменений в действующие нормы Гражданского кодекса РФ. Так, п. 1 ст. 1235 ГК РФ необходимо дополнить

положением о том, что в случае передачи прав на пользование товарным знаком договор обязателен к заключению в установленной форме, а именно – письменной, с последующей государственной регистрацией. Пункт 1 ст. 1490 ГК РФ привести в соответствие и указать на исключительность использования лицензионного договора в форме, также предусмотренной п. 1 ст. 1235 ГК РФ. При этом указанные положения ГК РФ не должны предусматривать простой письменной формы с целью устранения возникновения прав у лиц, не являющихся законными правообладателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров, А. И. Квазинормы Верховного Суда РФ как «потенциальный» источник гражданского права / А. И. Гончаров, Н. В. Квициния // Цивилист. – 2022. – № 4 (40). – С. 62–68.
2. Иншакова, А. О. Охрана трансграничного оборота результатов интеллектуальной деятельности в контексте экономико-правовой интеграции РФ / А. О. Иншакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2015. – № 1 (26). – С. 70–80.
3. Иншакова, А. О. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в перечне законодательных приоритетов обеспечения nanoиндустрии / А. О. Иншакова // Вестник Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. – 2012. – № 1. – С. 42–52.
4. Каменева, Е. Н. Условия охраноспособности товарных знаков в Российской Федерации / Е. Н. Каменева // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 3. – С. 171–174.
5. Квициния, Н. В. Информация и единая технология как непоименованные объекты гражданских прав / Н. В. Квициния, Д. Н. Давтян-Давыдова // Государственная служба и кадры. – 2022. – № 5. – С. 134–137.
6. Мазаев, Д. В. Судебные правовые позиции в спорах о правах на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий / Д. В. Мазаев // Вестник арбитражной практики. – 2015. – № 6 (61). – С. 42–49.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2022 № 305-ЭС21-23755 по делу № А41-13514/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 31.03.2021 № Ф01-812/2021 по

делу № А11-2223/2017. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Цыбаков, Д. Л. Генезис понятия «товарный знак» в правовой мысли и юридической практике / Д. Л. Цыбаков, И. А. Лисенкова // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – № 1 (24). – С. 60–63.

REFERENCES

1. Goncharov A.I., Kviciniya N.V. Kvazynormy Verhovnogo Suda RF kak «potencial'nyj» istochnik grazhdanskogo prava [Quasi-Norms of the Supreme Court of the Russian Federation as a “Potential” Source of Civil Law]. *Civilist [Zivilist]*, 2022, no. 4 (40), pp. 62-68.
2. Inshakova A.O. Ohrana transgranichnogo oborota rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti v kontekste ekonomiko-pravovoj integracii RF [Protection of Cross-Border Turnover of Intellectual Property Results in the Context of Economic and Legal Integration of the Russian Federation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya* [Science Journal of Volgograd State University. Seriya 5. Jurisprudence], 2015, no. 1 (26), pp. 70-80.
3. Inshakova A.O. Pravovoe regulirovanie intellektual'noj sobstvennosti v perechne zakonodatel'nyh prioriteto obespecheniya nanoindustrii [Legal Regulation of Intellectual Property in the List of Legislative Priorities for Ensuring Nanoindustry]. *Vestnik Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga* [Bulletin of the Federal Arbitration Court of the North Caucasus District], 2012, no. 1, pp. 42-52.
4. Kameneva E.N. Usloviya ohranosposobnosti tovarnyh znakov v Rossijskoj Federacii [Conditions of Trademark Protection in the Russian Federation]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 2018, no. 3, pp. 171-174.
5. Kviciniya N.V., Davtyan-Davydova D.N. Informaciya i edinaya tekhnologiya kak nepoimennovannye ob'ekty grazhdanskikh prav [Information and Unified Technology as Unnamed Objects of Civil Rights]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Public Service and Personnel], 2022, no. 5, pp. 134-137.
6. Mazaev D.V. Sudebnye pravovye pozicii v sporah o pravah na sredstva individualizacii yuridicheskikh lic, tovarov, rabot, uslug i predpriyatij [Judicial Legal Positions in Disputes on the Rights to Means of Individualization of Legal Entities, Goods, Works, Services and Enterprises]. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki* [Bulletin of Arbitration Practice], 2015, no. 6 (61), pp. 42-49.

7. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 05.04.2022 № 305-ES21-23755 po delu № A41-13514/2020 [Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.04.2022 No. 305-ES21-23755 in case No. A41-13514/2020]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

8. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 31.03.2021 № F01-812/2021 po delu № A11-2223/2017 [Resolution of the

Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 31.03.2021 No. F01-812/2021 in Case No. A11-2223/2017]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

9. Cybakov D.L., Lisenkova I.A. Genezis ponyatiya «tovarnyj znak» v pravovoj mysli i yuridicheskoy praktike [The Genesis of the Concept of «Trademark» in Legal Thought and Legal Practice]. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Bulletin of State and Municipal Administration], 2017, no. 1 (24). 62 p.

Information About the Authors

Natalya V. Kvitsiniya, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, maksim20777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6538-9796>

Elvira O. Osadchenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, elviraosa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7709-4821>

Информация об авторах

Наталья Вячеславовна Квициния, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, maksim20777@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6538-9796>

Эльвира Олеговна Осадченко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, elviraosa@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7709-4821>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>

UDC 346.7
LBC 67.404.9

Submitted: 20.04.2023
Accepted: 15.05.2023

THE LEGAL REGULATION DEVELOPMENT OF KEY TECHNOLOGIES OF INDUSTRY 4.0: DIGITAL TOKENS AS SPECIAL INVESTMENT INSTRUMENTS¹

Denis E. Matytsin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction. In the modern information space, digital assets are becoming increasingly popular. For example, tokenized stocks, bonds, and other financial instruments, which are represented by special digital algorithms, are getting used in the investment turnover; they are so called because of the word “token.” These digital algorithms-codes exist and are only accessible within blockchain technology. The specified digital code is functionally a legal substitute for the right to participate in the business of a joint-stock company, or, as a variant of a bond, a legal substitute for a monetary claim of a certain person (the lender) against another person (the borrower). Falsification of a digital token (substituting by some other software algorithm-code) is impossible. The judicial practice that developed before the adoption of the legislative act in 2020 and came into force in 2021 had a contradictory and fragmented character. In this connection, the author sets the **goal** of continuing to analyze the new federal legislation to improve the procedure for protecting investors’ rights, developing investment turnover, and enhancing the investment climate. **Methods.** The methodological framework for the study is the methods of scientific cognition, among which the main ones are systematicity, analysis, and comparative law. **Results.** The behaviors for legal protection are considered, which must necessarily be realized and evaluated by investors when investing in tokens of a particular project. The issue of procedures for the protection of violated rights is raised. The author makes distinctions between token protection in the legal system, legislation, and law enforcement practice. **Conclusions.** Based on the analysis of the new federal legislation, further doctrinal elaboration is required to substantiate effective procedures for protecting the rights of investors that may be violated in the process of the turnover of digital investment instruments in the modern Internet space.

Key words: digital technologies, investment turnover, legal regulation, Industry 4.0, token, blockchain.

Citation. Matytsin D.E. The Legal Regulation Development of Key Technologies of Industry 4.0: Digital Tokens as Special Investment Instruments. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 109-113. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>

УДК 346.7
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 20.04.2023
Дата принятия статьи: 15.05.2023

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КЛЮЧЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ИНДУСТРИИ 4.0: ЦИФРОВЫЕ ТОКЕНЫ КАК ОСОБЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ¹

Денис Евгеньевич Матыцин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в современном информационном пространстве цифровые активы пользуются все большей популярностью. Так, например, в инвестиционном обороте становятся привычными токенизированные акции, облигации, другие финансовые инструменты, которые представлены особыми цифровыми алгоритмами, их так называют, связывая со словом «токен». Эти цифровые алгоритмы-коды существуют и обращаются только в рамках технологии blockchain. Указанный цифровой код по функционалу представляет собой юридический заменитель права участия в бизнесе акционерного общества, или, как вариант облигации – юридический заменитель денежного требования определенного лица (кредитора) к другому лицу (заемщику). Фальсификация цифрового токена (замена каким-то другим программным алгоритмом-кодом)

невозможна. Сложившаяся до принятия в 2020 г. и вступившего в силу с 2021 г. законодательного акта судебная практика имела противоречивый и разрозненный характер. В связи с чем автором в работе поставлена **цель** продолжить анализ нового федерального законодательства, чтобы совершенствовать порядок защиты прав инвесторов, развития инвестиционного оборота и улучшения инвестиционного климата. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** рассмотрены варианты поведения для правовой защиты, которые должны быть обязательно осознаны и оценены инвесторами при инвестировании в токены того или иного проекта. Поднимаются вопросы процедур защиты нарушенных прав. Автор проводит различия защиты токенов в правовых системах, законодательстве и правоохранительной практике. **Выводы:** на основе анализа нового федерального законодательства требуется дальнейшая доктринальная проработка с целью обоснования эффективных процедур защиты прав инвесторов, которые могут быть нарушены в процессе оборота цифровых инвестиционных инструментов в современном интернет-пространстве.

Ключевые слова: цифровые технологии, инвестиционный оборот, правовое регулирование, Индустрия 4.0, токен, блокчейн.

Цитирование. Матыцин Д. Е. Развитие правового регулирования ключевых технологий Индустрии 4.0: цифровые токены как особые инвестиционные инструменты // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 109–113. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.14>

Введение

Дистанционное привлечение и вложение инвестиций на основе информационной технологии blockchain способствует формированию новых способов финансирования. В частности, ICO (Initial Coin Offering) как один из дистанционных способов привлечения инвестиций представляет собой процесс публичного предложения (продажи) токенов среди всех тех, кто заинтересован в их приобретении для вложений инвестиций в проект, использующий технологию blockchain.

Феномен токена в том, что данная криптозапись превращается в цифровой актив, который может выражать любые права, обязательства, единицы стоимости. Существуют токены, выражающие акции, облигации, различные деривативы, инструменты, которые дают право голосовать за определенные проекты, а также дают право участвовать в управлении хозяйственным обществом и подтверждают право владения определенным активом в инвестиционном сегменте Интернета. Функционал токена ограничен только техническими возможностями и воображением специалистов проектных команд. Вместе с тем не редкость и такие квази ICO, где субъекты выпускают квазитокены, это не влечет никаких прав и обязанностей, подобный фальсифицированный токен не является ни платежным, ни инвестиционным инструментом. Юридически – это не ICO, а мошеннические действия.

Основное содержание

Токен является уникальной цифровой технологией, обладает очень полезными прикладными возможностями, вполне полезен и с юридических позиций, что обуславливает наше несогласие с авторами, которые пытаются слишком односторонне интерпретировать данное понятие. Примером в этой связи может рассматриваться токен LOK (на платформе Look Rev – <http://lookrev.com>), который одновременно выступает в качестве: 1) платежного средства; 2) контракта на обслуживание за установленную плату; 3) квази-капитала, дающего право владельцу получать дивиденды. Другим примером полифункционального токена является ZrCoin (<https://zrcoin.io/>), который тоже сочетает в себе несколько функций.

Углубляясь в содержание термина «токен», отметим неточность словообразования ICO (Initial Coin Offering) – инициативное монетное предложение, – используемого для обозначения данного инвестиционного инструмента. В этой части мы можем согласиться с авторами, которые тоже отмечают неточность термина ICO [3]. Никаких монет нет и быть не может, поскольку это монополия государства. По всей вероятности, слово Coin вошло в терминологический оборот вследствие широкой известности одного из криптоактивов – Bitcoin – по аналогии. Фактически получатель инвестиций посредством цифровых компьютерных технологий предлагает ин-

вестору некую «ячейку», в которую ему нужно зайти со своими финансами, чтобы по результатам участия в предпринимательском проекте получить материальную выгоду (прибыль – benefit). По нашему мнению, более корректным обозначением того, что мы называем отвлеченным словом токен, должен быть термин IBO: Initial Benefit Offering – инициативное выгодное предложение. Полагаем также, что некоторое созвучие термина ICO с давно известным термином IPO вредно, потому что вносит путаницу в инвестиционную терминологию.

И получатели инвестиций, которые пытаются реализовать свой собственный блокчейн-проект, и инвесторы, которые получают высокую доходность от спекуляций токенами, заинтересованы во взаимодействии. В то же время сделки с токенами несут риски, несопоставимые с вложениями в объекты инвестирования на традиционном рынке IPO. Называя успешные проекты, следует уточнить, что 9 из 10 стартапов, в которые инвестиции привлекались посредством токенизации, терпят убытки, и только в среднем 1 из 10 приносит прибыль [11]. Как проект, окончившийся крахом, можно упомянуть, например, DAO [9]. В качестве проектов-махинаций следует назвать организацию двух ICO – DRC и ReCoin [2].

Инвестирование в токены основано только на доверии инвесторов к лицам, выпускающим токены. Называть их эмитентами в корне неверно, мы их условно называем *токенентами*. Рассмотрим далее варианты поведения для защиты, которые должны быть обязательно осознаны и оценены инвесторами при инвестировании в токены того или иного проекта. В отличие от классической эмиссии ценных бумаг инвестор, получив токен, юридически не приобретает предпринимательских прав и обязанностей. Многие иностранные юрисдикции имеют аналогичные процедуры защиты нарушенных прав. Несомненно, различия в правовых системах, законодательстве и правоохранительной практике могут потребовать обращения к квалифицированному юристу в юрисдикции, где проводится выпуск токенов.

Предположим, в Российской Федерации субъект, выпустив токены, скрылся, получив

деньги от инвесторов. Рассмотрим возможный порядок защиты. Первое. В такой ситуации весьма желательно объединиться с другими потерпевшими, чтобы подать групповой иск, шансы выиграть дело значительно возрастают. Как, например, это сделали инвесторы проекта Tezos, который смог привлечь более \$230 млн на ICO [1].

Второе. Инвесторам необходимо выявить ответчика. Процессуальные нормы требуют, чтобы ответчик был назван в исковом заявлении, в противном случае исковое заявление не рассматривается.

Третье. Перед подачей иска необходимо определиться с подведомственностью и подсудностью. Далее, подавая исковое заявление, инвесторы должны предъявить материальные претензии к ответчику. В целом гражданское право предоставляет достаточные возможности для защиты своих нарушенных прав, в то же время остается вопрос о том, согласится ли суд с этими претензиями. В случае мошеннического выпуска токенов инвестор (истец) может подать иск против ответчика о его неосновательном обогащении. Ответчик, весьма вероятно, будет стоять на позиции, что проводил выпуск токенов по модели краудфандинга (не взял на себя никаких обязательств), если суд согласится с этими доводами, деньги инвесторам не будут возвращены (п. 4 ст. 1109 Гражданского кодекса РФ) [8].

Предположим, блокчейн-проект токенера был реально обеспечен определенными юридическими гарантиями. Все равно остается вопрос, удовлетворит ли суд претензии инвестора при невозврате вложений и невыплате обещанного дохода. Если наименование договора и его фактическое содержание не совпадают, суд учитывает не название договора, а предмет договора и фактическое содержание прав и обязанностей сторон.

Результаты

Токенент в российской юрисдикции непременно столкнется с тем, что суды пока не признают цифровые валюты объектом гражданских прав. Подобная позиция суда отражена, в частности, в Решении Рязского районного суда Рязанской области [6]. Следует также при разрешении конфликтов при обороте токенов (циф-

ровых валют) обратить внимание на другие судебные трактовки, в частности, о том, что цифровая валюта не находится в правовой сфере, обеспечение исполнения обязательств сторонами правовыми механизмами не обеспечивается [5]. Также следует иметь в виду, что цифровые валюты в постановленных судами актах относятся к денежным суррогатам, которые могут использоваться гражданами и организациями в противоправных целях [4].

С 1 января 2021 г. появилась гарантированная возможность отказаться от не вполне корректного слова *токен*, потому что вступил в силу профильный закон [7]. Теперь абсолютно любой *токен* терминологически покрывается и может быть полноценно заменен закрепленными в законодательстве терминами.

Заключение

Оборот токенов – особых цифровых инвестиционных инструментов характеризуется высокой интенсивностью, минимальным количеством громоздких административных процедур, невысокими затратами по сравнению с классическими эмиссиями ценных бумаг (акций и облигаций). Токенизировать можно широкий спектр объектов гражданских прав, быстро вовлечь их в оборот, причем отслеживать судьбу любого актива можно непрерывно в режиме он-лайн, используя системный подход полисубъектного юрисдикционного блокчейна [10]. С 2021 г. в Российской Федерации действует полноценный федеральный закон, регулирующий цифровые активы и цифровые валюты. Сложившаяся до его вступления в силу судебная практика имела противоречивый характер. Необходимо продолжение доктринального анализа нового федерального законодательства с целью совершенствования порядка защиты прав инвесторов, развития инвестиционного оборота и улучшения инвестиционного климата.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-01141 «Правовые механизмы защиты прав физических лиц при осуществлении дистанционных инвестиционных сделок в интернет-пространстве»).

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01141 “Legal mechanisms for protecting the rights of individuals in the implementation of remote investment transactions in the Internet space”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондратюк, А. Инвесторы обвинили проект Tezos в мошенничестве / А. Кондратюк. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://forklog.com/investory-obvinili-proekt-tezos-v-moshennichestve/>. – Загл. с экрана.
2. Организатор двух мошеннических ICO арестован в США по обвинению SEC. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://bits.media/biznesmen-arestovan-po-obvineniyu-v-moshennichestvakh-s-ico/>. – Загл. с экрана.
3. Рябов, Е. Юридические риски ICO и правовая природа токенов – мнение экспертов / Е. Рябов, Д. Рейтман. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://vc.ru/24993-ico-opinions>. – Загл. с экрана.
4. Решение Анапского городского суда Краснодарского края от 25 февраля 2016 г. по делу № 2-869/2016. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/rx4FGJ P63uUK/>. – Загл. с экрана.
5. Решение Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга от 16 мая 2017 г. по делу № 2-1993/2017. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/234194.html>. – Загл. с экрана.
6. Решение Ряжского районного суда Рязанской области от 26 апреля 2017 г. по делу № 2-160/2017. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/qlE6zawJCy6l/#top>. – Загл. с экрана.
7. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.
8. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
9. Шин, Л. Величайшая загадка в истории криптовалют: кто взломал The DAO и украл \$53 млн / Л. Шин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/457485-velicajsaa-zagadka-v-istorii-kriptovalut-kto-vzlomal-the-dao-i-ukral-53-mln>. – Загл. с экрана.
10. Kalinina, A. E. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce

Economic Conflicts. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / A. E. Kalinina, A. O. Inshakova, A. I. Goncharov // *Studies in Computational Intelligence* / ed. E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – Vol. 826. – P. 205–213.

11. Jordan Daniell Ethereum’s Vitalik Buterin On “Tokens 1.0”. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.ethnews.com/etheriums-vitalik-buterin-on-tokens-10>. – Title from screen.

REFERENCES

1. Kondratyuk A. *Investori obvinili proekt Tezos v moshennichestve* [Investors Accused the Tezos Project of Fraud]. URL: <https://forklog.com/investory-obvinili-proekt-tezos-v-moshennichestve/>

2. *Organizator dvuh moshennicheskikh ICO arestovan v SShA po obvineniyu SEC* [The Organizer of Two Fraudulent ICOs was Arrested in the USA on Charges of the SEC]. URL: <https://bits.media/biznesmenarestovan-poobvineniyuv-moshennichestvakhnico/>

3. Ryabov E., Reitman D. *Yuridicheskie riski ICO i pravovaya priroda tokenov – mnenie ekspertov* [Legal Risks of ICO and the Legal Nature of Tokens – Expert Opinion]. URL: <https://vc.ru/24993-ico-opinions>

4. *Reshenie Anapskogo gorodskogo suda Krasnodarskogo kraya ot 25 fevralya 2016 g. po delu № 2-869/2016* [The Decision of the Anapa City Court of the Krasnodar Territory of February 25, 2016 in Case No. 2-869/2016]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/rx4FGJP63uUK/>

5. *Reshenie Oktyabrskogo raionnogo suda g. Sankt-Peterburga ot 16 maya 2017 g. po delu № 2-1993/2017* [The Decision of the Oktyabrsky District Court of St. Petersburg of May 16, 2017 in Case No. 2-1993/2017]. URL: http://www.sud_praktika.ru/precedent/234194.html

6. *Reshenie Ryazhskogo raionnogo suda Ryazanskoi oblasti ot 26 aprelya 2017 g. po delu № 2-160/2017* [The Decision of the Ryazhsky District Court of the Ryazan Region of April 26, 2017 in Case No. 2-160/2017]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/qlE6zawJCy6l/#top>

7. Federalnii zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 259-FZ «O cifrovih finansovih aktivah, cifrovoi valyute i o vnesenii izmenenii v otdelnie zakonodatelnie akti Rossiiskoi Federacii» [Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 31 (part I), art. 5018.

8. Chast pervaya Grajdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ [Part One of the Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

9. Shin L. *Velichayshaya zagadka v istorii kriptovalyut: kto vzlomal The DAO i ukral \$53 mln* [The Greatest Mystery in the History of Cryptocurrencies: Who Hacked The DAO and Stole \$53 Million]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/457485velicajsaazagadkavistorii-kriptovalut-kto-vzlomal-the-dao-i-ukral-53-mln>

10. Kalinina A.E., Inshakova A.O., Goncharov A.I. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT. Popkova E.G., ed. *Studies in Computational Intelligence*. Cham, Springer Science + Business Media, 2019, vol. 826, pp. 205-213.

11. Jordan Daniell Ethereum’s Vitalik Buterin On “Tokens 1.0”. URL: <https://www.ethnews.com/etheriums-vitalik-buterin-on-tokens-10>

Information About the Author

Denis E. Matytsin, Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, dmatytsin@yandex.ru, matytsin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

Информация об авторе

Денис Евгеньевич Матыцин, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, dmatytsin@yandex.ru, matytsin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-4032>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.15>

UDC 349.6

LBC 67.407

Submitted: 20.03.2023

Accepted: 16.04.2023

THE LEGAL REGIME OF WETLANDS

Anatoly Ya. Ryzhenkov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction. Wetlands are of great environmental and economic value, which determines the search for a reasonable compromise on the organization of their rational use and protection. In this regard, the **purpose** of the study is to analyze the current norms of international and Russian environmental law regulating the legal regime of wetlands in Russia. **Methods.** The methodological framework for the research is the dialectical method of scientific cognition, as well as the method of system analysis, logical, and comparative legal methods. **Results.** The analysis has shown the value of the eco-network approach to the rational use and protection of wetlands, laid down in the Ramsar Convention and partially reproduced in the Water Code of the Russian Federation and other legal acts. Meanwhile, some existing gaps have been identified in the legal regulation of the use and protection of swamp ecosystems, including issues of accounting and ownership of them, which require appropriate solutions. **Conclusions.** The full implementation of Russia's obligations under the Ramsar Convention requires the development of programs for the use and protection of wetlands, the legislative consolidation of additional measures to account for wetlands that are not included in the Ramsar list, but require measures to preserve them. It is necessary to normalize the very concept of wetlands, as well as to expand the list of permits and prohibitions that apply to this natural complex. It is hardly advisable to include all wetlands in specially protected natural territories, therefore, further development of the regime of "semi-protected" natural territories for wetlands is necessary, in which the subjects of the Russian Federation should participate more widely.

Key words: swamps, birds, Ramsar Convention, Water Code, land, water.

Citation. Ryzhenkov A. Ya. The Legal Regime of Wetlands. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 114-122. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.15>

УДК 349.6

ББК 67.407

Дата поступления статьи: 20.03.2023

Дата принятия статьи: 16.04.2023

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ВОДНО-БОЛОТНЫХ УГОДИЙ

Анатолий Яковлевич Рыженков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: водно-болотные угодья (далее – ВБУ) представляют большую природоохранную и хозяйственную ценность, что обуславливает поиск разумного компромисса по организации их рационального использования и охраны. В связи с этим **целью** исследования является анализ действующих норм международного и российского экологического права, регламентирующих правовой режим водно-болотных угодий в России. **Методы:** методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания, а также метод системного анализа, логический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** проведенный анализ показал ценность экосетевого подхода к рациональному использованию и охране водно-болотных угодий, заложенного в Рамсарской конвенции и отчасти воспроизведенной в Водном кодексе РФ и иных правовых актах. Между тем выявлен ряд существующих пробелов в правовом регулировании использования и охраны болотных экосистем, включая вопросы учета и права собственности на них, которые нуждаются в надлежащем решении. **Выводы:** полноценное выполнение обязательств России в рамках Рамсарской конвенции требует разработки программ использования и охраны водно-болотных угодий, законодательного закрепления дополнительных мер по учету ВБУ, которые не вошли в Рамсарский список, но требуют мер по их сохранению. Необходимо нормативно закрепить само понятие ВБУ, а также расширить

перечень дозволений и запретов, распространяющихся на данный природный комплекс. Включение всех ВБУ в состав особо охраняемых природных территорий едва ли целесообразно, поэтому необходима дальнейшая разработка режима «полуохраняемых» природных территорий для ВБУ, в чем должны шире принимать участие субъекты РФ.

Ключевые слова: болота, птицы, Рамсарская конвенция, Водный кодекс, земля, вода.

Цитирование. Рыженков А. Я. Правовой режим водно-болотных угодий // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 114–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.15>

Введение

Экологическое законодательство предусматривает не только перечень общих мер по охране окружающей среды (нормирование, мониторинг, экологическая экспертиза и др.), но и меры по охране отдельных природных объектов и комплексов. Типичным примером последних являются особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ), включающие земли, леса, воды, иные природные объекты и устанавливающие в отношении них режим особой охраны. Последнее направление охраны природы давно известно, достаточно хорошо изучено и урегулировано нормами экологического права. Вместе с тем существует своя специфика использования и охраны отдельных видов природных объектов, имеющих свои особенности и выполняющих важные экосистемные функции, которые довольно редко попадают в поле зрения исследователей. Правовой режим водно-болотных угодий – типичный тому пример, требующий исправления.

Болота являются уникальной и очень ценной природной экосистемой, несмотря на исторически существовавшие народные представления о связи болот с «нечистой силой». На самом же деле в силу уникальных биологических, химических и иных компонентов болота выполняют важные природоохранные функции, поддерживая водный баланс территории, сохраняя сложившиеся природные ландшафты, являясь источником полезных ископаемых (торфа), местом обитания охотничьих и краснокнижных растений и животных, источником любительского рыболовства, отдыха и туризма. Определенный вклад болота вносят в развитие сельского хозяйства и энергетики, а также имеют важное значение с точки зрения экологической культуры, воспитания, просвещения и образования. Это обуславливает особый интерес к проблеме правового режима болот [10, с. 95].

Общая характеристика и ценность болот как сложных экосистем

Важность правовой охраны болот как сложных экосистем подтверждает тот факт, что их площадь в земельном фонде нашей страны занимает по одним данным 152,9 млн га (или 8,9%), а по другим – 73% всей площади болот планеты (350 млн га), а российская площадь болот оценивается в 255,5 млн га [8, с. 31]. Вместе с тем точное количество и местонахождение всех болот в России неизвестно. Рассмотрим экосистемные функции болот более подробно.

1. Болота являются местом сосредоточения огромных запасов питьевой воды. Источником наполнения болот выступают как грунтовые воды, так и атмосферные осадки, при этом данные водные ресурсы имеют и природоохранную, и хозяйственную ценность. Природоохранная ценность болот заключается в том, что они выступают в качестве естественного фильтра, улучшая состояние поверхностных и подземных вод. Некоторые водно-болотные угодья выступают в качестве водохранилищ, поддерживая сток ручьев и уровень озер в засушливые периоды; они также могут служить истоком для малых рек и ручьев.

2. Водно-болотные угодья накапливают и медленно высвобождают поверхностные воды (дождь, таяние снега, грунтовые и паводковые воды), тем самым содействуя профилактике чрезвычайных ситуаций природного характера, защищают береговые линии и берега ручьев и небольших рек от эрозии. Столь же важную миссию выполняют приморские болота, гасящие штормовые волны.

3. Болота являются ценной экосистемой с точки зрения поддержания микроклимата и места произрастания лекарственных, редких и уникальных растений, многие из которых не растут в других местах. Многие птицы также

могут жить и размножаться только на болотах. Например, по подсчетам Службы рыболовства и дикой природы США, сохранение до 43 % видов, находящихся под угрозой исчезновения, зависит от состояния водно-болотных угодий [13, с. 170–171].

4. Хозяйственную ценность болот составляют залежи торфа (используемого в качестве топлива), древесные ресурсы, ресурсы охоты и рыболовства, развитие отдыха и экологического туризма (что особенно ценно для поддержания местной экономики в части создания новых рабочих мест и повышения благосостояния местных жителей); водные ресурсы болот могут использоваться в сельском хозяйстве (для орошаемого земледелия, как кормовая база для животноводства); граждане могут осуществлять общее природопользование (сбор ягод); они являются местом проживания некоторых коренных малочисленных народов.

5. Болота выполняют важную функцию по снижению угрозы глобального изменения климата (способствуя адаптации к изменениям), поскольку связывают парниковый газ (диоксид углерода). И хотя они выделяют некоторое количество метана, положительный эффект все равно больше. Поэтому осушения болот следует избегать, поскольку в этом случае CO_2 начнет высвобождаться [4, с. 32].

Исходя из этого небольшого обзора, очевидна экосистемная функция водно-болотных угодий, подтверждением чему являются экологические последствия бездумного и массового осушения болот, которые мы часто наблюдали в последние столетия. Человечество долгое время воспринимало болота как неудобное место, препятствующее ведению сельского хозяйства, строительству, размещению объектов инфраструктуры. Варварское осушение болот повлекло изменение гидрологического режима местности (исчезновение малых рек и ручьев, истощение подземных вод), что часто являлось причиной торфяных пожаров, деградации (эрозии, засоления) сельскохозяйственных угодий, увеличения объема CO_2 в атмосфере, сокращения или исчезновения многих видов растений и животных.

Актуальность проблемы охраны водно-болотных угодий сильно отличается по субъектам РФ, что можно продемонстриро-

вать на примере трех Прикаспийских регионов – Республик Калмыкия, Дагестан и Астраханской области. Так, в Дагестане, несмотря на его многоводность, по причине сухости климата болот очень мало, за исключением некоторых участков устья рек (пойменные болота), но даже там речь идет не столько о торфяных болотах, сколько о заболоченных территориях. Аналогичным образом водно-болотные угодья в Республике Калмыкия практически отсутствуют в силу засушливого климата. Напротив, в Астраханской области в силу многоводности фиксируется значительное количество болот (ими занято 115,3 тыс. га, а в целом территория области заболочена на 2,2 %, в основном болота расположены на землях сельскохозяйственного назначения), особенно в устье реки Волга. В силу своей природоохранной ценности дельта реки Волги была включена в Рамсарский список водно-болотных угодий.

Правовой режим водно-болотных угодий в водном законодательстве

Водный кодекс РФ [5] уделяет болотам незначительное внимание. Из ВК РФ следует, что болота относятся к поверхностным водным объектам и бывают трех видов (низинные, переходные, верховые); у них есть береговая линия; береговая полоса болот не определяется. Использование болот в целях разведки и добычи полезных ископаемых (кроме болот в границах водно-болотных угодий) осуществляется без предоставления водных объектов. Специальная ст. 57 ВК РФ посвящена охране болот от загрязнения и засоления. В частности, данная статья регламентирует осушение болот и добычу в них торфа. Водоохранные зоны и прибрежные защитные полосы для болот не устанавливаются. Несколько лучше обстоят дела с защитой водно-болотных угодий – кроме Рамсарской конвенции [7], принят ряд подзаконных актов, посвященных реализации взятых на себя РФ международных обязательств, однако под действие всех этих актов подпадает весьма незначительное количество болот, существующих в границах России.

Из анализа актов земельного, лесного и иного природоресурсного законодательства, а

также имеющихся статистических сведений можно сделать вывод о том, что большая часть болот расположена на землях сельскохозяйственного назначения и землях лесного фонда, причем нормативного определения болот (равно как ледников, снежников и т. д.) в ВК РФ нет. Часть болот входит в состав водно-болотных угодий (далее – ВБУ), попадающих под действие Рамсарской конвенции, и располагается в границах особо охраняемых природных территорий (заповедников, заказников и т. д.), в основном федерального значения; другая часть болот расположена на территории федеральных, региональных и муниципальных ООПТ, не попадает под действие Рамсарской конвенции, но все равно находится под особой охраной; наконец, на третью группу распространяется обычный эколого-правовой режим, а их охрана ограничивается положениями ст. 57 ВК РФ. Представляется, что для эффективной охраны болот (не входящих в состав ВБУ, попадающих под защиту Рамсарской конвенции), необходимо четко определиться с терминологией. В этом смысле целесообразно дополнить ст. 1 ВК РФ термином «болото», под которым принято понимать избыточно увлажненную и заросшую влаголюбивой растительностью часть поверхности земли, имеющую залежи торфа глубиной не менее 0,3 метра. По этому критерию можно различать собственно болота и заболоченную местность, которая не подпадает под действие ст. 57 ВК РФ. Отдельный вопрос состоит в том, как отличить правовой режим болот как разновидности водных объектов (относящихся к землям водного фонда) от болот как разновидности нелесных земель, входящих в состав земель лесного фонда. На практике болота в границах лесных массивов не относят к землям водного фонда, их включают в состав нелесных земель; такой же принцип действует и в отношении некоторых других категорий земель. Таким образом, четкого правового режима использования и охраны болот в России нет, а их экосистемное значение природоохранное законодательство отражает слабо.

Между тем использование и охрана болот как сложного природного комплекса подпадает под действие не только водного законодательства, но также горного (добыча тор-

фа), лесного, земельного, фаунистического (в части охотничьих и краснокнижных животных) права, но положения этих отраслей природоресурсного законодательства мало взаимосвязаны друг с другом. Данное обстоятельство обусловило появление в научной юридической литературе предложения о выделении из сферы природоресурсных отношений подотраслей болотного и торфяного права (в рамках общей тенденции развития законодательства в сторону более подробного правового регулирования), что должно стать полезным, поскольку «в настоящее время традиционные, сложившиеся институты права не справляются с поставленными перед ними задачами в условиях непрерывно усложняющихся и умножающихся отношений. Предлагаемое нами решение основано на новом осмыслении проблематики комплексного природопользования и, следовательно, формировании новой структуры отношений в данной сфере» [8, с. 33]. Нисколько не возражая против дальнейшего развития комплексного правового регулирования, тем не менее представляется, что решение проблемы находится не в сфере выделения новых подотраслей законодательства, а заключается в усложнении правового регулирования экосетевых связей.

Собственно говоря, именно этот подход и был впервые применен в Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц от 2 февраля 1971 г. (Рамсарской конвенции), к которой в 1975 г. присоединился СССР, а затем и Российская Федерация как его правопреемник. Конвенция определяет водно-болотные угодья как «районы болот, фенот, торфяных угодий или водоемов – естественных или искусственных, постоянных или временных, стоячих или проточных, пресных, солоноватых или соленых, включая морские акватории, глубина которых при отливе не превышает шести метров» [7]. Анализ Рамсарской конвенции показывает, что она отошла от классического взгляда на охрану природных ресурсов каждого по отдельности, и предложила комплексный подход применительно к водно-болотным угодьям, объединив, главным образом, использование и охрану водных ресурсов и водоплавающих птиц в один правовой комплекс.

Следует подчеркнуть, что Рамсарская конвенция направлена на сохранение ВБУ, но не настаивает на полном (заповедном) изъятии ВБУ из всякого хозяйственного использования. В конвенции делается акцент на взаимозависимости общества и природы, упоминаются выгоды и услуги, которые может получить общество от использования ВБУ. Предусмотренные конвенцией ВБУ могут иметь международное значение в двух случаях: когда они служат средой обитания для мигрирующих птиц и когда они расположены одновременно на территории двух или более государств. Несмотря на прогрессивный экосистемный подход, Рамсарская конвенция получила ряд критических замечаний в научной литературе. В частности, отмечается, что согласно ст. 2 Рамсарской конвенции, сохранение водно-болотных угодий предусматривается параллельно с «разумным использованием». В этом контексте возможность сочетания эффективного сохранения водно-болотных угодий (как целостной экосистемы) с любым интенсивным использованием, даже когда оно будет разумным, ряду авторов кажется сомнительным. Точное научное и юридическое значение термина «разумное использование» само по себе неясно [3, с. 47]. Даже более широкий термин «рациональное использование» далеко не единообразно толкуется в международном праве, и поэтому содержание термина «разумное использование» представляется особенно расплывчатым. Понятно, что данный термин был введен в Рамсарскую конвенцию для установления определенных ограничений на использование человеком водно-болотных угодий. Однако практическое применение этих ограничений представляется сомнительным [14, с. 467]. В качестве других замечаний следует выделить указание на отсутствие жестких критериев и ответственности в рамках конвенции, а также тот факт, что во многих странах мира правительство делает акцент на защиту федеральных ВБУ, плохо защищая региональные и местные водно-болотные угодья [12, с. 58–59]. В целом соглашаясь с данной критикой, все же замечу, что возможности международного экологического права носят ограниченный характер (как и международного публичного права в целом), поэтому для достижения задач по

охране ценных природных объектов и комплексов необходимо обращаться с требованиями к национальным органам по охране окружающей среды, а не критиковать «мягкость» Рамсарской конвенции.

Несомненно, созданный в рамках Конвенции Рамсарский список (Список водно-болотных угодий международного значения) не в состоянии обеспечить защиту всем ВБУ отдельно взятого государства, поскольку содержит достаточно масштабные параметры состояния ВБУ международного значения, например, такое ВБУ должно посещаться большим количеством водоплавающих птиц (20 000 или 1 % особей популяции одного вида (подвида) водоплавающих птиц). Разумеется, из этого не следует, что если этих птиц всего 10 000, то такое ВБУ не надо охранять. Существует достаточно много примеров из разных стран о положительном воздействии включения ВБУ в Рамсарский список в части ограничений хозяйственной деятельности (отказ от размещения в непосредственной близости от ВБУ аэропортов, свалок отходов), для их сохранения и изучения все чаще выделяются гранты международных природоохранительных организаций.

Актуальные правовые проблемы охраны болот, требующие решения

Несмотря на нормативное решение ряда проблем обеспечения надлежащего использования и охраны водно-болотных угодий, представляется обоснованным обсудить и предложить ряд шагов по дальнейшему регулированию их режима.

1. Необходимо дополнить ВК РФ специальным термином «водно-болотное угодье», что позволит отграничить болота как сложную экосистему от заболоченных территорий; необходимо дальнейшее проведение инвентаризации, установление границ ВБУ, требуется подготовка предложений по расширению Рамсарского списка; следует продолжить обсуждение критериев отнесения болот к землям водного фонда и иных категорий (например, считать критерием отнесения земель, на которых расположены болота, к нелесным землям (а не землям водного фонда) отсутствие в Государственном водном реестре сведений

о болоте как о водном объекте [6, с. 11]); можно предложить установление водоохранных зон для ВБУ в целях реализации экосетевого подхода (данный вопрос следует прямо передать на усмотрение органов власти субъектов РФ, поскольку в ряде субъектов РФ такой опыт уже есть, и размер буферных зон для болот установлен от 20 до 50 м; кроме самих размеров, указываются меры охраны этого объекта, запреты или ограничения хозяйственной деятельности [1, с. 239–240]).

2. Требуется решения вопрос о границах «разумного использования» водно-болотных угодий, предусмотренного Рамсарской конвенцией. В настоящий момент в России периодически фиксируются случаи осуществления различных видов хозяйственной деятельности в границах ВБУ, включая недропользование. В связи с этим следует согласиться с высказываемым в научной литературе мнением о необходимости нормативного установления четких запретов и ограничений в границах ВБУ, чтобы избежать «ручного управления» их использования и охраны, а также выделение их в качестве отдельной разновидности ООПТ [11].

3. Во многих странах мира экосетевой подход к охране отдельных природных объектов и комплексов реализуется как минимум в двух направлениях: изменение концепции создания ООПТ (вместо существующего в Российской Федерации «островного» подхода к их образованию, учет экосетевых связей ценных природных комплексов с другими природными объектами в ряде зарубежных стран проводится через конструкцию ядра, охранных зон и экологических коридоров) и развитие собственно правовой охраны ВБУ. Экосетевой подход слабо отражен в российском экологическом законодательстве, что требует его принципиального реформирования. В развитие экосетевого подхода могут внести свой вклад и субъекты РФ, поскольку внедрение ряда его элементов даже в рамках имеющегося законодательства не противоречит его положениям.

4. В настоящий момент в экологическом законодательстве России прямо выделяется два режима эколого-правовой охраны отдельных объектов и комплексов: обычный эколого-правовой режим (например, установление определенных требований, запретов и ограни-

чений, направленных на сохранение болот в ст. 57 ВК РФ), и режим особой охраны (образование заповедников, заказников и иных категорий ООПТ). По мнению А.П. Анисимова, следует выделить еще один эколого-правовой режим – «полуохраняемых» территорий, занимающих промежуточное положение между двумя официально признаваемыми режимами охраны природных объектов и комплексов [2]. К числу его объектов можно отнести водоохранные зоны, почвы, внесенные в Красную книгу почв и т. д. В случае разработки специального федерального закона об особенностях использования и охраны ВБУ, данная конструкция могла бы быть использована, что позволило бы повысить степень защищенности ВБУ, не вошедших в Рамсарский список.

5. В продолжение этой мысли далее стоит заметить, что ВБУ в России с точки зрения их правового режима целесообразно нормативно распределить в 4 группы (класса): 1-й класс – включенные в Рамсарский список; 2-й класс – ВБУ в составе федеральных ООПТ; 3-й класс – в составе региональных или муниципальных ООПТ; 4 класс – зафиксированные в Государственном водном реестре, но не находящиеся в составе любого ООПТ (на них распространяется обычный режим охраны).

6. В настоящий момент ВБУ, вошедшие в Рамсарский список, располагаются в границах федеральных ООПТ. В федеральной собственности также находятся ВБУ, не подпадающие под режим международной охраны, но и расположенные в границах федеральных ООПТ. Часть ВБУ расположена в границах региональных и местных ООПТ, и находится, соответственно, в собственности субъектов РФ и муниципальной собственности. При этом болота, не внесенные в Государственный водный реестр (а в настоящий момент это ровно так и происходит) [9, с. 201], могут находиться в частной собственности, поскольку с точки зрения земельного законодательства это просто сильно увлажненный земельный участок (например, сельскохозяйственного назначения). Вместе с тем тут есть противоречие со ст. 5, 8 ВК РФ, согласно которой болота – это поверхностный водный объект, а все такие объекты в собственности РФ. Развитие экосетевого подхода к охране ВБУ в масштабах всей страны потребует на-

лаживания взаимодействия между всеми субъектами прав на такие объекты.

Заключение

Водно-болотные угодья выполняют очень важную функцию поддержания стабильности экологических систем страны, поэтому требуют повышенных мер по их охране. Ввиду их особой природоохранной ценности при дальнейшем совершенствовании экологического законодательства следует учитывать накопленный опыт экосетевого подхода к охране природных комплексов и объектов, заложенного еще в Рамсарской конвенции и широко используемого во многих международных и национальных правовых актах. В настоящий момент ВБУ могут охраняться как посредством их включения в состав заповедников и иных категорий ООПТ, так и без такового. В последнем случае к мерам по их охране можно отнести только положения ст. 57 ВК РФ, носящей рамочный характер.

Учитывая, что болота не фиксируются в Государственном водном реестре, их полноценная правовая защита затруднена. Между тем кроме экологической ценности, водно-болотные угодья имеют и хозяйственное значение (рыболовство, охота, организация экологического отдыха и туризма, сбор ягод и т. д.), что требует поиска вариантов разумного использования ВБУ, как призывает Рамсарская конвенция. Нуждается в решении и вопрос о собственности на такие угодья.

Полноценное выполнение обязательств России в рамках Рамсарской конвенции нуждается в разработке программ восстановления и защиты водно-болотных угодий, законодательное закрепление дополнительных мер по охране ВБУ, которые не вошли в Рамсарский список, но требуют мер по их защите. Необходимо нормативное закрепление самого понятия ВБУ, расширение перечня дозволений и запретов, распространяющихся на данный природный комплекс.

Включение всех ВБУ в состав ООПТ едва ли будет целесообразно, поэтому необходима разработка режима «полуохраняемых» природных территорий применительно к водно-болотным угодьям, в чем должны участвовать субъекты РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абанина, Е. Н. Правовые основы организации лесного хозяйства в контексте устойчивого развития: дис. ... д-ра юрид. наук / Абанина Елена Николаевна. – Саратов, 2022. – 484 с.
2. Анисимов, А. П. «Полуохраняемые природные территории» в экологическом праве России и стран СНГ: дискуссионные вопросы / А. П. Анисимов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2018. – № 1. – С. 159–163.
3. Анисимов, А. П. Правовой режим водно-болотных угодий в России: анализ основных достоинств и недостатков / А. П. Анисимов, О. В. Попова // Современное право. – 2021. – № 3. – С. 45–51.
4. Белан, Л. Н. Сохранение болот как инструмент адаптации к условиям глобального изменения климата (на примере Республики Башкортостан) / Л. Н. Белан, Е. А. Богдан // Разведка и охрана недр. – 2017. – № 6. – С. 31–34.
5. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Ковыршина, Е. И. Правовой режим земель лесного фонда: дис. ... канд. юрид. наук / Ковыршина Елена Игоревна. – М., 2021. – 254 с.
7. Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц (Рамсарская конвенция): принята 2 февраля 1971 г. в г. Рамсар (Иран). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Корнев, А. А. Правовые проблемы отнесения болот к землям лесного фонда / А. А. Корнев // Актуальные проблемы лесного комплекса. – 2011. – № 30. – С. 30–33.
9. Костко, В. В. Актуальные проблемы практического применения отдельных положений законодательных и нормативно-правовых актов Российской Федерации в области водных отношений / В. В. Костко, М. Л. Марков // Третьи виноградовские чтения. Грани гидрологии: сб. докл. Междунар. науч. конф. памяти выдающегося русского гидролога Юрия Борисовича Виноградова / под ред. О.М. Макарьевой. – СПб., 2018. – С. 199–203.
10. Речиц, Е. В. Некоторые вопросы правовой охраны болот / Е. В. Речиц // Право.by. – 2015. – № 4. – С. 95–99.
11. Скибин, С. С. Правовой режим недропользования в пределах водно-болотных угодий международного значения / С. С. Скибин // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2013. – № 4. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=18039>. – Загл. с экрана.

12. Angelo, M. J. A Model Wetlands Protection Ordinance: Legal Considerations / M. J. Angelo // *University of Florida Journal of Law & Public Policy*. – 1987. – Vol. 1. – P. 54–86.

13. Connolly, K. D. Keeping Wetlands Wet: Are Existing Protections Enough? / K. D. Connolly // *Vermont Journal of Environmental Law*. – 2004. – Vol. 6. – P. 169–193.

14. Timoshenko, A. S. Protection of Wetlands by International Law / A. S. Timoshenko // *Pace Environmental Law Review*. – 1988. – Vol. 5. – P. 463–473.

REFERENCES

1. Abanina E.N. *Pravovye osnovy organizatsii lesnogo hozyajstva v kontekste ustojchivogo razvitiya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Foundations of Forestry Organization in the Context of Sustainable Development. Dr. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2022. 484 p.

2. Anisimov A.P. «Poluohranaemye prirodnye territorii» v ekologicheskom prave Rossii i stran SNG: diskussionnye voprosy [“Semi-protected Natural Territories” in Ecological Law of Russia and Cis Countries: Debatable Issues]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa* [Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business], 2018, no. 1, pp. 159-163.

3. Anisimov A.P., Popova O.V. Pravovoj rezhim vodno-bolotnyh ugodij v Rossii: analiz osnovnyh dostoinstv i nedostatkov [The Legal Regime of Wetlands in Russia: Analysis of the Main Advantages and Disadvantages]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2021, no. 3, pp. 45-51.

4. Belan L.N., Bogdan E.A. Sohranenie bolot kak instrument adaptatsii k usloviyam global'nogo izmeneniya klimata (na primere Respubliki Bashkortostan) [Preservation of Swamps as an Instrument of Adaptation to the Conditions of Global Climate Change (On the Example of the Republic of Bashkortostan)]. *Razvedka i ohrana nedr* [Exploration and Protection of Mineral Resources], 2017, no. 6, pp. 31-34.

5. Vodnyj kodeks Rossijskoj Federatsii ot 03.06.2006 № 74-FZ [Water Code of the Russian Federation No. 74-FZ dated 03.06.2006]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

6. Kovyrshina E.I. *Pravovoj rezhim zemel' lesnogo fonda: dis. ... cand. yurid. nauk* [The Legal Regime of Forest Fund Lands. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2021. 254 p.

7. Konvenciya o vodno-bolotnyh ugod'yah, imeyushchih mezhdunarodnoe znachenie glavnym obrazom v kachestve mestoobitanij vodoplavayushchih ptic (Ramsarskaya konvenciya): prinyata 2 fevralya 1971 g. v g. Ramsar (Iran) [Convention on Wetlands of International Importance Mainly as Habitats for Waterfowl (Ramsar Convention). Adopted on February 2, 1971 in Ramsar (Iran)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

8. Kornev A.A. Pravovye problemy otneseniya bolot k zemlyam lesnogo fonda [Legal Problems of Attribution of Swamps to the Lands of the Forest Fund]. *Aktual'nye problemy lesnogo kompleksa* [Actual Problems of the Forest Complex], 2011, no. 30, pp. 30-33.

9. Kostko V.V., Markov M.L. Aktual'nye problemy prakticheskogo primeneniya otdel'nyh polozhenij zakonodatel'nyh i normativno-pravovyh aktov Rossijskoj Federatsii v oblasti vodnyh otnoshenij [Actual Problems of Practical Application of Certain Provisions of Legislative and Regulatory Legal Acts of the Russian Federation in the Field of Water Relations]. *Tret'i vinogradovskie chteniya. Grani gidrologii: sb. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. pamyati vydayushchegosya russkogo gidrologa Yuriya Borisovicha Vinogradova* [Third Vinogradov Readings. Facets of Hydrology. Collection of Reports of the International Scientific Conference in Memory of the Outstanding Russian Hydrologist Yuri Borisovich Vinogradov]. Saint Petersburg, 2018, pp. 199-203.

10. Rechits E.V. Nekotorye voprosy pravovoj ohrany bolot [Some Issues of Legal Protection of Marshes]. *Pravo.by*, 2015, no. 4, pp. 95-99.

11. Skibin S.S. Pravovoj rezhim nedropol'zovaniya v predelakh vodno-bolotnyh ugodij mezhdunarodnogo znacheniya [The Legal Regime of Subsurface Use Within Wetlands of International Importance]. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii (Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i prava)* [Izvestia of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law)], 2013, no. 4. URL: <http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=18039>

12. Angelo M.J. A Model Wetlands Protection Ordinance: Legal Considerations. *University of Florida Journal of Law & Public Policy*, 1987, vol. 1, pp. 54-86.

13. Connolly K.D. Keeping Wetlands Wet: Are Existing Protections Enough? *Vermont Journal of Environmental Law*, 2004, vol. 6, pp. 169-193.

14. Timoshenko A.S. Protection of Wetlands by International Law. *Pace Environmental Law Review*, 1988, vol. 5, pp. 463-473.

Information About the Author

Anatoly Ya. Ryzhenkov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

Информация об авторе

Анатолий Яковлевич Рыженков, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.16>

UDC 347.61
LBC 67.404.5

Submitted: 08.05.2023
Accepted: 29.05.2023

**LEGAL PROTECTION OF TRADITIONAL FAMILY VALUES
BY THE LEGISLATION OF RUSSIAN FEDERATION:
THE SEARCH FOR A FUNDAMENTAL PARADIGM**

Pyotr S. Fedoseev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction. The paper examines the issue of forming the legal definition of “traditional family values” and notes the unacceptable, in the author’s opinion, excessive clericalization of this process. The author believes that the traditional value recognized as the basis of the institution of the family protected by law is formulated not only in the theological sources, but, first of all, developed by law and philosophical views prevailing in society. **Purpose.** To prove the groundlessness of handing over the formation of conceptual approaches to the principles of family law to exclusively the spiritual institutions of society. Their role should be considered as important, but not the only one, but rather optional. **Methods.** The prevailing research methods used in the paper are the historical and logical methods that ensure the reproduction in the mental sphere of the complex process of formation and development of the principles of family law. **Results.** The author has investigated the problem of becoming and forming the concept of “traditional family values”, a new concept for Russian family law; at the same time the author argues the point of view about the secular nature of this concept. **Conclusions.** As a result of the study, a point of view is developed on the need for a multidimensional approach to the content analysis of the ethical and legal concept of “traditional family values”, while respecting the equal importance of all sources of humanitarian knowledge: spiritual dogmas, cultural traditions, and philosophical ideas and views.

Key words: family law, traditional family values, clericalist concept of law, secular approach to understanding the principles of law, legal axiology.

Citation. Fedoseev P.S. Legal Protection of Traditional Family Values by the Legislation of Russian Federation: The Search for a Fundamental Paradigm. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 123-131. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.16>

УДК 347.61
ББК 67.404.5

Дата поступления статьи: 08.05.2023
Дата принятия статьи: 29.05.2023

**ПРАВОВАЯ ОХРАНА ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
РОССИЙСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ:
ПОИСК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЙ ПАРАДИГМЫ**

Петр Сергеевич Федосеев

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается вопрос формирования правовой дефиниции «традиционные семейные ценности», отмечается недопустимая, по мнению автора, излишняя клерикализация указанного процесса. Автор полагает, что традиционная ценность, признаваемая в качестве основы охраняемого законом института семьи, сформулирована не только в теологических источниках, но в первую очередь выработана правом и философскими взглядами, господствующими в социуме. **Цель:** доказать необоснованность передачи формирования концептуальных подходов к принципам семейного права в исключительное ведение духовных институтов общества, их роль должна рассматриваться как важная, но не единственная, а, скорее, факультативная. **Методы:** преобладающими методами исследования, примененными в статье, являются исторические и логические методы, обеспечивающие воспроизведение в мыслительной сфере сложного процесса становления и развития принципов семейного права. **Результаты:** автором исследована про-

блема становления и формирования нового для российского семейного права концепта «традиционные семейные ценности», при этом автор аргументирует точку зрения о светском характере указанного понятия. **Выводы:** в результате исследования выработана точка зрения о необходимости многоаспектного подхода к анализу содержания этико-правового концепта «традиционные семейные ценности», соблюдая при этом равную значимость всех источников гуманитарного знания – духовных догматов, культурных традиций и философских идей и взглядов.

Ключевые слова: семейное право, традиционные семейные ценности, клерикалистский концепт права, секулярный подход к осмыслению принципов права, юридическая аксиология.

Цитирование. Федосеев П. С. Правовая охрана традиционных семейных ценностей российским законодательством: поиск основополагающей парадигмы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 123–131. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.16>

Введение

Современная Россия переживает достаточно непростой этап становления новой государственной идеологии, обращенной к традиционным для российского общества ценностям – патриотизму, любви к Отечеству, уважению к многонациональной культуре нашей страны, правам человека и построению сплоченного солидарного общества, оплотом которого является семья. Впервые в законотворческой практике Российской Федерации гуманитарные основы жизни российского общества были сформулированы не только в Конституции страны, но и в подзаконном акте – Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ Президента РФ № 809) [3]. Основной задачей настоящей статьи является исследование формирования парадигмы «традиционные ценности» в российском частном праве. По нашему мнению, процесс ее формирования достаточно противоречив и требует тщательного осмысления не только на уровне теоретических разработок, но и как социального концепта, формирование которого не может сводиться исключительно к попытке нормативного закрепления теологических доктрин, но требует всестороннего анализа с привлечением методологии не только гуманитарных, но и естественных наук. В данном вопросе следует согласиться с мнением А.О. Иншаковой, отмечавшей необходимость рациональной ревизии ключевых идей развития частного права [1, с. 6].

О необходимости секулярного подхода к формированию правовой дефиниции «традиционные семейные ценности»

Указ Президента РФ № 809 предлагает под традиционными ценностями понимать нравственные ориентиры, передаваемые из поколения в поколение, целями которых является укрепление гражданского единства и обеспечение унифицированного культурного пространства внутри страны. Полагаем, что предложенное в Указе определение достаточно подробно и объемно характеризует исследуемое явление, однако, некоторые аспекты приведенной дефиниции нуждаются в дополнительном осмыслении в контексте юридического дискурса.

Термин «традиционные ценности» состоит из двух элементов, нуждающихся в отдельном осмыслении и оценке возможности его применения к институтам права.

Оценочное понятие «традиционный» в философской энциклопедии определяется как концентрирующие образцы, стереотипы деятельности, которые путем временной передачи обеспечивают воспроизводство в жизни человеческих общностей, в деятельности новых поколений аккумулированного социального опыта [8, с. 936].

Вместе с тем не все традиции имеют свойство ценностей. Некоторые анонимные, стихийно сложившиеся системы образцов, норм, правил, которыми руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей, имеют характер вредных и опасных, например, с точки зрения медицины. Ценность обычаям придается только при наличии ряда позитивных характеристик.

Во-первых, ценными могут признаваться те традиции, которые складываются в условиях цивилизации, то есть определенного уровня социального и политического развития, позволяющего признавать приоритет за человеческой жизнью перед государственными и политическими институтами.

Во-вторых, ценность имеют те традиции, которые носят характер общечеловеческих, то есть признаваемых в равной степени за всеми членами общества, единых для всех и лежащих в основе цивилизованного существования.

И, наконец, в-третьих, ценными признаются традиции, которые не покушаются на свободу и достоинство человека и не ведут к дискриминации по религиозному, половому или иному признаку.

Полагаем, что в соответствии с перечисленными признаками можно построить аксиологическую иерархию ценностей, на первом месте в которой будет находиться человек, под которым мыслится носитель индивидуального самосознания – основы систематического осмысления бытия.

Следующей ступенью в иерархии ценностей является аксиологическое осмысление общественной жизни человека и возникающие из социального характера личности человека связи его с иными членами общества. Первым элементом социального бытия человека является семья, наиболее элементарное объединение индивидуумов, предполагающее взаимное отношение «я» и «не-я», основанное на элементарных началах этики и аксиологии.

Другим звеном в иерархии социальных ценностей нами признаются ценности, возникающие в рамках взаимодействия больших человеческих коллективов, таких как государство, религиозных или национальных общностей.

Семейные отношения в качестве социальных связей могут регулироваться такими внеправовыми способами воздействия, как эмоции, испытываемые друг к другу членами семьи, авторитетом главы семьи, подчинение которому составляет основу совместного проживания. Регулятивные функции могут иметь и традиции, господствующие в данное время в исследуемом обществе, причем традиции могут иметь не только религиозное происхож-

дение, но и быть глубоко светскими, например, особенности национального уклада, передаваемые из поколения в поколение.

Очевидно, что большие общности людей нуждаются в регулировании общепризнанными, объективированными и санкционированными общим признанием и наделенными принудительной силой нормами поведения. По нашему мнению, одним из наиболее эффективных регуляторов в цивилизованном обществе являются юридические нормы, пронизывающие все сферы социального бытия.

Таким образом, имплементированность семейных объединений в более сложную социальную структуру, такую как государство, не может оставить семью вне правового регулирования.

В современной России происходит процесс религиозного ренессанса, церковь воздействует на все большее количество сфер общественной жизни – семью, образование, науку. Не обошла стороной клерикализация российской политической жизни и семейные отношения, на которые церковь, пользуясь исторически сложившимся авторитетом в данной сфере, оказывает влияние.

Признанные государством российские религиозные организации, руководствуясь благими побуждениями, пытаются присущими им методами спасти общество от моральной деградации и окончательного разрушения. Так, Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом были определены основные угрозы для современного российского общества и его основного элемента – семьи. Среди них – разводы, аборт, алкоголизм и наркомания, в том числе среди несовершеннолетних [5].

Для реализации политики в сфере брачно-семейного регулирования была образована Патриаршая комиссия по вопросам семьи и защиты материнства, которая в своей деятельности руководствуется Основами социальной концепции Русской православной церкви, принятой 13–16 августа 2000 г. (далее – Основы).

Разработчики Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. полагают, что выход из сложившейся ситуации может обеспечить восстановление традиционных семейных цен-

ностей, устойчивости брака, уважения родительской власти, прочности многодетной многопоколенной семьи, любви к детям, проявляющейся в том числе в любви к ребенку, еще находящемуся в утробе матери, в сближении церкви и государства, особенно в сфере семейных отношений [2].

В то же время в странах Европейского союза, в частности во Франции, идет процесс пересмотра традиционных социальных устоев и переоценка семейных ценностей. Так, 28 мая 2013 г. был принят Закон «О браке для всех», узаконивший однополые союзы и уравнявший их в правовом статусе с традиционными семьями. Основными противниками упомянутого закона стали представители всех религиозных конфессий Франции, в то время как граждане республики оценили принятие Закона «О браке для всех» не так однозначно отрицательно [6, с. 29].

Российский законодатель отреагировал на принятие Закона «О браке для всех» Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [4]. В соответствии с этим законом лица, состоящие в однополном браке, зарегистрированном в государстве, в котором такой брак разрешен, не могут быть усыновителями, опекунами и попечителями в Российской Федерации.

Вместе с тем, несмотря на непризнание однополых браков, в России действует политика недискриминации и обеспечения основных конституционных прав однополых союзов. Лица нетрадиционной ориентации пользуются теми же правами, что и лица гетеросексуальной ориентации: свобода мысли и слова, передвижения, неприкосновенность личной жизни и др.

Критики Закона «О браке для всех» исходят из расхожего тезиса о том, что отсутствие легального определения понятия «брак» и «семья» влечет возможность узаконения таких форм сожительства, как однополый брак и иные формы сожительства, не укладывающиеся в традиционную доктрину брака и семьи. В связи с этим в литературе высказывается мнение о том, что в результате абсолютизации юридического подхода, как един-

ственно правильного при регулировании общественных отношений, происходит подрыв основ семьи, деградация общества [6, с. 30].

По мнению О.Н. Петюковой, в христианстве семейные ценности производны от брака, а право берет за основу понятие семьи. В связи с этим в каноническом понимании брака семья создается для воплощения изначальной божественной воли, требовавшей от человека продолжения рода и населения земной поверхности. В свою очередь, семье, как союзу, созданному для рождения детей и заботе о них, противопоставляется брак, как взаимное, волевое соглашение двух дееспособных лиц, имеющее юридическую природу сделки и порождающее имущественные и неимущественные последствия как для самих супругов, так и для их детей.

В связи с изложенной концепцией признания приоритета семьи как средства продолжения рода над юридическим составом ее сторонники предлагают в вопросах регулирования деторождения руководствоваться Основами, которые построены на трудах достаточно противоречивого русского философа И.А. Ильина и патрологическом учении почитаемых православной церковью старцев. О парадоксальности применения клерикальных концепций к современным семейным отношениям говорит то обстоятельство, что церковь считает нравственно недопустимыми все разновидности экстракорпорального (внетелесного) оплодотворения, предполагающие заготовление, консервацию и намеренное разрушение «избыточных» эмбрионов.

В то же время на сегодняшний момент каждое пятое лицо детородного возраста обоих полов не может иметь детей, поэтому искусственное оплодотворение для них является единственным шансом реализовать себя как родителей и продолжателей человеческого рода.

В данном случае мы полагаем, что церковь искусственно создает те трудности, которые уже становились причиной секуляризации брачно-семейных отношений в России начала XX века. Трудно понять, как религиозная организация берет на себя полномочия решать за супругов, провозглашенных законодательством самостоятельными и дееспособными субъектами правоотношений, каким

образом им реализовать свое право на зачатие и рождение детей. Кроме того, церковь вновь идет по дискриминационному пути, возлагая на себя полномочия по разработке предложений органам государственной власти в сфере совершенствования законодательства в указанной сфере, не имея при этом в составе комиссии ни одного представителя не только иных конфессий, распространенных на территории России, но и адептов инославных христианских церквей [9].

На наш взгляд, происходит очевидная клерикализация актов семейного правового регулирования, которая исходит из неверного с правовой точки зрения понимания семьи, брака, отношений детей и родителей.

Влияние церковных догматов на семейное право в современной России не является абсолютным благом. Так, передача инициативы по правовому регулированию семейных правоотношений духовенству представляет собой констатацию бессилия светской власти в решении вопросов укрепления семьи, защите детства и материнства. На наш взгляд, декларированное Концепцией семейной политики расширение участия Русской православной церкви, а также других религиозных организаций граждан, исповедующих религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, иных общественных организаций в принятии решений в сфере семейных отношений, в укреплении духовно-нравственных основ семейной жизни, в действии комиссий по делам несовершеннолетних, формирование состава указанных комиссий не менее чем на половину из представителей духовенства, введение предварительной общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов религиозными организациями, станет основанием для перманентных разбирательств между представителями разных конфессий по вопросам канонической оценки институтов семейного права. В то же время следует отметить, что Указ Президента РФ, признавая многоконфессиональный характер российского общества и формирования концепта «традиционные ценности» в контексте основных мировых религий, тем не менее, главенствующую роль в определении российского духовно-нравственного дискурса возлагает на православие. Сложно согласить-

ся с подобным подходом, однако он декларируется в тексте Указа Президента РФ.

Передача инициативы религиозным организациям в вопросах экспертного анализа нормативных правовых актов семейного законодательства, на наш взгляд, вступает в противоречие с декларированным ст. 28 Конституции Российской Федерации правом на свободу вероисповедания. Как следует из постановления Конституционного суда Российской Федерации от 23.11.1999 № 16-п, свобода вероисповедания означает свободу создания религиозных объединений и свободу их деятельности на основе принципа юридического равенства [7].

Таким образом, предусмотренное Концепцией семейной политики расширенное участие представителей Русской православной церкви в экспертной деятельности по вопросам семейного законодательства является очевидным актом дискриминации по отношению к другим религиозным конфессиям, а также к части общества, позиционирующей себя, как атеистов или приверженцев нетрадиционных религиозных верований.

На наш взгляд, критическая ситуация, сложившаяся в России в последние два десятилетия рубежа XX–XXI вв., обусловлена не только не принятием обществом христианских семейных ценностей, но и иными, гораздо более важными факторами. Семья, как явление, напрямую связанное с общественно-экономическим укладом жизни, не может не реагировать на кризисные изменения в материальной сфере общественных отношений. Так, разрушение патриархальной, большой семьи, существовавшей в России до изменения экономической ситуации, вызвано переходом страны от аграрной экономики к промышленно развитому капиталистическому государству.

На наш взгляд, церковное участие в вопросах защиты прав родителей, детей и иных субъектов брачно-семейных отношений должно быть одним из многих компонентов, наряду с юридическим регулированием защиты прав несовершеннолетних членов семьи, педагогическим осмыслением проблем воспитания детей, охраны семьи и материнства экономическими методами. В противном случае церковное влияние в той форме, в которой мы

его обнаружили в концептуальных декларациях Русской православной церкви по вопросам регулирования семейных отношений, следует признать очередным разъединяющим фактором, препятствующим общественному диалогу, между государством и институтами гражданского общества.

Кроме того, религиозное влияние на улучшение ситуации в Российской Федерации в сфере защиты прав родителей и детей должно носить характер межконфессионального диалога, строящегося с учетом религиозных догматов всех основных верований, последователи которых проживают на территории нашего государства. В настоящее время ситуация с объективацией позиции религиозных организаций имеет вид декларирования основных религиозных постулатов церковного видения семейной жизни, и в случае несогласия с ними государства или общества, осуждения такой позиции как маргинальной, бездуховной и не имеющей права на существование.

В связи со сказанным, полагаем возможным согласиться с мнением М.А. Суворова, оценивавшего ситуацию с воздействием религиозных институтов, в первую очередь Русской православной церкви, на общественное сознание в современной России. Так, исследователем справедливо утверждается, что религиозные объединения в нашей стране условно можно разделить на две группы: традиционные, то есть «свои» – культуuroобразующие и воспитывающие. Исторически в России традиционным религиозным объединением считается Русская православная церковь, поскольку культурное и духовное развитие нашей страны связывается с православием.

«Свои» религиозные объединения в информационном дискурсе противопоставляются «чужим», то есть нетрадиционным религиозным объединениям. В частности, М.А. Суворов утверждает, что в работах православных священников «чужими» считаются не только представители иных, кроме православия, религиозных конфессий, но и научные труды, которые с позиций научного анализа пытаются осмыслить социальные проблемы современной России [10, с. 50].

В то же время официального определения «традиционный» и «нетрадиционный» применительно к религиозным верованиям не

существует. Применение этих категорий к конфессиям, законно существующим на территории Российской Федерации, само по себе провоцирует конфликт на религиозной почве. Тем не менее указанная дихотомия введена в дискурс председателем Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации – А.Л. Дворкиным. По его мнению, традиционными религиями, представленными в России, являются православие, ислам, буддизм и иудаизм [10, с. 152].

Полагаем, что воздействие на такую комплексную сферу общественных отношений, как семья и брак, должно осуществляться не только на основании религиозного мировоззрения, но в первую очередь с учетом мнения социологов, педагогов, юристов и иных представителей гуманитарных наук самой высокой квалификации.

Многими исследователями признается состояние информационной войны, в котором находится современное постмодернистское общество, для которого характерно агрессивное манипулирование сознанием целевой аудитории, в том числе части населения, позиционирующей себя, как православные христиане. В условиях светского государства предоставление решающего права голоса религиозным общественным организациям, не имеющим административных полномочий на решение задач охраны семейных ценностей, представляется неправомерным и дискриминационным не только в отношении иных религиозных конфессий, но и той части населения, которая не причисляет себя к той или иной церкви или религии.

Очевидно, что российское общество сохраняет патриархальные устои, связанные с неприятием однополых браков, изменения гендерных ролей в семье, оценке роли детей в семье, тем не менее, семья испытывает на себе все те негативные экономические изменения, которым подвержена российская действительность. На наш взгляд, сохранение семейных ценностей не должно носить характер сиюминутных «акций», требуемых для поддержания престижа властных структур, укрепления позиций в обществе религиозных организаций, но должно иметь характер целенаправленной, научно обоснованной деятель-

ности органов государственной власти, основанной на положениях действующего законодательства, в первую очередь Конституции Российской Федерации.

Выводы

Подводя итог исследования, полагаем справедливыми следующие выводы.

Семейные ценности как объект правового регулирования в Российской Федерации нуждаются в дальнейшем аналитическом осмыслении не только с позиций канонических догматов, но в первую очередь с учетом последних достижений социологических наук. Требуется научное обоснование и формулирование понятийного аппарата семейного законодательства в условиях информационного и медийного противостояния, являющегося главным признаком постмодернистского общества.

В настоящее время существует определенный перекосяк в решении вопросов охраны материнства и детства, а также брачно-семейных отношений в сторону церковной догматики. Полагаем, что религиозное мировоззрение в силу неоднородности конфессионального состава населения России, а также разницы в обрядовой и догматической части различных религий не может быть руководством для принятия нормативных правовых актов в сфере регулирования семейных правоотношений.

Представляется, что должна проводиться критическая оценка предлагаемых общественными организациями интерпретаций семейных ценностей как патриархального, так и либерального характера. Социальная и юридическая оценка как многопоколенных семей, так и однополых браков должна носить информационно-прогностический характер, оставляя решение о том, какими семейными ценностями руководствоваться на усмотрение самих участников брачно-семейных правоотношений. Вмешательство государственных или общественных организаций, в том числе и религиозных, не должно осуществляться до момента нарушения или создания реальной угрозы нарушения прав совершеннолетних членов семьи, или детей, проживающих в ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иншакова, А. О. Определяющие факторы развития юрисдикций: эволюция правовой политики и правовой культуры / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.1>
2. Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (общественный проект) : в 3 ч. / сост. Е. Б. Мизулина [и др.]. – М., 2013. – Ч. 1.
3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ // *Собрание законодательства РФ*. – 2022. – 9 нояб. (№ 809) ; 2022. – 14 нояб. (№ 46). – Ст. 7977.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : федер. закон от 2 июля 2013 г. № 167-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 2013. – 8 июля (№ 27). – Ст. 3459.
5. Основы социальной концепции Русской православной церкви, 13–16 августа 2000 года // *Русская Православная церковь* : офиц. сайт Московского Патриархата. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.patriarchia.ru/db/text/141422. – Загл. экрана.
6. Петюкова, О. Н. Семейные ценности: правовое и религиозно-нравственное измерение / О. Н. Петюкова // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. – 2013. – Т. 2, вып. 6 (122). – С. 28–32.
7. По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления» : постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П // *Российская газета*. – 1999. – 16 дек. (№ 249-250).
8. Современный философский словарь / под общ. ред. д. ф. н., проф. В. Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и доп. – Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; М. ; Минск : Панпринт, 1998. – 1064 с.
9. Состав Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства // *Официальный сайт патриаршей комиссии по вопросам семьи, материнства и детства*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://pk-semya.ru/polozhenie-o-komissii/item/88-sostav-patriarshej-komissii.html>. – Загл. экрана.

10. Суворов, М. А. Механизмы и агенты манипуляции религиозным сознанием в современном российском обществе : дис. ... канд. филос. наук / Суворов Михаил Андреевич. – Чита, 2015. – 211 с.

REFERENCES

1. Inshakova A.O. Opredelyayushchie faktory razvitiya yurisdikcij: evolyuciya pravovoj politiki i pravovoj kul'tury [Determining Factors of the Development of Jurisdictions: The Evolution of Legal Policy and Legal Culture]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, vol. 19, no. 4, pp. 6-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.4.1>

2. Mizulina E.B. et al., eds. *Koncepciya gosudarstvennoj semejnoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 g. (obshchestvennyj proekt): v 3 ch.* [The Concept of the State Family Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025 (Public Project): In 3 Parts]. Moscow, 2013, part 1.

3. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej: ukaz Prezidenta RF [On the Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2022, 9 Nov. (no. 809), 2022, 14 Nov. (no. 46), art. 7977.

4. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam ustrojstva detej-sirot i detej, ostavshihnya bez popечeniya roditel'ej: feder. zakon ot 2 iyulya 2013 g. № 167-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Placement of Orphans and Children Left Without Parental Care: Federal Law No. 167-FZ of July 2, 2013]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2013, 8 July (no. 27), art. 3459.

5. Osnovy social'noj koncepcii Russkoj pravoslavnoj cerkvi, 13–16 avgusta 2000 goda [Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church, August 13–16, 2000]. *Russkaya Pravoslavnaya cerkov': ofic. sajt Moskovskogo*

Patriarhata [Russian Orthodox Church. The Official Website of the Moscow Patriarchate]. URL: www.patriarchia.ru/db/text/141422

6. Petyukova O.N. Semejnye cennosti: pravovoe i religiozno-nravstvennoe izmerenie [Family Values: Legal and Religious-Moral Dimension]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta* [Scientific Notes of the Russian State Social University], 2013, vol. 2, iss. 6 (122), pp. 28-32.

7. Po delu o proverke konstitucionnosti abzacev tret'ego i chetvertogo punkta 3 stat'i 27 Federal'nogo zakona ot 26 sentyabrya 1997 g. «O svobode sovesti i o religioznyh obyedineniyah» v svyazi s zhalobami Religioznogo obshchestva Svidetelej Iegovy v gorode Yaroslavle i religioznogo obyedineniya «Hristianskaya cerkov' Proslavleniya»: postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23 noyabrya 1999 g. № 16-P [In the Case of Checking the Constitutionality of Paragraphs 3 and 4 of Paragraph 3 of Article 27 of the Federal Law of September 26, 1997 “On Freedom of Conscience and Religious Associations” in Connection with the Complaints of the Religious Society of Jehovah’s Witnesses in Yaroslavl and the Religious Association “Christian Church of Glorification” Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 23, 1999 No. 16-P]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 1999, 16 Dec. (no. 249-250).

8. Kemerov V.E., ed. *Sovremennyy filosofskij slovar'* [Modern Philosophical Dictionary]. London, Frankfurt-na-Majne, Parizh, Lyuksemburg, Moscow, Minsk, Panprint Publ., 1998. 1064 p.

9. Sostav Patriarshej komissii po voprosam sem'i, zashchity materinstva i detstva [The Composition of the Patriarchal Commission on Family Issues, Protection of Motherhood and Childhood]. *Oficial'nyj sajt patriarshej komissii po voprosam sem'i, materinstva i detstva* [Official Website of the Patriarchal Commission on Family, Motherhood and Childhood]. URL: <https://pk-semya.ru/polozhenie-o-komissii/item/88-sostav-patriarshej-komissii.html>

10. Suvorov M.A. *Mekhanizmy i agenty manipulyacii religioznym soznaniem v sovremennom rossijskom obshchestve: dis. ... kand. filos. nauk* [Mechanisms and Agents of Manipulation of Religious Consciousness in Modern Russian Society. Cand. philosophy sci. diss.]. Chita, 2015. 211 p.

Information About the Author

Pyotr S. Fedoseev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, civilp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8261-7597>

Информация об авторе

Петр Сергеевич Федосеев, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, civilp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8261-7597>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.17>

UDC 347.77
LBC 67.404.3

Submitted: 17.04.2023
Accepted: 10.05.2023

PROBLEMS OF THE LEGAL REGULATION OF COPYRIGHT AS A COMMODITY

Irina V. Shirkova

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky,
Donetsk, DNR, Russian Federation

Introduction. The development of economic and social relations leads to a change in the role of the results of intellectual activity, which, in turn, requires new legal solutions to ensure the legal protection of intellectual property objects. There are many definitions of the concept in the scientific literature, but the unity in their understanding has not been achieved. There is no clear definition of the concept of “exclusive rights” in the regulatory framework; only the structure of exclusive rights is asserted. Taking into account the multidimensional definition of “copyright as a commodity”, it is quite possible and expedient from a scientific point of view to analyze certain ideas of this phenomenon, considering the legal regulation of protecting intellectual property as a commodity and protecting exclusive rights. **Methods.** In the study of the essence of copyright as a commodity, implying exclusive rights in its structure, the dialectical method was used, representing a complex interaction of theoretical deduction and empirical induction, the unity of analysis and synthesis, which made it possible to comprehensively study the content of the subject. **Results.** The legislative framework has made it possible to identify the ways to create items covered by copyright, to use protectable results of intellectual activity and means of individualization and to dispose of exclusive rights. The author has analyzed the inconsistency of the legal regulation of copyright as a commodity, which by virtue of the law is not absolute, since, in cases established by law, it can be conferred to several persons, and, therefore, does not belong to one person. **Conclusions.** The necessity of changing the civil legislation regulating exclusive rights is substantiated, since copyright has features that distinguish it from the right to ownership; it is necessary to consider it as an independent legal category belonging to a sub-branch of civil law.

Key words: rights to the results of intellectual activity, exclusive rights, use of exclusive rights, disposal of exclusive rights, intellectual property.

Citation. Shirkova I.V. Problems of the Legal Regulation of Copyright as a Commodity. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 132-138. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.17>

УДК 347.77
ББК 67.404.3

Дата поступления статьи: 17.04.2023
Дата принятия статьи: 10.05.2023

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ТОВАРА

Ирина Владимировна Ширкова

Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

Введение: развитие экономических и общественных отношений приводит к изменению роли результатов интеллектуальной деятельности, что, в свою очередь, требует новых юридических решений по обеспечению правовой охраны объектов интеллектуальной собственности. В научной литературе существует много определений дефиниции, но единства в их понимании так и не достигнуто. Четкое определение понятия «исключительные права» в нормативно-правовой базе отсутствует, удостоверяется только структура исключительных прав. Учитывая многоаспектность дефиниции «право интеллектуальной собственности как товар», вполне возможным и целесообразным с научной позиции является анализ отдельных положений этого феномена, принимая во внимание правовую регламентацию охраны интел-

лектуальной собственности как товара и защиты исключительных прав. **Методы:** в исследовании сущности права интеллектуальной собственности как товара, подразумевающего в своей структуре исключительные права, использовался диалектический метод, представляющий комплексное взаимодействие теоретической дедукции и эмпирической индукции, единство анализа и синтеза, позволивший комплексно изучить содержание предмета. **Результаты:** законодательная база позволила выделить способы по созданию объектов интеллектуальных прав, по использованию охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации; по распоряжению исключительных прав. Проанализирована несостоятельность правового регулирования права интеллектуальной собственности как товара, в силу закона не являются абсолютными, так как в установленных законом случаях могут закрепляться за несколькими лицами, а следовательно, не принадлежат одному лицу. **Выводы:** обоснована необходимость изменения гражданского законодательства, регулирующего исключительные права, так как право интеллектуальной собственности имеет особенности, отличающие его от права собственности, необходимо рассматривать его как самостоятельную правовую категорию, относящуюся к подотрасли гражданского права.

Ключевые слова: права на результаты интеллектуальной деятельности, исключительные права, использование исключительных прав, распоряжение исключительными правами, интеллектуальная собственность.

Цитирование. Ширкова И. В. Проблемы правового регулирования права интеллектуальной собственности как товара // *Legal Concept* = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 132–138. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.17>

Введение

В современных условиях объекты интеллектуальной собственности выступают не только как нематериальные блага, но и как товар, в связи с чем необходима правовая основа для обеспечения гарантированности охраны и защиты интеллектуальной собственности. Актуальность исследования обусловлена недостаточной научной разработкой ряда вопросов, касающихся правовой регламентации охраны и защиты права интеллектуальной собственности.

Попытаемся обобщить существующие определения понятия «право интеллектуальной собственности», учитывая дискуссионность положений, выдвигаемых многими юристами с целью выяснения возможности использования норм вещного права для правового регулирования объектов интеллектуальной собственности либо целесообразности выделения исключительных прав в качестве самостоятельной категории. Объектом анализа дефиниции «право интеллектуальной собственности» не будут являться личные неимущественные права, поскольку они не подпадают под правовое регулирование права интеллектуальной собственности как товара.

С точки зрения О.В. Новосельцева термин «интеллектуальная собственность» включает в себя как объекты интеллектуальной собственности, так и связанные с ними иму-

щественные права [18], тем самым подчеркивая комплексную структуру интеллектуальной собственности. По мнению Э.П. Гаврилова, имеется только терминологическое различие в том, что интеллектуальной собственностью называются именно права на результаты и средства индивидуализации, а не объекты гражданских прав [8]. Похожей точки зрения придерживается Э.А. Джалилов, акцентируя внимание не на отождествлении объектов интеллектуальной деятельности и вещей, а на сходстве двух видов собственности, а значит, допускается возможность применения норм вещного права [10].

В.А. Дозорцев, сопоставляя исключительные права с правом собственности и другими вещными правами, делает иное заключение о том, что исключительные права – это совершенно другая группа прав, и поэтому настаивает на использовании в правовых актах термина «исключительные права», а не «интеллектуальная собственность» [11].

Гражданское законодательство в ст. 1226 ГК РФ [9], закрепляя структуру интеллектуальных прав, указывает их элементы, а именно – исключительные права, которые по сути являются имущественным правом, поскольку речь идет о возможности распоряжения правом на объекты интеллектуального труда, а также личные неимущественные права (право на имя автора и право на неприкосновенность объекта и иные права (право следования, пра-

во доступа и другие). То есть исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности законодатель сопоставляет с правом собственности на имущество. И хотя имущество относится к материальным благам, а интеллектуальная собственность – к нематериальным, в современных условиях объекты творчества выступают в качестве товара [20].

Если отталкиваться от сходства исключительных прав и права собственности, то должна проследиваться аналогичность и в их структурных элементах, однако в структуре права собственности на имущественные объекты содержатся три элемента: владение, пользование и распоряжение (ст. 209 ГК РФ) [9], в отличие от содержания исключительных прав, в котором их только два: использования объектов интеллектуальной собственности и распоряжения исключительными правами (ст. 1229 ГК РФ) [9]. То есть исключительными правами невозможно владеть. В подтверждение этого закреплен запрет гражданским законодательством на их отчуждение (ч. 4 ст. 129 ГК РФ) [9], и тут же предусмотрена правовая «щероховатость», что права на такие результаты и средства, а также материальные носители, в которых выражены соответствующие результаты или средства, могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в определенных случаях, установленных законом [10]. В целях недопущения юридического коллапса П.П. Баттахов предлагает, учитывая законодательную лояльность, изменить содержание статьи, исключив запрет возможностью отчуждения результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации посредством передачи исключительных прав на такие результаты и средства [6].

Основное содержание

Несмотря на существенные отличия объектов интеллектуальной собственности, все они имеют общий признак для своей группы и отличающий от объектов вещных прав – нематериальный характер. В связи с чем в гражданском обороте либо правообладатель самостоятельно использует охраняемые объекты интеллектуальной собственности, либо дает разрешение другим лицам на ис-

пользование, либо запрещает использование. Так как запрет осуществляется правообладателем, а не иным лицом, то право запрета является абсолютным, характеризующий смысл, заложенный в названии самого исключительного права, правообладатель исключает из круга лиц, которые вправе использовать охраняемый объект, то есть это право исключительное [7]. Следовательно, «исключительность», лежащая в основе структурного элемента интеллектуальной собственности – исключительных прав, является существенным отличающим признаком исключительных прав от права собственности на вещь. В связи с чем для того же сравнения целесообразно рассмотреть способы использования (осуществления) охраняемых объектов интеллектуальной собственности.

Часть 1 ст. 2 ГК РФ [9] определяет правовую процедуру и возможность реализации прав на объекты интеллектуальной собственности (интеллектуальных прав), а также договорные и иные обязательства. Как отмечает Л.А. Новоселова, происхождение результатов интеллектуальной деятельности осуществляется как в рамках договорных отношений, так и за их пределами в результате инициативной творческой деятельности [17].

Договорные отношения в сфере интеллектуальных прав дифференцируются на три группы: связанные с происхождением (созданием) объектов интеллектуальных прав; с реализацией (использованием) результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации; с распоряжением исключительных прав.

Создание результатов интеллектуальной деятельности осуществляется на основании следующих видов договоров: договора авторского заказа, особенностью применения которого является обращение к положениям договора об отчуждении исключительного права или лицензионному договору при его реализации. Это, по мнению К.Р. Абасовой, характеризует договор авторского заказа как договор, в котором стороны, содержание и условия аналогичны гражданско-правовому договору [1]. Характерная черта договора заказа на разработку компьютерных программ и других информационных систем – принадлежность заказчику исключительных прав,

если договором не предусмотрено иное. При этом исполнитель, удовлетворяя личные интересы, может использовать созданный объект на условиях лицензии; договора подряда либо договоров, связанных с выполнением различного рода исследовательских или технологических работ, особенность договора – распоряжение созданным в непредусмотренных договорными условиями обстоятельствах произведением, как правило, принадлежит исполнителю. При заключении государственного или муниципального контракта для произведений науки, литературы и искусства, исключительное право на указанные объекты принадлежит исполнителю (автору) [9].

Перечисленные выше основания договорных обязательств в сфере интеллектуальных прав являются основными способами коммерциализации интеллектуальной собственности. В.И. Мухопад определяет коммерциализацию интеллектуальной собственности как деятельность, осуществляемую различными средствами и способами, преобразовывающую объекты интеллектуальной собственности в прибыль [16]. Похожей точки зрения придерживается и Л.И. Лукичева, характеризующая коммерциализацию как возможность получения прибыли от использования объектов интеллектуального труда как внутри, так и вне предприятия [16]. Другой точки зрения придерживаются М.М. Криворотов и Н.В. Мухаровский, которые определяют приоритетность в использовании прав интеллектуальной собственности для получения прибыли, также повышение инвестиционной привлекательности и формирование выгодной конкурентной среды [15].

Использование исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации товаров, работ, услуг осуществляется на основании общих правил оборотоспособности, однако нематериальный характер результатов интеллектуальной деятельности влияет на их своеобразие. В связи с чем некоторые юристы считают, что к используемым способам коммерциализации можно отнести такие гражданско-правовые отношения, как: технические услуги, коммерческую концессию, инжиниринг, лизинг и др. Технические услуги, по их мнению, могут быть востребованы при применении определенной

технологии в производстве либо в установке оборудования. Кроме этого, договорными отношениями могут предусматриваться как аренда оборудования, так и подрядные работы [3, с. 94].

Договор лизинга может заключаться от имени собственника прав на объекты интеллектуальной собственности на любые непотребляемые вещи, кроме земельных участков и других природных объектов [2, с. 26–31].

В соответствии со ст. 1027 ГК РФ [9] действие договора коммерческой концессии предусматривается в сфере предпринимательской деятельности и в отношении коммерческих организаций, а договор должен в обязательном порядке иметь возмездный характер. П.П. Баттахов предлагает изменить данную статью о коммерческой концессии в ГК РФ и дополнить правом некоммерческих организаций вступать в такие договоры на общих основаниях [5].

Согласно п. 1 ст. 1233 ГК РФ [9] правообладатель кроме вышеуказанных способов распоряжения исключительными правами может использовать и другие, не противоречащие закону способы, а именно при наследовании в порядке универсального правопреемства; при реорганизации юридического лица либо его преобразовании в случае изменения количества собственников в составе учредителей; на основании лицензионного договора; в качестве вклада участника хозяйственного общества или товарищества в его имущество, при соблюдении процедуры денежной оценки исключительного права; по договору залога, при использовании объектов интеллектуальной собственности и распоряжении исключительным правом на них в течение срока действия данного договора без согласия залогодержателя [14]; по договору доверительного управления; по брачному договору, в котором определяется правовой режим объектов, права на которые принадлежат супругу (супругам), а также другие условия, связанные с имущественными отношениями супругов и др. [19].

Анализ вышеуказанных статей Гражданского Кодекса РФ позволяет установить отсутствие определения исключительных прав и их структуры, как сущностной составляющей права интеллектуальной собственности, а также проследить уравнивание законодателем ис-

пользования объектов интеллектуальной собственности и имущественных объектов в качестве предмета договорных отношений, при том, что объект использования и распоряжения в праве интеллектуальной собственности, в отличие от права собственности, различен. Нельзя не согласиться с В.А. Дозорцевым, который считал, что объектом использования является сам результат, а объектом распоряжения право на него, право его использования [12; 13], в связи с чем исключительное право представляет собой вполне самостоятельную правовую категорию, отдельную от права собственности [12]. Такой же точки зрения придерживается и Т.Ю. Астахова, что современные условия гражданского оборота требуют выделения исключительных прав в качестве самостоятельной категории прав и расширения традиционной системы прав [4].

К договорным отношениям, регулирующим создание, исполнение и распоряжение исключительными правами, применяются нормы, регулирующие гражданско-правовые договоры, законодатель и в ст. 1233 ГК РФ, и в ст. 1242 ГК РФ [9] ссылается на применение в этих случаях общих положений об обязательствах.

Сложность применения гражданского законодательства также касается и отсутствия отсылок, например, ч. 4 ГК РФ не содержит ссылки на применение общих положений об обязательствах в случаях распоряжения исключительными правами, но именно на эти нормы необходимо ссылаться. Так же, как и ч. 3 ст. 1227 ГК РФ [9], не предусматривает применения раздела II «Право собственности и другие вещные права» ГК РФ к интеллектуальным правам.

Все вышесказанное требует гармонизации законодательства: в случаях, где возможно применение общих положений, необходимо об этом сделать ссылку в специализированных статьях, а в случаях, где отсутствует тождественность, необходимо разработать специальные правила, исключая «юридический коллапс».

Выводы

Анализ научных источников и отечественных законодательных норм позволил

сформулировать следующие выводы и предложения.

1. Дано определение понятия «право интеллектуальной собственности». Право интеллектуальной собственности – это абсолютное субъективное гражданское право на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, которое идентифицирует и устанавливает меру должного поведения как правообладателя по отношению к произведенному творческому продукту, так и потребителя.

2. Применение общих положений о договорных и обязательственных отношениях к исключительным правам не является безусловным, исключительные права отличаются от права собственности, следовательно, все случаи применения указанных общих положений целесообразно отразить в части четвертой ГК РФ.

3. Во избежание противоречий правового регулирования и принимая во внимание особенность и отличительность имущественных и неимущественных отношений, а также учитывая различие объектов использования и распоряжения права интеллектуальной собственности и права собственности, целесообразно закрепить урегулирование исключительных прав специальным законодательством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абасова, К. Р. Критерии ограничения договора авторского заказа от смежных договоров / К. Р. Абасова // Закон и право. – 2022. – № 11. – С. 85–87.
2. Абрамов, Н. М. Лизинг интеллектуальной собственности как форма ее коммерциализации / Н. М. Абрамов, Т. А. Акимочкина, А. А. Козырев // Лизинг. – 2019. – № 6. – С. 26–31.
3. Акимочкина, Т. А. Формы коммерциализации прав на объекты интеллектуальной собственности // Вектор экономики. – 2019. – № 5 (35).
4. Астахова, Т. Ю. К вопросу о месте исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в общей системе субъективных прав. Актуальные проблемы права. – 2019. – № 6. – С. 12–17.
5. Баттахов, П. П. К вопросу о понятии интеллектуальной собственности / П. П. Баттахов // Проблемы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 86–91.

6. Баттахов, П. П. Некоторые проблемы правового регулирования договора коммерческой концессии / П. П. Баттахов // *Право и государство: теория и практика*. – 2020. – № 9 (189). – С. 9–12.

7. Гаврилов Э. П. Как развивается право интеллектуальной собственности в России? / Э. П. Гаврилов // *Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*. – 2021. – № 1. – С. 23–28.

8. Гаврилов, Э. П. Право интеллектуальной собственности Российской Федерации: законодательство и доктрина / Э. П. Гаврилов // *Патенты и лицензии. Интеллектуальные права*. – 2018. – № 8. – С. 14–19.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (с изм. от 05.12.2022 № 503-ФЗ) // *Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации»*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>. – Загл. с экрана.

10. Джалилов, Э. А. Структура права интеллектуальной собственности как подотрасли гражданского права / Э. А. Джалилов // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. – 2019. – Т. 2, № 4. – С. 97–104.

11. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации / В. А. Дозорцев. – М.: Статут, 2005. – 416 с.

12. Дозорцев, В. А. Понятие исключительного права / В. А. Дозорцев // *Юридический мир*. – 2000. – № 3. – С. 4–11.

13. Дозорцев, В. А. Понятие исключительного права / В. А. Дозорцев // *Юридический мир*. – 2000. – № 6. – С. 25–35.

14. Зенин, И. А. Исключительное интеллектуальное право как предмет гражданского оборота / И. А. Зенин // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. – 2011. – № 1. – С. 19–35.

15. Криворотов, М. М. Коммерциализация прав интеллектуальной собственности: понятие, формы, основные направления / М. М. Криворотов, Н. В. Мухаровский // *Вестник Омского университета*. Серия «Экономика». – 2012. – № 2. – С. 72–78.

16. Мухопад, В. И. Маркетинг интеллектуальной собственности / И. В. Мухопад, А. Н. Устинова, И. В. Суслина. – М.: ИНИЦ Роспатента, 2001. – 158 с.

17. Новоселова, Л. А. О соотношении положений четвертой части Гражданского Кодекса РФ с иными положениями ГК РФ / Л. А. Новоселова // *Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности*. Материалы. – 2021. – С. 73–76.

18. Новосельцев, О. В. О понятии интеллектуальная собственность с позиций международного права / О. В. Новосельцев // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. – 2020. – № 1 (27). – С. 49–65.

19. Рузакова, О. А. Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в имуществе супругов / А. Б. Рузаков, О. А. Рузакова // *Семейное и жилищное право*. – М., 2007. – № 2. – С. 15–19.

20. Ширкова, И. В. Право интеллектуальной собственности как подотрасль гражданского права: правовой аспект / И. В. Ширкова // *Вестник Донбасской юридической академии*. Юридические науки. – 2022. – № 20. – С. 119–127.

REFERENCES

1. Abasova K.R. Kriterii otgranicheniya dogovora avtorskogo zakaza ot smezhnykh dogovorov [Criteria for Distinguishing the Contract of the Author's Order From Related Contracts]. *Zakon i pravo* [Law and Law], 2022, no. 11, pp. 85-87.

2. Abramov N.M., Akimochkina T.A., Kozyrev A.A. Lizing intellektual'noi sobstvennosti kak forma ee kommertsializatsii [Leasing of Intellectual Property as a Form of Its Commercialization]. *Lizing* [Leasing], 2019, no. 6, pp. 26-31.

3. Akimochkina T.A. Formy kommertsializatsii prav na obyekty intellektual'noi sobstvennosti [Forms of Commercialization of Intellectual Property Rights]. *Vektor ehkonomiki* [Vector of Economics], 2019, no. 5 (35).

4. Astakhova T.Yu. K voprosu o meste isklyuchitel'nykh prav na obyekty intellektual'noi sobstvennosti v obshchei sisteme subyektivnykh prav [On the Question of the Place of Exclusive Rights to Intellectual Property Objects in the General System of Subjective Rights]. *Aktual'nye problemy prava* [Actual Problems of Law], 2019, no. 6, pp. 12-17.

5. Battakhov P.P. K voprosu o ponyatii intellektual'noi sobstvennosti [On the Question of the Concept of Intellectual Property]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2012, no. 5, pp. 86-91.

6. Battakhov P.P. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya dogovora kommercheskoi kontsessii [Some Problems of Legal Regulation of a Commercial Concession Contract]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and the State: Theory and Practice], 2020, no. 9 (189), pp. 9-12.

7. Gavrilov E.P. Kak razvivaetsya pravo intellektual'noi sobstvennosti v Rossii? [How is Intellectual Property Law Developing in Russia?]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava* [Patents and Licenses. Intellectual Property Rights], 2021, no. 1, pp. 23-28.

8. Gavrilov E.P. Pravo intellektual'noi sobstvennosti Rossiiskoi Federatsii: zakonodatel'stvo i doktrina [Intellectual Property Law of the Russian Federation: Legislation and Doctrine]. *Patenty i*

litsenzii. Intellektual'nye prava [Patents and Licenses. Intellectual Property Rights], 2018, no. 8, pp. 14-19.

9. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: chast' chetvertaya ot 18 dekabrya 2006 g. № 230-FZ (s izm. ot 05.12.2022 № 503-FZ) [The Civil Code of the Russian Federation: Part Four: Federal Law No. 230-of-December 18, 2006 (As Amended on December 05, 2022 No. 503-FZ)]. *Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii «Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii»* [Official Internet Portal of Legal Information "State System of Legal Information"]. URL: <http://pravo.gov.ru>

10. Dzhaliilov E. A. Struktura prava intellektual'noi sobstvennosti kak podotrasli grazhdanskogo prava [The Structure of Intellectual Property Law as a Sub-Branch of Civil Law]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University], 2019, vol. 2, no. 4, pp. 97-104.

11. Dozortsev V. A. *Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii* [Intellectual Rights: Concept. System. Codification Tasks]. Moscow, Statute Publ., 2005. 416 p.

12. Dozortsev V. A. Ponyatie iskluchitel'nogo prava [The Concept of Exclusive Right]. *Yuridicheskii mir* [The Legal World], 2000, no. 3, pp. 4-11.

13. Dozortsev V. A. Ponyatie iskluchitel'nogo prava [The Concept of Exclusive Right]. *Yuridicheskii mir* [The Legal World], 2000, no. 6, pp. 25-35.

14. Zenin I. A. Iskluchitel'noe intellektual'noe pravo kak predmet grazhdanskogo oborota [Exclusive Intellectual Right as a Subject of Civil Turnover. Proceedings of the Southwestern State University]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Series: History and Law], 2011, no. 1, pp. 19-35.

15. Krivorotov M. M., Mukharovskii N. V. Kommertsializatsiya prav intellektual'noi sobstvennosti: ponyatie, formy, osnovnye napravleniya [Commercialization of Intellectual

Property Rights: Concept, Forms, Main Directions]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ehkonomika»* [Bulletin of Omsk University. The Series "Economics"], 2012, no. 2, pp. 72-78.

16. Mukhopad V. I., Ustinova A. N., Suslina I. V. *Marketing intellektual'noi sobstvennosti* [Marketing of Intellectual Property]. Moscow, INITS Rospatenta Publ., 2001. 158 p.

17. Novoselova L. A. O sootnoshenii polozhenii chetvertoi chasti Grazhdanskogo Kodeksa RF s inymi polozheniyami GK RF [On the Correlation of the Provisions of the Fourth Part of the Civil Code of the Russian Federation with Other Provisions of the Civil Code of the Russian Federation]. *Pravo, ego primeneniye i realizatsiya v ehpkhu global'nykh vyzovov i menyayushcheysya real'nosti. Materialy* [Law, Its Application and Implementation in the Era of Global Challenges and Changing Reality. Materials], 2021, pp. 73-76.

18. Novosel'tsev O. V. O ponyatii intellektual'naya sobstvennost' s pozitsii mezhdunarodnogo prava [On the Concept of Intellectual Property from the Standpoint of International Law]. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* [Journal of the Intellectual Property Rights Court], 2020, no. 1 (27), pp. 49-65.

19. Ruzakova O. A., Ruzakov A. B. Prava na rezul'taty intellektual'noi deyatel'nosti i sredstva individualizatsii v imushchestve suprugov [Rights to the Results of Intellectual Activity and Means of Individualization in the Property of Spouses]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law]. Moscow, 2007, no. 2, pp. 15-19.

20. Shirkova I. V. Pravo intellektual'noi sobstvennosti kak podotrasl' grazhdanskogo prava: pravovoi aspekt [Intellectual Property Law as a Sub-Branch of Civil Law: Legal Aspect]. *Vestnik Donbasskoi yuridicheskoi akademii. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of the Donbass Law Academy. Legal Sciences], 2022, no. 20, pp. 119-127.

Information About the Author

Irina V. Shirkova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Legal and Political Sciences, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Shchorsa St, 31, 83050 Donetsk, DNR, Russian Federation, i-shirkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2473-313X>

Информация об авторе

Ирина Владимировна Ширкова, кандидат философских наук, доцент кафедры правовых и политических наук, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского, ул. Щорса, 31, 83050 г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация, i-shirkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2473-313X>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18>

UDC 343.24
LBC 67.408

Submitted: 11.05.2023
Accepted: 31.05.2023

INEFFICIENCY AS A BASIC PROPERTY OF THE CURRENT CRIMINAL PUNISHMENT

Vadim V. Antonchenko

Far Eastern Fire and Rescue Academy – Branch of St. Petersburg University of the State Fire Service
of the Russian Ministry of Emergency Situations, Vladivostok, Russian Federation

Introduction. The criminal policy of the state should ensure the rule of law and the safety of the population. At the same time, today the criminal and penal enforcement legislation has low preventive efficiency due to serious systemic defects associated with a high degree of instability. The **purpose** of the study is to assess the effectiveness of existing criminal penalties and their restorative justice potential. **Methods.** The methodological framework for the research is a set of methods of scientific cognition, primarily sociological, dogmatic and formal-logical methods. **Results.** The punitive policy of the state not only fails to achieve the goal of crime prevention, but also provokes its growth. The fragmentation and disorder of criminal punishments, which do not take into account modern requirements for the procedure for applying corrective measures to convicts, call into question the very existence of criminal policy. The construct of the “ladder of punishments” as the basis of the criminal-legal sphere of the state activity should be based on rationalism and logic capable of protecting citizens and society from criminal encroachments and crime in general. **Conclusions.** A rational approach to punishment based on modern ideas about the law and the values protected by it, taking into account the scientifically-based arguments of criminologists, should be associated not with revenge on the criminal, masked by the terms “punishment”, “retribution”, and “restoration of social justice”, but with the restoration of the violated rights of the victim and the prevention of new crimes.

Key words: legislation, crime, punishment, criminal policy, penitentiary policy, correction, humanization, convicts.

Citation. Antonchenko V.V. Inefficiency as a Basic Property of the Current Criminal Punishment. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 139-146. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18>

УДК 343.24
ББК 67.408

Дата поступления статьи: 11.05.2023
Дата принятия статьи: 31.05.2023

НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ КАК ИММАНЕНТНОЕ СВОЙСТВО ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Вадим Викторович Антонченко

Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета
Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Владивосток, Российская Федерация

Введение: уголовная политика государства должна обеспечивать правопорядок и безопасность населения. Вместе с этим сегодня уголовное и уголовно-исполнительное законодательство обладает низкой превентивной эффективностью, обусловленной серьезными дефектами системного характера, связанными с высокой степенью нестабильности. **Целью** исследования является оценка эффективности существующих уголовных наказаний и их правосстановительного потенциала. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, прежде всего, социологический, догматический и формально-логический методы. **Результаты:** карательная политика государства не только не достигает цели предупреждения преступности, но и провоцирует ее рост. Разрозненность и неупорядоченность уголовных наказаний, не учитывающих современных требований к порядку применения к осужденным мер исправительного воздействия, ставят под сомнение само существование уголовной политики. В основе конструкции «лестницы наказаний» как базисе уголовно-правовой сферы деятельности государства должны лежать рационализм и логика, способные обеспечить защиту граждан и общества от преступных посягательств и преступности в целом. **Выводы:** рациональный подход к наказанию, основанный на современных представлениях о праве и охраняемых им ценностях, учитывающий научно-обоснованные доводы криминологов, должен быть связан не с мстью преступнику, маскируемой терминами «кара», «возмездие» и «восстановление социальной справедливости», а с восстановлением нарушенных прав потерпевшего и предупреждением совершения новых преступлений.

Ключевые слова: законодательство, преступление, наказание, уголовная политика, пенитенциарная политика, исправление, гуманизация, осужденные.

Цитирование. Антонченко В. В. Неэффективность как имманентное свойство действующего уголовного наказания // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 139–146. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvoisu.2023.2.18>

Введение

Политические, экономические, социальные и криминальные трансформации, продолжающиеся в России последние несколько десятилетий, обостряют актуальность исследования сферы государственно-правовых отношений. Деятельность государства по выработке средств и методов борьбы с преступностью, защите граждан и общества от преступных посягательств традиционно находится в фокусе внимания криминологов. Прогресс уголовной политики не может оставаться в стороне от глобального, основанного на достижениях политики и права, движения общества от низших состояний к высшим. Этот процесс отягощен различными отклонениями (регрессом), связанными с историческими, культурными, религиозными и иными обстоятельствами, обуславливающими в том числе и кризис уголовной политики, оказывающий прямое влияние на правопорядок и безопасность общества. Противостоять этому кризису может, среди прочих факторов, и развитие теоретико-правового познания как прогресса идей, теорий и взглядов на должное соотношение преступления и наказания.

Уголовный кодекс России, принятый в 1996 г. и введенный в действие с 1 января

1997 г., к настоящему времени претерпел такое количество редакций, что от первоначального его варианта мало что осталось. За прошедшие 26 лет (по состоянию на 15.03.2023 г.) было принято 308 (!) изменяющих его федеральных законов, то есть этот закон менялся почти ежемесячно. Это свидетельствует о серьезнейших проблемах государства в крайне важной отрасли права, находящейся в авангарде борьбы с общественно опасными деяниями. На недостатки уголовного закона и уголовной политики в разные периоды развития государства и уголовного права как науки указывали ученые: М.Д. Шаргородский, А.Э. Жалинский, А.А. Тер-Акопов, Я.И. Гилинский, Н.А. Лопашенко, А.И. Коробеев, В.А. Номоконов и другие. Уголовно-исполнительная политика государства определяет цели уголовных наказаний. Будучи производной от уголовной политики, уголовно-исполнительная политика следует ее состоянию и получает от первой присущие ей признаки бессистемности, разбалансированности и неэффективности.

Уголовное законодательство и правоприменение в России должно следовать общемировым трендам развития человеческой цивилизации. Криминологи и социологи, знакомые с данной проблематикой, в своем большинстве выступают за доказавшую свою эффектив-

ность гуманизацию уголовной политики (и права в целом), декриминализацию большого количества деяний, общественная опасность которых должна получить социальную переоценку [2]. В основе этого процесса лежит перцепция общественным сознанием и правом конституционной максимы о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Иррациональность уголовных наказаний

Ученые давно подвергают скепсису достижимость декларируемых целей наказания (ст. 43 УК РФ), говоря о том, что ни восстановления социальной справедливости (в силу разного понимания справедливости как таковой у разных людей, социальных групп и общественных страт), ни исправления осужденного (в силу психолого-педагогических и социальных детерминант преступности), ни предупреждения совершения новых преступлений (о чем свидетельствует состояние преступности на протяжении всей человеческой истории) применением наказания добиться невозможно. А.А. Тер-Акопов считает глубоко ошибочной формулировку одной из целей наказания – обеспечение социальной справедливости, утверждая, что цель у наказания одна – справедливое возмездие [8]. Более того, высказывается обоснованное мнение о вреде любого наказания как его имманентной особенности и о наказании как о криминогенном факторе [1; 3]. Вместе с тем сегодня индого, альтернативного наказанию, варианта реагирования общества на преступность не имеется и, следовательно, перед юридической наукой стоит задача предложить такие виды наказания и порядок их исполнения, которые, во-первых, не наносили бы социуму неприемлемый вред, во-вторых, хоть в какой-то степени приближали бы к заявленным целям.

Отечественный уголовный закон предусматривает сегодня тринадцать видов наказаний (ст. 44 УК РФ), большинство из которых подлежит обоснованной критике. Прежде всего, из указанных в законе с момента его издания не применялись два вида наказания: смертная казнь и арест.

Смертная казнь применялась ранее по Уголовному кодексу РСФСР 1960 года. Указание на нее в Конституции России и УК РФ (ст. 59 УК РФ) и фактически одновременный мораторий на ее применение, установленный Президентом РФ и подтвержденный Конституционным Судом РФ¹, в соответствии с которым наказание в виде смертной казни не должно ни назначаться, ни исполняться, вызвали продолжающиеся до сегодняшнего дня ожесточенные споры в среде ученых, политических, общественных и религиозных деятелей о возможности и необходимости возвращения смертной казни в практику наказаний [6]. Смертная казнь – деяние, состоящее в умышленном убийстве человека, является с философско-правовых, морально-нравственных, этических и гуманитарных позиций не наказанием, а преступлением, худшим (по Б. Шоу) видом убийства. Пагубность данного вида наказания в том, что оно оправдывает убийство в общественном сознании, низвергая высшую ценность – жизнь человека – на уровень волевого акта [4]. В наши дни само наличие в законодательстве данного вида наказания является позором для отечественного уголовного законодательства и требует скорейшего изъятия. Даже при его неприменении оно подвергает разрушению принципы общественной морали и нравственности, заключающиеся в неприкосновенности человеческой жизни.

Арест (ст. 54 УК РФ), заключающийся в строгой, но кратковременной изоляции осужденного от общества, представляется очень эффективным видом наказания. Строгая изоляция оказывает на арестованного мощное морально-психологическое воздействие, однако кратковременность изоляции и ее условия уменьшают возможность асоциализации осужденного, усваивания им преступной модели поведения и криминальных навыков. В соответствии с Федеральным законом от 13.06.1996 № 64-ФЗ Положение о наказании в виде ареста должно было быть введено не позднее 2006 г., однако это требование закона до сих пор не реализовано. Объяснения неприменения ареста в течение 26 лет с момента принятия уголовного кодекса (отсутствие необходимых условий для исполнения этого вида наказания – арестных домов) не выдер-

живает критики, однако других объяснений обществу не предъявлено.

Большинство из применяемых сегодня в России 11 видов уголовных наказаний отягощены системными дефектами, не только нивелирующими их исправительное воздействие на осужденного, но и имеющими обратный эффект распространения криминальной контркультуры и осложнения криминальной ситуации в стране.

Пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК РФ), существующее как альтернатива смертной казни, обладает таким же, как и у смертной казни, признаком философско-правовой фатальности, отрицающей почти всякую возможность благополучного исхода для осужденного, что принципиально противоречит задаче его исправления. Одно это ставит вопрос о целесообразности данного вида наказания. Рациональность данного вида наказания также ставится под сомнение тем, что лишение свободы на определенный срок (до 20 лет, а в ряде случаев (по совокупности приговоров) до 35 лет (ст. 56 УК РФ) обладает достаточным карательным потенциалом. Кроме того, лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть условно-досрочно освобождено через 25 лет (ч. 5 ст. 79 УК РФ), что, в сравнении с лишением свободы на определенный срок, подрывает логику данного наказания.

Лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ) в России является наиболее традиционным видом уголовного наказания. При этом вряд ли оправдано существование в соответствии со ст. 58 УК РФ нескольких видов режимов отбывания наказания (4 вида исправительных колоний, тюрьма, воспитательные, лечебно-исправительные учреждения) и нескольких видов условий (ст. 87 УИК РФ) в каждом из них (обычных, облегченных и строгих – в колониях; общем и строгом режимах – в тюрьмах). Отличия между режимами и условиями содержания заключаются в количестве средств, которые осужденные могут ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости; количестве краткосрочных и длительных свиданий в течение года, количестве посылок или передач в течение года. В камерах и запираемых помещениях

условия и режимы отбывания наказания влияют также на длительность ежедневной прогулки (от полутора до трех часов). Представляется, что в XXI в. дифференциацию осужденных по доступу к продуктам питания и пользованию предметами первой необходимости (как и, собственно, их ограничение) вряд ли можно полагать эффективной мерой исправительного воздействия. Тем более это справедливо в отношении свиданий с родными и близкими, которые являются мощным средством ресоциализации осужденного. Никаких иных последствий, кроме озлобления, деградации личности, разрушения физического и психического здоровья человека, содержащегося в условиях российской тюрьмы, предполагающих существенные ограничения в питании, предметах первой необходимости, общении с близкими, ожидать не приходится. В пенитенциарных учреждениях ФСИН России в январе 2023 г. содержалось более 430 тыс. человек. Данное количество заключенных само по себе не позволяет надеяться на реализацию принципов, утвержденных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы РФ² по реабилитации правонарушителей на основе индивидуализированного обращения с ними и обуславливает репрессивные методы «исправления». Признавая крайнюю неэффективность лишения свободы, необходимо полагать его высшим и исключительным видом наказания, единственный смысл которого – в изоляции лица, представляющего опасность для общества. При этом недопустимым является и существование условного осуждения (ст. 73 УК РФ), которое разрушает существующую «лестницу наказаний», превращая наказание в виде лишения свободы в профанацию.

Лишение свободы как исключительная мера наказания должна применяться только за тяжкие преступления против личности. Установленные сейчас сроки лишения свободы – до 25–35 лет являются абсурдными и не имеют ничего общего ни с целями наказания, ни с задачами правосудия. Условия и сроки отбывания наказания должны соответствовать современным взглядам на исправление и ресоциализацию осужденных. В любом случае, пенитенциарная система не может быть криминальной школой для новичков и местом повышения квалификации для рецидивистов.

Принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ) применяются как альтернатива лишению свободы, при отбывании которых, однако, осужденный помещается в специализированное учреждение – исправительный центр. Существование данного вида наказания противоречит не только уголовно-правовому смыслу и общим началам назначения наказания (в случае назначения принудительных работ применяется более строгое наказание – лишение свободы, а затем оно может быть заменено на менее строгое, что противоречит принципу: более строгое наказание применяется, если менее строгое не позволяет обеспечить достижение целей наказания), но и простой логике: принудительные работы, не связанные с изоляцией осужденного от общества, но фактически прекращающие для него социально-полезные связи, существуют наряду с лишением свободы в колонии-поселении с фактически такими же условиями [5]. Об эффективности же данного вида наказания, рассчитанного на выполнение низкоквалифицированных и низкооплачиваемых работ в условиях рыночной экономики, говорить не приходится.

Содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ) ранее представлялось необходимым видом наказания, позволяющим в ряде случаев избежать совершившему преступление военнослужащему, проходящему военную службу по призыву, лишения свободы. В наши дни данное наказание утратило актуальность в связи с увеличивающейся долей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, к которым данный вид наказания не применяется. Об утрате актуальности данного вида наказания свидетельствует то, что в настоящее время в России существуют лишь две дисциплинарные воинские части с незначительным количеством осужденных. Для Минобороны РФ, в структуре которого существуют дисциплинарные воинские части, исполнение уголовных наказаний является непрофильной функцией, что также ставит под сомнение эффективность данного вида наказания.

Исправительные работы (ст. 50 УК РФ) назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. В первом случае осужденный отбывает исправительные работы по основному

месту работы – в этом случае наказание фактически является «штрафом в рассрочку», поскольку сводится к удержанию в доход государства от 5 до 20 % заработной платы. Это также справедливо и для *ограничения по военной службе* (ст. 51 УК РФ).

Во втором случае осужденный отбывает наказание в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Неработающие граждане, как правило, относятся к социально запущенным маргинальным категориям населения и не желают работать. Сотрудники уголовно-исполнительной инспекции сталкиваются со значительными трудностями как при их трудоустройстве, так и при последующем за ними надзоре. В условиях рыночной экономики, безработицы, незаинтересованности работодателя в получении неквалифицированного недисциплинированного работника с маргинализированным сознанием исполнение данного вида наказания является крайне неэффективным. Данная неэффективность производна от контрпродуктивности любого принудительного труда. Выполнение трудовой функции, предусматривающей работу по определенной профессии и квалификации за установленную заработную плату, может быть эффективным только в рамках трудового права и добровольно заключенного трудового договора. Принудительный труд в XXI в. должен быть исключен из уголовно-исполнительного арсенала. Это не относится к обязательным работам, которые выполняются в свободное от основной работы время, имеют недобровольный исключительно «наказательный» характер и не подлежат оплате.

Представляется, что вред от существования подобных указанным выше нормам превышает их потенциальную полезность.

Наиболее соответствующими современным представлениям из действующих наказаний представляется штраф (ст. 46 УК РФ), лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ), лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ), обязательные работы (ст. 49 УК РФ), ограничение свободы (ст. 53 УК РФ),

то есть разумных наказаний, не являющихся затратными для государства, не разрушающих семейные связи, здоровье и психику человека, не влекущих за собой потерю трудовых навыков и, одновременно, приобретение криминального опыта.

Выводы

Правовая реальность в существующем отечественном уголовно-правовом пространстве далека от представлений о должном регулировании данной сферы. Сегодняшнее состояние уголовного закона, воплощающего в себе последовательную компиляцию из нескольких сотен федеральных законов, оказывает негативное воздействие не только на граждан и общество, но и на правоохранительные органы, дезорганизуя их деятельность [7; 9]. Более того, в данных условиях реализация уголовного закона как весьма опасного средства воздействия на социальные отношения может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы [3, с. 15, 56, 68]. Экономика государства, использующего устаревшие карательные подходы к тем деяниям, общественная опасность которых преувеличена, как и деликтам, где требуется не карательное, а правосстановительное воздействие, несет невосполнимый ущерб от исключения из общества сотен тысяч людей. Такая уголовная политика не способствует превентивному воздействию на преступность, наоборот, большое число людей, сталкиваясь с российской пенитенциарной реальностью, не только асоциализируется, но и приобретает криминальный опыт, лежащий в основе рецидивной преступности.

Политика в сфере уголовных наказаний должна развернуться от карательных идей к правосстановительному мировоззрению. Этот разворот возможен лишь при условии перцепции общественным правосознанием современных взглядов на право, внедрением их в правовую культуру. Мудрость законодателя (и правоприменителя) в этой сфере состоит в соблюдении баланса, в непричинении наказанием вреда большего, чем причинено преступлением. Очевидным следствием из аксиомы о приоритете прав человека (ст. 2 Конституции РФ) как исходной нормы для

формирования всего законодательства является постулирование главной задачи уголовной политики: защита прав и свобод человека и гражданина. В 2005 г. А.Е. Якубов, говоря о противоречивости и бессистемности принимаемых Государственной Думой РФ законодательных актов по изменению уголовного закона, полагал, что необходимости принятия нового Уголовного кодекса не существует, считая достаточным принятие новой редакции УК РФ [10]. Прошло 18 лет, и сегодня уже приходится констатировать невозможность совершенствования действующего Уголовного кодекса. Выход – в разработке и принятии нового уголовного закона, учитывающего все современные представления об эволюции государства и права, правовом государстве и объективно существующих цивилизационных ценностях, обеспечивающих прогресс общественного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан ; Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П».

² Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилинский, Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна : сб. ст. / Я. И. Гилинский. – СПб. : Алетей, 2017. – 280 с.
2. Гилинский, Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология) / Я. И. Гилинский. – СПб. : Алетей, 2021. – 136 с.

3. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – 296 с.

4. Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 2. – 291 с.

5. Ложкина, Л. В. Принудительные работы как вид наказания: вопросы назначения и исполнения / Л. В. Ложкина // Вестник Удмуртского университета. – 2021. – Т. 31, № 2. – С. 265–270.

6. Смертная казнь: за и против : [сборник] / сост. О. Ф. Шишов, Т. С. Парфенова ; под ред. С. Г. Келиной. – М. : Юрид. лит., 1989. – 525 с.

7. Сплавская, Н. В. К вопросу об эффективности действия российского уголовного законодательства / Н. В. Сплавская // Государство и право в XXI веке. – 2017. – № 1. – С. 40–44.

8. Тер-Акопов, А. А. Нравственность и право. Сборник избранных научных статей профессора А. А. Тер-Акопова (1940–2003) / А. А. Тер-Акопов // Российский военно-правовой сборник. – 2005. – № 6. – 59 с.

9. Цепелев, В. Ф. Творческое наследие М.Д. Шаргородского в контексте уголовной политики / В. Ф. Цепелев // Российское уголовное право: традиции, современность, будущее : материалы науч. конф., посвящ. памяти проф. М.Д. Шаргородского. – СПб. : Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. – С. 40–43.

10. Якубов, А. Е. Проблемы уголовного законодательства: нужен ли новый уголовный кодекс? / А. Е. Якубов // Вестник МГУ. Серия 11, Право. – 2015. – № 4. – С. 73–85.

REFERENCES

1. Gilinskij Ja.I. *Deviantnost', prestupnost', social'nyj kontrol' v obshhestve postmoderna: sb. st.* [Deviance, Crime, Social Control in Postmodern Society]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2017. 280 p.

2. Gilinskij Ja.I. *Kriminologija postmoderna (neokriminologija)* [Postmodern Criminology (Newcriminology)]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2021. 136 p.

3. Zhalinskij A.Je. *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen. Teoretiko-instrumental'nyj analiz* [Criminal Law in Anticipation of Changes. Theoretical and Instrumental Analysis]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 296 p.

4. Kuznecova N.F., Tjzhkova I.M., eds. *Kurs ugolovnogo prava: v 5 t.* [Criminal Law Course: in 5 vols]. Moscow, Zercalo-M Publ., 2002, vol. 2. 291 p.

5. Lozhkina L.V. *Prinuditel'nye raboty kak vid nakazanija: voprosy naznachenija i ispolnenija* [Forced Labor as a Type of Punishment: Issues of Appointment and Execution]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University], 2021, vol. 31, no. 2, pp. 265-270.

6. Shishov O.F., Parfenova T.S., Kelina S.G., eds. *Smertnaja kazn': za i protiv* [Capital Punishment: Pros and Cons]. Moscow, Jurid. lit., 1989. 525 p.

7. Splavskaja N.V. *K voprosu ob jeffektivnosti dejstvija rossijskogo ugolovnogo zakonodatel'stva* [On the Question of the Effectiveness of the Russian Criminal Legislation]. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke* [The State and the Right in 21st Century], 2017, no. 1, pp. 40-44.

8. Ter-Akopov A.A. *Nravstvennost' i pravo. Sbornik izbrannyh nauchnyh statej professora A.A. Ter-Akopova (1940–2003)* [Morality and Law. Collection of Selected Scientific Articles by Prof. A.A. Ter-Akopov (1940–2003)]. *Rossijskij voenno-pravovoj sbornik* [Russian Military Law Collection], 2005, no. 6. 59 p.

9. Cepelev V.F. *Tvorcheskoe nasledie M.D. Shargorodskogo v kontekste ugolovnoj politiki* [Creative Heritage M.D. Shargorod in the Context of Criminal Policy]. *Rossijskoe ugolovnoe pravo: tradicii, sovremennost', budushhee: materialy nauch. konf., posvjashh. pamjati prof. M.D. Shargorodskogo* [Russian Criminal Law: Traditions, Modernity, Future: Teaching Materials. Prof. M.D. Shargorod]. Saint Petersburg, Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2005, pp. 40-43.

10. Jakubov A.E. *Problemy ugolovnogo zakonotvorchestva: nuzhen li novyj ugolovnyj kodeks?* [Problems of Criminal Lawmaking: Do We Need a New Criminal Code?]. *Vestnik MGU. Seriya 11, Pravo* [MSU Bulletin. Series 11, Law], 2015, no. 4, pp. 73-85.

Information About the Author

Vadim V. Antonchenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Far Eastern Fire and Rescue Academy – Branch of St. Petersburg University of the State Fire Service of the Russian Ministry of Emergency Situations, Russky Isl., Ajax Vil., 27, 690922 Vladivostok, Russian Federation, antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>

Информация об авторе

Вадим Викторович Антонченко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Дальневосточная пожарно-спасательная академия – филиал Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, о. Русский, п. Аякс, 27, 690922 г. Владивосток, Российская Федерация, antovadim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-562X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.19>

UDC 343.9
LBC 67.410

Submitted: 08.01.2023
Accepted: 15.02.2023

THE PROBLEMS OF JUVENILE CRIME PREVENTION

Ivan N. Arkhiptsev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Alexander V. Sarychev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Alexandra O. Barbotko

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Introduction. The current state of the Russian Federation is characterized by an increase in the social disadvantage of a significant part of the population, which aggravates the situation in its socio-economic, spiritual, and moral spheres. These factors determine increase in crime. To date, the prevention of juvenile delinquency is one of the most pressing issues in the police activities. In this regard, it is necessary to name the **purpose** of the study, which is aimed at reviewing and studying preventive work carried out with minors to prevent crime. **Methods.** The methodological framework for the study is the general scientific dialectical method. The methods of induction and deduction used have contributed to obtaining most of the formulated conclusions. **Results.** Based on the research on the prevention of juvenile delinquency, the authors have comprehensively reviewed some aspects of preventive activities, identified the problems related to the prevention of offenses in this area, and formulated ways to solve them. **Conclusions.** As a result of the study, the role of the family and teachers in the prevention of juvenile delinquency, which is one of priorities in their activities, has been identified; the main factors contributing to crimes in this area, as well as methods of prevention, and its types are defined.

Key words: juvenile, delinquency prevention, illegal behavior, causes, crime prevention.

Citation. Arkhiptsev I.N., Sarychev A.V., Barbotko A.O. The Problems of Juvenile Crime Prevention. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 147-152. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.19>

УДК 343.9
ББК 67.410

Дата поступления статьи: 08.01.2023
Дата принятия статьи: 15.02.2023

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Иван Николаевич Архипцев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Александр Викторович Сарычев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Александра Олеговна Барботько

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация

Введение: современное состояние Российской Федерации характеризуется нарастанием социального неблагополучия значительной части населения, что усугубляет положение в ее социально-экономической и духовно-нравственной сферах. Данные факторы детерминируют рост преступности. На сегодняшний день вопросы профилактики преступности среди несовершеннолетних являются одними из актуальнейших вопросов в деятельности полиции. В связи с этим необходимо назвать **цель** исследования, которая направлена на рассмотрение и изучение профилактических работ, проводимых с несовершеннолетними для недопущения преступности. **Методы:** методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод. Используемые методы индукции, дедукции способствовали получению большинства сформулированных выводов. **Результаты:** на основе проведенного нами исследования деятельности по профилактике преступности среди несовершеннолетних мы всесторонне рассмотрели некоторые аспекты профилактической деятельности, выявили проблемы, связанные с предупреждением правонарушений в данной сфере, и сформулировали пути их решения. **Выводы:** в результате исследования выявлена роль семьи и педагогов в сфере профилактики преступности среди несовершеннолетних, которая является одной из приоритетных в его деятельности, определены основные факторы, способствующие преступлениям в данной сфере, а также способы профилактики, ее виды.

Ключевые слова: несовершеннолетний, профилактика преступности, противоправное поведение, причины, предупреждение преступности.

Цитирование. Архипцев И. Н., Сарычев А. В., Барботько А. О. Проблемы профилактики преступности среди несовершеннолетних // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 147–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.19>

Введение

Прежде чем разрабатывать новые и совершенствовать уже существующие механизмы борьбы с преступностью несовершеннолетних, необходимо понимать, что наиболее ценной является именно профилактическая деятельность. Для понимания сущности профилактической деятельности стоит детально изучить причины, по которым несовершеннолетние преступают закон, а также причины, по которым существующие механизмы профилактики не справляются со своей задачей. Кроме того, необходимо изучить законодательную базу, регламентирующую профилактическую деятельность среди несовершеннолетних.

Причины, по которым несовершеннолетние нарушают закон

Говоря о причинах, в первую очередь стоит обратить внимание на особенности психики несовершеннолетних: данная категория лиц достаточно легко поддается чужому мнению. Психика несовершеннолетнего лица еще не достаточно сформирована, а это значит, что не выработана устоявшаяся система ценностей, и человек далеко не в каждой ситуации понимает, что есть хорошо, а что плохо. Зачастую подростки попадают в плохую компанию, где единственным способом развлечения ста-

новится совершение различных хулиганских действий, подпадающих под статьи административного и нередко – уголовного законодательства Российской Федерации. Чем чаще подросток будет совершать подобные проступки, тем прочнее в его сознание подобная модель поведения будет укореняться как единственно верная.

Ни для кого не секрет, что основным примером формирования поведения для подростков является их семья. Противоправное поведение может быть перенято в результате подражания членам семьи, когда кто-либо из них занимается преступной деятельностью. В таком случае подросток также воспринимает такую модель поведения как единственно верную. Стоит отметить, что преступления и правонарушения могут совершаться детьми из весьма благополучных семей. Зачастую родители даже не в курсе, чем занимается их «чадо». Таких подростков отличает особая наглость, а также избалованность, нередко они становятся лидерами групп.

Несмотря на то, по какой именно причине несовершеннолетний нарушает закон, в любом случае такому лицу требуется оказание своевременной качественной помощи педагога или же психолога [8, с. 253]. Кроме того, такой несовершеннолетний требует особого внимания со стороны сотрудников подразделения по делам несовершеннолетних, а его

семья – тщательного надзора со стороны участкового уполномоченного.

Одним из важнейших институтов социализации подростка выступают учреждения образования [7, с. 67–68]. В школах подростки проводят много времени, налаживая первые осознанные «взрослые» социальные контакты как с ровесниками, так и с педагогами.

К сожалению, в современных общеобразовательных школах происходит допущение различного рода нарушений – курение в туалетах, драки, порча школьного имущества и пр. Отсюда вывод, что подросткам необходим положительный пример поведения, который должны демонстрировать педагоги в виде вежливого и тактичного обращения с учениками и в процессе межличностного общения с коллегами, а также в виде нетерпимости и недопустимости к нарушениям.

Тему недопустимости противоправного поведения необходимо широко освещать во время визитов сотрудников подразделений полиции по делам несовершеннолетних в школы для проведения бесед. Большая часть подобных визитов неинтересна для школьников ввиду монотонности проводимой беседы, а потому большая часть информации не усваивается. В этой связи необходимо готовить видеоматериалы, а также оформлять свою речь таким образом, чтобы она привлекала внимание школьников, то есть использовать слова яркой эмоциональной окраски. Видеоматериалы должны быть направлены на демонстрацию последствий противоправного поведения – привлечение к ответственности, судимость, ограниченность в дальнейших действиях и др.

С положительной стороны стоит отметить наличие отдельного подразделения в системе МВД России по работе с несовершеннолетними преступниками, так как для этого требуется особый подход, у сотрудника полиции должна быть достаточная квалификация для обеспечения качественной профилактики безнадзорности и совершения ими правонарушений, а также немаловажным является и обеспечение сотрудником защиты прав и интересов при работе с несовершеннолетними от различных посягательств [1, с. 34].

С другой же стороны, хочется отметить и тот факт, что качественную профилактику

подразделение по делам несовершеннолетних без взаимодействия с другими подразделениями полиции обеспечить не может. Здесь также следует сказать, что и другие субъекты профилактики несовершеннолетних должны оказывать помощь сотрудникам ПДН, и только в таком случае можно говорить о действенной профилактике.

Таким образом, можно рассчитывать на качественный результат индивидуальной профилактики несовершеннолетних тогда, когда у субъектов такой профилактики, например, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, центра социальной помощи семье и детям, отдела опеки и попечительства, учреждений здравоохранения, образовательных учреждений, будет единая цель, а именно – недопущение повторного совершения противоправных деяний подростком, а также качественное воспитание несовершеннолетних их родителями [6]. Только при объединении усилий субъектами профилактики можно рассчитывать на качественную и результативную деятельность. Это касается и строгого реагирования на любой проступок (в том числе и преступление), впервые совершенный несовершеннолетним [4, с. 57].

Резюмируя, нейтрализация причин, способствующих совершению нарушений, должна быть выражена в многократном усилении контроля за поведением подростка, проведении воспитательной работы с ним со стороны широкого круга лиц – начиная с родителей, заканчивая – сотрудниками полиции. Причем работать необходимо не только с теми подростками, которые уже допускали нарушения закона, но и с теми, кто еще не сталкивался с законом.

Нормативно-правовая база, регламентирующая профилактику преступности несовершеннолетних

Переходя к законодательной базе, стоит отметить, что основополагающим законом в осуществлении данной деятельности выступает Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [9]. Как мы видим, закон был принят достаточно давно и вполне устарел в

рамках современных реалий. В связи с этим, в закон каждый год вносятся изменения, но, как правило, коренных последствий такие изменения не несут.

Если говорить о региональной специфике, то следует отметить, что имеются как положительные, так и отрицательные примеры.

Так, Закон Белгородской области от 31 января 2005 г. № 167 «Об ответственности родителей за воспитание детей» [2] сформулирован достаточно точно. В нем указаны конкретные обязанности родителей в сфере воспитания и образования, всеобщего и всестороннего развития, защиты прав и интересов несовершеннолетних детей. Также в Законе отмечены способы профилактики в случае неисполнения или же ненадлежащего исполнения родителями своих обязанностей. Данный Закон действует в Белгородской области и по сей день. Он достаточно качественно регулирует ответственность родителей за неисполнение своих обязанностей.

Также в Белгородской области действует закон Белгородской области от 13 декабря 2000 г. № 122 «О системе защиты прав несовершеннолетних, профилактики их безнадзорности и правонарушений в Белгородской области» [3]. Данный закон регламентирует основные направления деятельности органов и учреждений систем защиты прав несовершеннолетних, профилактики их безнадзорности и правонарушений, а также финансовые и организационные гарантии защиты прав несовершеннолетних, профилактики их безнадзорности и правонарушений. При рассмотрении положений закона нами была отмечена размытость используемых фраз, их достаточно общий характер.

Например, ст. 15 вышеуказанного закона регулирует деятельность организаций, осуществляющих образовательную деятельность в рамках профилактики правонарушений. Рассмотрим п. 6 ч. 11 ст. 15 закона: «...используют различные формы педагогического, юридического и психологического просвещения родителей по актуальным проблемам отклоняющегося поведения у детей и подростков». Отсюда назревают многочисленные вопросы – какие конкретно формы, какие проблемы являются актуальными, каким образом используемые формы влияют на динами-

ку отклоняющегося поведения подростков? Безусловно, приведенная выше формулировка пестрит различными терминами, но никакой конкретики мы не видим. Каким образом применяется данное положение на практике – неизвестно.

Говоря о законодательной базе, система профилактики преступлений и правонарушений полна нормативных актов различной юридической силы как федерального уровня, так и регионального. Однако изучив закон Белгородской области, нами не было обнаружено специфических черт профилактической деятельности, отражающих особенности Белгородской области. Кроме того, используются достаточно поверхностные формулировки, не раскрывающие сущности деятельности по профилактике правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних.

Выводы

Резюмируя, деятельность по предупреждению преступности среди несовершеннолетних является одним из актуальнейших направлений деятельности полиции, а также государственной политики в целом. К сожалению, имеются достаточно серьезные недочеты, не позволяющие существующим механизмам эффективно и качественно работать.

Во-первых, отсутствие должного контроля за несовершеннолетним со стороны родителей в самом раннем возрасте является достаточно серьезной проблемой, требующей своевременного реагирования и оказания необходимой помощи как со стороны лиц образовательного учреждения, где учится ребенок, так и со стороны правоохранительных органов. Актуальной представляется позиция некоторых авторов, которые предлагают на базе отделов полиции, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, юридических клиник университетов и академий создавать центры подросткового консультирования, в которые несовершеннолетние могли бы обращаться для оказания им психологической и правовой помощи специалистами [5, с. 26].

Во-вторых, существующая законодательная база в области профилактики преступлений и правонарушений несовершенно-

летних не отвечает современным требованиям, также является весьма поверхностной.

В-третьих, мы согласны, что требуется углубленная разработка проблематики подростковой преступности [10, с. 63].

Резюмируя, полагаем, что принятие мер, описанных выше, будет способствовать повышению эффективности деятельности по профилактике преступности среди несовершеннолетних.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баева, Е. В. Профилактическая работа органов внутренних дел с несовершеннолетними, совершившими преступление / Е. В. Баева, Е. Р. Турская // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 1. – С. 34–37.
2. Белгородская область. Законы. Об ответственности родителей за воспитание детей : закон Белгородской области № 167 от 31.01.2005 : текст с изм. на 09.12.2015 // Белгородские известия. – 2005. – № 17.
3. Белгородская область. Законы. О системе защиты прав несовершеннолетних, профилактики их безнадзорности и правонарушений в Белгородской области : закон Белгородской области № 122 от 13.12.2000 : текст с изм. на 3 декабря 2018 г. // Белгородские известия. – 2000. – № 191.
4. Бельский, А. И. О преступности несовершеннолетних и молодежи / А. И. Бельский, Э. Н. Лыков // Российский следователь. – 2019. – № 8. – С. 55–59.
5. Волосова, Н. Ю. Проблемы предупреждения преступлений, совершенных несовершеннолетними / Н. Ю. Волосова, Е. О. Филиппова, О. В. Журкина // Российский судья. – 2022. – № 1. – С. 23–26.
6. Жерделева, К. С. Профилактика преступности несовершеннолетних в России / К. С. Жерделева // Символ науки : междунар. науч. журн. – 2020. – № 12-2. – С. 21–23.
7. Матвеева, К. О. Проблемы профилактики и предупреждения преступности несовершеннолетних / К. О. Матвеева // Актуальные вопросы теории и практики исполнения законодательства о профилактике преступлений и иных правонарушений и надзора за деятельностью органов дознания : материалы региональной научно-практической конференции сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, студентов, г. Витебск, 1–2 декабря 2015 г. / редакционная коллегия: А. П. Петров (гл. ред.) ; А. А. Бочков, В. И. Гук, И. И. Шматков, В. Г. Стаценко, В. В. Янч. – Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2016. – 156 с.
8. Родионова, Е. М. Проблемы профилактики преступности несовершеннолетних / Е. М. Родио-

нова // Молодой ученый. – 2021. – № 15 (357). – С. 251–254.

9. Российская Федерация. Законы. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон № 120-ФЗ от 24.06.1999 : текст с изм. на 21 ноября 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

10. Санташов, А. Л. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия преступности несовершеннолетних / А. Л. Санташов // Российский следователь. – 2021. – № 6. – С. 61–63.

REFERENCES

1. Baeva E.V., Turskaia E.R. Profilakticheskaia rabota organov vnutrennikh del s nesovershennoletnimi, sovershivshimi prestuplenie [Preventive Work of Internal Affairs Bodies with Minors Who Have Committed a Crime]. *Ugolovno-ispolnitelnaia sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [The Penal System: Law, Economics, Management], 2020, no. 1, pp. 34-37.
2. Belgorodskaiia oblast. Zakony. Ob otvetstvennosti roditelei za vospitanie detei: zakon Belgorodskoi oblasti № 167 ot 31.01.2005: tekst s izm. na 09.12.2015 [Belgorod region. Laws. On the Responsibility of Parents for the Upbringing of Children: The Law of the Belgorod region No. 167 of 31.01.2005: The Text as Amended on 09.12.2015]. *Belgorodskie izvestiia* [Belgorod News], 2005, no. 17.
3. Belgorodskaiia oblast. Zakony. O sisteme zashchity prav nesovershennoletnikh, profilaktiki ikh beznadzornosti i pravonarushenii v Belgorodskoi oblasti: zakon Belgorodskoi oblasti № 122 ot 13.12.2000: tekst s izm. na 3 dekabria 2018 g. [Belgorod region. Laws. On the System of Protection of the Rights of Minors, Prevention of Their Neglect and Offenses in the Belgorod region: The Law of the Belgorod region No. 122 of 13.12.2000: text as amended on December 3, 2018]. *Belgorodskie izvestiia* [Belgorod News], 2000, no. 191.
4. Belskii A.I., Lykov E.N. O prestupnosti nesovershennoletnikh i molodezhi [On Juvenile Delinquency and Youth]. *Rossiiskii sledovatel* [Russian Investigator], 2019, no. 8, pp. 55-59.
5. Volosova N.Iu., Filippova E.O., Zhurkina O.V. Problemy preduprezhdeniia prestuplenii, sovershennykh nesovershennoletnimi [Problems of Prevention of Crimes Committed by Minors]. *Rossiiskii sudia* [Russian Judge], 2022, no. 1, pp. 23-26.
6. Zherdeleva K.S. Profilaktika prestupnosti nesovershennoletnikh v Rossii [Prevention of Juvenile Delinquency in Russia]. *Simvol nauki: mezhdunar. nauch. zhurn.* [Symbol of Science: International Scientific Journal], 2020, no. 12-2, pp. 21-23.

7. Matveeva K.O. Problemy profilaktiki i preduprezhdeniia prestupnosti nesovershennoletnikh [Problems of Prevention and Prevention of Juvenile Delinquency]. Petrov A.P., Bochkov A.A., Guk V.I., Shmatkov I.I., Statsenko V.G., Yanch V.V., eds. *Aktualnye voprosy teorii i praktiki ispolneniia zakonodatelstva o profilaktike prestuplenii i inykh pravonarushenii i nadzora za deiatelnosti organov doznaniia: materialy regionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii sotrudnikov pravookhranitelnykh organov, prepodavatelei, studentov, g. Vitebsk, 1–2 dekabria 2015 g.* [Topical Issues of Theory and Practice of the Implementation of Legislation on the Prevention of Crimes and Other Offenses and Supervision of the Activities of the Bodies of Inquiry: Materials of the Regional Scientific and Practical Conference of Law Enforcement Officers, Teachers, Students, Vitebsk, December 1-2, 2015]. Vitebsk, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 2016. 156 p.

8. Rodionova E.M. Problemy profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh [Problems of Juvenile Delinquency Prevention]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2021, no. 15 (357), pp. 251-254.

9. Rossiiskaia Federatsiia. Zakony. Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh: feder. zakon № 120-FZ ot 24.06.1999: tekst s izm. na 21 noiabria 2022 g. [The Russian Federation. Laws. On the Basics of the System of Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency: Federal Law No. 120-FZ of 06/24/1999: Text as Amended on November 21, 2022]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 26, art. 3177.

10. Santashov A.L. Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty protivodeistviia prestupnosti nesovershennoletnikh [Criminological and Criminal-Legal Aspects of Countering Juvenile Delinquency]. *Rossiiskii sledovatel* [Russian Investigator], 2021, no. 6, pp. 61-63.

Information About the Authors

Ivan N. Arkhitektsev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArhitektsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Alexander V. Sarychev, Regimental Deputy Commander, Faculty of Law Enforcement, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Alexandra O. Barbotko, Student, Faculty of Transport Security, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, sashka.boiko24@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5400-3053>

Информация об авторах

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArhitektsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Александр Викторович Сарычев, заместитель начальника курса факультета правоохранительной деятельности, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Александра Олеговна Барботько, слушатель факультета обеспечения безопасности на транспорте, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, sashka.boiko24@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5400-3053>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.20>

UDC 343.2/.7
LBC 67.408

Submitted: 04.05.2023
Accepted: 27.05.2023

THE SYSTEM OF PUNISHMENTS FOR INDIVIDUALS ACCORDING TO THE CRIMINAL CODE OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Tran Phi Long

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation

Introduction. On the one hand, the system of punishments clearly shows the criminal policy of the state and plays an important role in the prevention and fight against crime. The Criminal Code of the Socialist Republic of Vietnam (hereinafter referred to as the CC of SRV) provides for two systems of penalties: for individuals and commercial legal entities. The paper examines the system of punishments for individuals provided for by the CC of SRV of 2015 and its features when comparing the CC of SRV of 1985, 1999, and the Criminal Code of the Russian Federation. The **purpose** of the study is to point out the specifics of Vietnam's criminal punishment system, its shortcomings and limitations, and to conduct an analysis of the content of punishments applied to individuals. The research **methods** used by the author include the comparative research method and the statistical method of data analysis. The author compares the provisions on punishment in the CC of SRV (1985, 1999, and 2015) to see the changes in the criminal legislation in general and the system of punishments in particular. The **results** of the research indicated by the author include the following main content: 1) the system of punishments for individuals is relatively diverse. The main punishments are arranged in a ladder of increasing severity; 2) the punishments applied to individuals specified in the CC of SRV of 2015 are more humane. This is reflected in a reduction in the number of crimes for which terms of deprivation, life imprisonment, and the death penalty are provided.

Key words: system of punishments; types of punishments; death penalty; non-custodial punishment, foreign criminal law; Vietnam.

Citation. Tran Phi Long. The System of Punishments for Individuals According to the Criminal Code of the Socialist Republic of Vietnam. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 153-161. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.20>

УДК 343.2/.7
ББК 67.408

Дата поступления статьи: 04.05.2023
Дата принятия статьи: 27.05.2023

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ДЛЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Чан Фи Лонг

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
г. Москва, Российская Федерация

Введение: система наказаний, с одной стороны, наглядно показывает уголовную политику государства и играет важную роль в профилактике и борьбе с преступностью. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам (далее – УК СРВ) предусматривает две системы наказаний: для физических и коммерческих юридических лиц. В статье рассматривается система наказаний физических лиц, предусмотренная УК СРВ 2015 г., ее особенности при сравнении УК СРВ 1985, 1999 гг. и УК РФ. **Цели исследования** – указать на особенности системы уголовных наказаний Вьетнама, ее недостатки и ограничения. Анализ содержания наказаний, применяемых к физическим лицам. **К методам исследования**, использованным автором, относятся: сравнительный метод исследования, статистический метод – анализ данных. Автор сравнивает положения о наказании в УК СРВ (1985, 1999 и 2015 гг.), чтобы увидеть изменение уголовного законодательства в

целом и системы наказаний в частности. **Результаты исследования**, указанные автором, включают следующее основное содержание: 1) система наказаний для физических лиц относительно разнообразна. В ней основные наказания выстроены в лестницу по возрастанию строгости; 2) наказания, применяемые к физическим лицам, указанные в УК СРВ 2015 г., становятся все более гуманными. Это выражается в сокращении количества преступлений, за которые предусмотрены сроки лишения свободы, пожизненное заключение, смертная казнь.

Ключевые слова: система наказаний; виды наказаний; смертная казнь; наказание, не связанное с лишением свободы; зарубежное уголовное право; Вьетнам.

Цитирование. Чан Фи Лонг. Система наказаний для физических лиц по Уголовному кодексу Социалистической Республики Вьетнам // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 153–161. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.20>

Введение

УК СРВ не содержит определения понятия «система наказаний». Оно определяется доктриной вьетнамского уголовного права, которая выделила его существенные характеристики: представляет собой перечень видов наказаний, построенный в порядке, отражающем их сравнительную строгость [4]. Ле Ван Кам отмечает: «Система наказаний есть совокупность наказаний, предписанных государством в Уголовном кодексе, тесно связанных между собой в определенном порядке в силу строгого характера каждого вида наказания» [10, р. 327].

Май Хонг Хань трактует это понятие следующим образом: «Система наказаний – это целостное множество видов уголовных наказаний, структурированных по различным классификационным в вертикальной и горизонтальной иерархии подсистемам» [6]. Помимо признаков, описанных Ле Ван Камом, в концепции рассматриваемого понятия Май Хонг Ханя показано, что система наказаний включает в себя ряд подсистем. В УК Вьетнама законодатель разделил систему наказаний по субъектам применения: систему наказаний для физических лиц и систему наказаний, применяемых к коммерческим юридическим лицам.

Перечень наказаний для физических лиц включает 12 видов наказаний (ст. 32 УК СРВ). В зависимости от порядка применения, система наказаний состоит из основной системы наказаний и дополнительной системы наказаний.

К основным наказаниям для физических лиц относятся: предупреждение; штраф; высылка; исправление, не связанное с лишением

свободы; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь. Основные наказания в УК Вьетнама расположены иерархически с постепенным увеличением строгости наказания, при которой смертная казнь является наиболее тяжким наказанием для осужденного (п. 1 ст. 32 УК СРВ).

К дополнительным наказаниям для физических лиц относятся: запрет занимать определенные должности или запрет заниматься определенной деятельностью; запрет на проживание; испытательный срок; лишение некоторых прав гражданства; конфискация имущества (п. 2 ст. 32 УК СРВ).

Высылка и штраф – виды наказаний, которые *могут применяться в качестве как основного, так и дополнительного наказания* в зависимости от судебного усмотрения (ст. 35, 37 УК СРВ).

Основные наказания для физических лиц в УК СРВ

Основные наказания для физических лиц отражают уголовно-политическое представление о мере уголовной ответственности за различные по характеру и опасности преступления, выраженной в формах ее реализации. Статистика за действия законодателем в санкциях уголовно-правовых норм того или иного вида основного наказания может свидетельствовать о карательном потенциале уголовно-правового воздействия (см. таблицу).

Приведенная технико-юридическая статистика использования системы основных наказаний в нормах УК СРВ, с одной стороны, свидетельствует о высоком карательном по-

тенциале наказуемости предусмотренных в нем преступлений, а с другой стороны, служит поводом для исследования функциональности самой системы, целесообразности сохранения в ней тех видов наказаний, которые не востребованы законодателем и судебной практикой.

Предупреждение применяется к физическим лицам, совершившим преступления небольшой тяжести при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 34 УК СРВ). Из семи основных видов наказаний, применяемых к физическим лицам, предупреждение является наименее строгим. Предупреждение – это публичный выговор со стороны государства лицу, осужденному за совершенное им преступление [9, с. 295]. Хотя оно не способно причинить осужденному материального ущерба или физических ограничений, имея характер публичного порицания государства, предупреждение все же оказывает на осужденного воспитательное или исправительное воздействие [10, с. 329–331].

Предупреждение не лишает и не ограничивает каких-либо прав осужденного [7]. Предупреждение не имеет преюдициального значения, при котором оно может повлечь уголовно-правовые последствия в случае совершения осужденным нового преступления. Предупреждение не имеет того предупредительного эффекта, который должен быть свойственен наказанию как основной форме реализации уголовной ответственности [2]. В связи с мягким характером предупреждение редко применяется судами на практике. Представляется целесообразным исключить предупреждение, предусмотренное в ст. 34 УК СРВ, из системы наказаний.

Штраф – наказание, выражающееся в принуждении осужденного к уплате определенной суммы денег в государственный бюд-

жет. Штраф применяется в качестве основного наказания в следующих случаях: 1) при осуждении за преступления небольшой или средней тяжести; 2) при осуждении за тяжкие преступления против порядка хозяйственного ведения, экологических преступлений, преступлений против общественного порядка и общественной безопасности и ряда других преступлений, предусмотренных УК СРВ [8]. Кроме того, штраф применяется в качестве дополнительного наказания к лицам, совершившим коррупционные, наркотические или иные преступления, предусмотренные УК СРВ. УК СРВ 1999 г. предусматривал применение штрафа только к лицам, осужденным за нетяжкие преступления. Это свидетельствует о важном изменении уголовной политики СРВ в сторону увеличения применения штрафа как наказания, не связанного с лишением свободы.

Размер штрафа определяется в зависимости от характера и тяжести преступления, а также с учетом имущественного положения осужденного и колебаний цен, но не может быть ниже 1 000 000 донгов¹.

Размер штрафа определяется ограничением минимальной и максимальной суммы. Усмотрение суда относительно размера штрафа ограничено статьей Особенной части УК СРВ. Преимущество такого способа установления размера штрафа в том, что его легко применить в судах. Однако такие регулируемые размеры штрафов также являются довольно жесткими и негибкими в некоторых случаях, когда преступление является тяжким или причиняет большой имущественный ущерб.

Например, за контрабанду (ст. 188 УК СРВ) максимальный штраф для осужденных составляет 5 млрд донгов, за уклонение от уплаты налогов (ст. 200) максимальный штраф для осужденных составляет 4,5 млрд

Основные виды наказаний для физических лиц в санкциях норм УК СРВ 2015 года

Основные виды наказаний для физических лиц	Количество статей
Предупреждение	26
Штраф	109
Исправление, не связанное с лишением свободы	184
Лишение свободы на определенный срок	312
Пожизненное лишение свободы	56
Смертная казнь	18
Количество статей Особенной части	314

донгов. Однако на деле доход от контрабанды и уклонения от уплаты налогов может достигать сотен, а то и тысяч миллиардов донгов [3]. В этом случае фиксированные размеры штрафов не соответствовали бы характеру и тяжести преступления и не отвечали бы требованиям практического применения. Это ограничивает возможности суда индивидуализировать уголовную ответственность и наказание [1]. По некоторым преступлениям размер штрафа целесообразно определять исходя из незаконных доходов осужденного от преступления.

Исправительные работы, не связанные с лишением свободы, являются принуждением осужденных к перевоспитанию под надзором органа или организации по месту их работы, учебы или народного комитета коммуны по месту жительства.

Исправительные работы, не связанные с лишением свободы, применяются за совершение преступлений небольшой или средней тяжести к лицам, имеющим постоянное место работы или определенное место жительства, в отношении которых суд сочтет возможным исправление без изоляции их от общества (ст. 36 УК СРВ). Срок наказания в виде исправительных работ составляет от 6 месяцев до 3 лет.

В период отбывания этого наказания осужденным ежемесячно отчисляется от 5 до 20 % их доходов в пополнение государственного фонда. При отсутствии работы осужденный должен заниматься общественными работами не более 4 часов в день и не более 5 дней в неделю (ст. 36 УК СРВ).

Высылка (выдворение за пределы СРВ) – это наказание, принуждающее осужденного иностранного гражданина или лица без гражданства в течение определенного судом срока покинуть территорию СРВ. Высылка может быть основным или дополнительным наказанием в зависимости от усмотрения суда. Порядок применения этого наказания не зависит от характера и степени общественной опасности преступления.

Лишение свободы на определенный срок является принудительной изоляцией осужденного от общества. Отбывая наказание, осужденные должны жить в среде, регулируемой очень строгими правилами. При этом

наряду с лишением свободы затрагиваются и многие другие права, свободы, а также интересы осужденного. В соответствии со ст. 38 УК СРВ минимальный срок лишения свободы составляет три месяца, а максимальный – двадцать лет (по совокупности приговоров – более тридцати лет).

По сравнению со ст. 33 УК СРВ 1999 г., ст. 38 УК СРВ 2015 г. дополнена п. 2: «Лишение свободы на определенный срок не применяется к лицам, совершившим впервые преступление небольшой тяжести по неосторожности и имеющим определенное место жительства». Если физическое лицо удовлетворяет следующим 4 условиям, во всех случаях суд не может применять лишение свободы на определенный срок.

С добавлением этого положения значительно снизится фактическое наказание в виде лишения свободы. Это имеет принципиальное уголовно-политическое значение для УК СРВ 2015 года. В Особой части УК СРВ 2015 г. количество норм, предусматривающих наказания в виде лишения свободы, увеличилось до 26 пунктов по сравнению с УК СРВ 1999 года.

Пожизненное лишение свободы – наказание, которое применяется к лицам, совершившим особо тяжкие преступления. На практике пожизненное лишение свободы применяется к особо тяжким преступлениям, когда максимальный срок лишения свободы еще не соизмерим с последствиями преступления и смертная казнь нецелесообразна. Уголовное законодательство Вьетнама не допускает применения пожизненного лишения свободы к лицам моложе 18 лет (ст. 39 УК СРВ).

В период отбывания пожизненного лишения свободы при наличии у осужденных хороших результатов перевоспитания им может быть предоставлено право на сокращение срока наказания. Данное положение демонстрирует гуманность уголовной политики Вьетнама и в то же время способствует поощрению осужденных к перевоспитанию с целью сокращения срока наказания.

Со временем кодификации УК СРВ (УК СРВ 1985 г., УК СРВ 1999 г., УК СРВ 1999 г. с изменениями и дополнениями в 2009 г. и УК СРВ 2015 г. с изменениями и дополнениями в 2017 г.) приобрели тенденцию к огра-

ничению оснований для применения пожизненного лишения свободы. По сравнению с УК СРВ 1999 г. (с изменениями и дополнениями 2009 г.), процент санкций с пожизненным лишением свободы в нормах Особенной части в УК СРВ 1915 г. (с изменениями и дополнениями в 2017 г.) понизился с 21,3 до 17,8.

Смертная казнь – это наказание, которое лишает осужденного права на жизнь. Это самая строгая мера наказания в системе наказаний, применяемая к физическим лицам. Возможность применения смертной казни предусмотрена законом лишь в отношении лиц, осужденных за определенные особо тяжкие преступления, посягающие на государственную безопасность и человеческую жизнь, а также за преступления, совершенные в сфере оборота наркотических средств, коррупционные и иные особо тяжкие преступления, предусмотренные УК СРВ 2015 года [5].

Согласно глобальному докладу Amnesty International «Смертельные приговоры и казни 2021», Вьетнам является одной из 55 стран, которые в настоящее время все еще предусматривают смертную казнь в уголовном законе и применяют ее на практике. Согласно этому докладу, в 2021 г. во Вьетнаме было зарегистрировано около 119 человек, приговоренных к смертной казни, и около 1 200 смертных приговоров, ожидающих исполнения [11,

с. 12, 13, 37]. Однако в вышеупомянутом докладе Amnesty International также подтвердила, что данные о смертной казни во Вьетнаме находятся в списке государственной тайны. Поэтому статистика, опубликованная в этом докладе, не совсем точна и не отражает реальности исполнения смертных приговоров во Вьетнаме.

По сравнению со ст. 35 УК СРВ 1999 г. ст. 40 УК СРВ 2015 г., регулирующая смертную казнь, имеет множество поправок, направленных на сокращение количества статей и преступлений, предусматривающих смертную казнь. Ограничение смертной казни осуществляется несколькими способами.

Сокращение преступлений, предусматривающих смертную казнь. УК СРВ 1999 г. (с изменениями и дополнениями 2009 г.) содержит 22 статьи, высшей мерой наказания которых является смертная казнь (что составляет 8,09 % статей, регулирующих преступления). В настоящее время в УК СРВ 2015 г. имеется 18 статей, предусматривающих высшую меру наказания в виде смертной казни (что составляет 5,73 % статей, регулирующих преступления). По сравнению с Уголовным кодексом СРВ 1999 г. (с изменениями и дополнениями 2009 г.) в Уголовном кодексе СРВ 2015 г. сокращено 4 статьи, регулирующие смертную казнь (см. рисунок).

Изменение количества норм УК СРВ с санкциями, включающими смертную казнь (в процентах и по сравнению с общим количеством норм Особенной части)

Примечание. Источник: [12, с. 26].

Ограничение применения смертной казни по кругу лиц. Согласно ст. 35 УК СРВ 1999 г., смертная казнь не назначалась: 1) несовершеннолетним; 2) женщинам в состоянии беременности; 3) женщинам, воспитывающим детей в возрасте до 36 месяцев на момент совершения преступления или судебного разбирательства. Статья 40 УК СРВ 2015 г. аналогичным образом отмечает 3 категории лиц, которых нельзя приговорить к смертной казни в порядке, установленном УК 1999 г., и в то же время добавляет случай: «лица в возрасте 75 лет и старше при совершении преступлений или в суде».

Расширение круга лиц, не подлежащих смертной казни. УК СРВ 1999 г. предусматривал два случая неисполнения смертной казни, в том числе: если осужденная является беременной женщиной или женщиной, воспитывающей детей в возрасте до 36 месяцев. УК СРВ 2015 г. предусматривает также еще 2 основания для неисполнения смертной казни, назначенной приговором суда: 1) на момент исполнения приговора осужденному исполнилось 75 (и более) лет; 2) лицам, осужденным за растрату имущества или получение взятки, в случае возврата трех четвертей растроченного имущества или полученной взятки при условии активного сотрудничества с органами власти в раскрытии и расследовании преступлений, либо с учетом больших достижений (заслуг) осужденного, имеющих общественное значение.

О дополнительных наказаниях для физических лиц в УК СРВ

Запрет занимать определенные должности или запрет заниматься определенной деятельностью. Срок запрета занимать определенные должности или запрет заниматься определенной деятельностью может составлять от 1 года до 5 лет со дня полного отбывания наказания в виде лишения свободы либо со дня вступления приговора в законную силу, если основным наказанием является предупреждение, штраф, исправление, не связанное с лишением свободы, или в случае, если осужденный находится на испытательном сроке условного осуждения.

Запрет на проживание применяется к лицу, осужденному к лишению свободы, если

суд сочтет, что после отбытия наказания в виде лишения свободы оно может воспользоваться благоприятными местными условиями для продолжения совершения преступлений [9, с. 303]. Места, в которых может быть запрещено проживание: крупные города; концентрированные промышленные зоны; приграничные районы, побережья и острова; районы с важными оборонными объектами; районы с важными транспортными узлами. Это места, где необходимо обеспечить высокий уровень безопасности и социального порядка и безопасности. Срок запрета на проживание может составлять от 1 года до 5 лет со дня полного отбытия осужденным наказания в виде лишения свободы.

*Испытательный срок (пробация или гласный надзор)*² является дополнительным наказанием, принуждающим осужденного проживать, заниматься предпринимательской деятельностью, жить и перевоспитываться в определенной местности под контролем и образованием народного комитета коммуны и народа после принятия приговора, завершить наказание в виде лишения свободы. В течение испытательного срока осужденному не разрешается покидать место жительства по собственному желанию. В то же время они лишены ряда гражданских прав, предусмотренных ст. 44 УК СРВ, и им запрещено заниматься определенными профессиями или выполнять определенные работы в соответствии с положениями ст. 41 УК СРВ.

Испытательный срок является более суровым, чем запрет на проживание, потому что он в большей степени ограничивает свободу проживания. Осужденному разрешается жить только в определенной местности, как правило, по месту его рождения или постоянного жительства.

Испытательный срок применяется к лицам, осужденным за преступления против государственной безопасности, при опасном рецидиве или в других случаях, предусмотренных УК СРВ. Его продолжительность – от 1 года до 5 лет со дня отбытия наказания в виде лишения свободы.

Лишение определенных гражданских прав является дополнительным наказанием для осужденных. При применении этого наказания осужденный может быть лишен од-

ного или нескольких из следующих прав: 1) право баллотироваться на выборах в органы государственной власти; 2) право работать в государственных органах; 3) право служить в народных вооруженных силах. Это наказание применяется к вьетнамским гражданам, приговоренным к тюремному заключению за преступления, связанные с посягательством на государственную безопасность, или другие преступления, предусмотренные УК СРВ.

Срок лишения отдельных прав гражданства составляет от 1 года до 5 лет со дня отбытия наказания в виде лишения свободы или со дня вступления приговора в законную силу в случае, если осужденный находится на испытательном сроке условного осуждения.

Конфискация имущества – изъятие части или всего имущества, принадлежащего осужденному, в пользу государственного бюджета. Видно, что это наказание является очень жестким экономическим принуждением к осужденному. Конфискация имущества применяется только к лицам, осужденным за средние тяжкие преступления, тяжкие преступления или особо тяжкие преступления против государственной безопасности, преступления, связанные с наркотиками, коррупцию или иные преступления, предусмотренные в УК СРВ. При конфискации всего имущества необходимо обеспечить условия проживания осужденных и их семей.

Заключение

В заключение подведем следующие итоги.

Во-первых, система наказаний для физических лиц относительно разнообразна. Эта система включает основные и дополнительные наказания. В ней основные наказания выстроены в лестницу по возрастанию строгости.

Во-вторых, наказания, применяемые к физическим лицам, указанные в УК СРВ 2015 г., становятся все более гуманными. Это выражается в сокращении количества преступлений, за которые предусмотрены сроки лишения свободы, пожизненное заключение, смертная казнь. При этом количество преступлений и статей, предусматривающих наказание без лишения свободы, увеличилось по сравнению с Уголовным кодексом СРВ 1999 года.

В-третьих, вьетнамским законодателям целесообразно рассмотреть возможность исключения предупреждений из системы уголовного наказания, потому что и с точки зрения теории, и с точки зрения практики это наказание не удовлетворяет условиям уголовного наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По курсу на 14 мая 2023 г. один российский рубль равен 303.34 донга.

² Используемая сегодня терминология не единообразна среди исследователей при переводе с вьетнамского на русский язык. Некоторые российские авторы при исследовании наказаний во вьетнамском уголовном праве используют термин «испытательный срок (пробация)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Чанг. Некоторые проблемы в положениях о штрафах в Уголовном кодексе Вьетнама. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://noichinh.vn/nghien-cuu-trao-doi/201312/mot-so-vuong-mac-trong-quy-dinh-ve-hinh-phat-tien-trong-bo-luat-hinh-su-viet-nam-293354/>. – Загл. с экрана.
2. Дьонг Ханг. Следует ли отменить наказание в виде предупреждения. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://plo.vn/nen-bo-hinh-phat-can-h-cao-post906.html>. – Загл. с экрана.
3. Ким Ха. Ан Джанг: Сумма дел об уклонении от уплаты налогов достигает триллионов донгов / Ким Ха, Фам Джанг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tienphong.vn/an-giang-so-tien-tron-ke-khai-thue-trong-cac-vu-an-len-toi-hang-nghin-ty-post1434541.tpo>. – Загл. с экрана.
4. Ле Ван Кам. Текущее состояние положений уголовного законодательства Вьетнама о системе наказаний и направления совершенствования / Ле Ван Кам, Чинь Тиен Вьет // Научный журнал Вьетнамского национального университета. Серия Экономика – Юриспруденция. – 2008. – № 24. – С. 206–217.
5. Ле Ван Кам. Уголовное законодательство Вьетнама после третьей кодификации: некоторые новые главные особенности норм Общей части / Ле Ван Кам, Нгуен Тхи Лан // Вестник СПбГУ. Право. – 2017. – Т. 8, вып. 4. – С. 452–458. – DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2017.407>
6. Май Хонг Хань. Система наказаний по уголовному кодексу Вьетнама : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Май Хонг Хань. – М., 1994. – 24 с.
7. Тхао Линь. Положения о предупреждениях как виде наказания в Уголовном кодексе Вьетна-

ма. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://noichinh.vn/nghien-cuu-trao-doi/201312/quy-dinh-ve-hinh-phat-canhh-cao-trong-bo-luat-hinh-su-nam-1999-293356/>. – Загл. с экрана.

8. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27 ноября 2015 г. № 100/2015/QH13.

9. Уголовное право Вьетнама. Части Общая : учеб. для бакалавров / отв. ред. Нгуен Нгок Хоа. – 24-е изд., перераб. и доп. – Ханой : Ханойский юрид. ун-т, 2018. – 428 с.

10. Уголовное право Вьетнама. Части Общая : учеб. для бакалавров / отв. ред. Ле Ван Кам. – Ханой : Юрид. шк. Вьетнам. нац. ун-та, 2008. – 536 с.

11. Amnesty International. Death Sentences and Executions 2021. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.amnesty.org/en/documents/act50/5418/2022/en/>. – Title from screen.

12. Nguyen Thi Thanh Hai. Study: On the Possibility of Viet Nam Ratifying the Second Optional Protocol to the ICCPR Aiming at the Abolition of the Death Penalty / Nguyen Thi Thanh Hai, Nguyen Van Hoan, Nguyen Minh Khue. – Hanoi, 2019.

REFERENCES

1. Van Chang. *Nekotorye problemy v polozheniyah o shtrafah v Ugolovnom kodekse Vietnama* [Wang Chang. Some Problems in the Provisions on Fines in the Penal Code of Vietnam]. URL: <https://noichinh.vn/nghien-cuu-trao-doi/201312/mot-so-vuong-mac-trong-quy-dinh-ve-hinh-phat-tien-trong-bo-luat-hinh-su-viet-nam-293354/>

2. Dyong Hang. *Sleduet li otmenit' nakazanie v vide preduprezhdeniya* [Whether to Cancel the Punishment in the Form of a Warning]. URL: <https://plo.vn/nen-bo-hinh-phat-canhh-cao-post906.html>

3. Kim Ha, Fam Dzhang. *An Dzhiang: Summa del ob uklonenii ot uplaty nalogov dostigaet trillionov dongov* [An Giang: Tax Evasion Cases Amount to Trillions of Dong]. URL: <https://tienphong.vn/an-giang-so-tien-tron-ke-khai-thue-trong-cac-vu-an-len-toi-hang-nghin-ty-post1434541.tpo>

4. Le Van Kam, Chinh Tien Viet. Tekushchee sostoyanie polozhenij ugolovnogo zakonodatel'stva V'etnama o sisteme nakazaniy i napravleniya sovershenstvovaniya [The Current State of the

Provisions of the Criminal Law of Vietnam on the System of Punishments and Directions for Improvement]. *Nauchnyj zhurnal Vietnamskogo nacional'nogo universiteta. Seriya Ekonomika – Yurisprudenciya* [Scientific Journal of the Vietnam National University, Series Economics – Jurisprudence], 2008, no. 24, pp. 206-217.

5. Le Van Cam, Nguyen Thi Lan. Ugolovnoye zakonodatelstvo Vyetnama posle tretyey kodifikatsii: nekotoryye novyye glavnyye osobennosti norm Obshchey chasti [The Criminal legislation of Vietnam after Codification III. Some New Key Features of the Regulations of the Common Parts]. *Vestnik SPbGU. Pravo* [Vestnik SPbSU. Law], 2017, vol. 8, iss. 4, pp. 452-458. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2017.407>

6. Mai Hong Hanh. *Sistema nakazaniy po ugolovnomu kodeksu Vietnama: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The System of Punishments Under the Criminal Code of Vietnam. Cand. legal sci. abs. diss.]. Moscow, 1994. 24 p.

7. Thao Linh. *Polozheniya o preduprezhdeniyah kak vide nakazaniya v Ugolovnom kodekse Vietnama* [Provisions on Warnings as a Form of Punishment in the Penal Code of Vietnam]. URL: <https://noichinh.vn/nghien-cuu-trao-doi/201312/quy-dinh-ve-hinh-phat-canhh-cao-trong-bo-luat-hinh-su-nam-1999-293356/>

8. *Ugolovnyy kodeks Sotsialisticheskoy Respubliki Vyetnam ot 27 noyabrya 2015 g. № 100/2015/QH13* [Penal Code of the Socialist Republic of Vietnam. № 100/2015/QH13, November 27, 2015].

9. Nguen Ngok Hoa, ed. *Ugolovnoe pravo Vietnama. Chasti Obshchaya: ucheb. dlya bakalavrov* [Vietnamese Criminal Law. Parts General: Textbook for Bachelors]. Hanoi, Hanojskij yurid. un-t, 2018. 428 p.

10. Le Van Kam, ed. *Ugolovnoe pravo Vietnama. Chasti Obshchaya: ucheb. dlya bakalavrov* [Vietnamese Criminal Law. Parts General: Textbook for Bachelors]. Hanoi, Yurid. shk. Vyetsnam. nats. un-ta, 2008. 536 p.

11. Amnesty International. *Death Sentences and Executions 2021*. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/act50/5418/2022/en/>

12. Nguyen Thi Thanh Hai, Nguyen Van Hoan, Nguyen Minh Khue. *Study: On the Possibility of Viet Nam Ratifying the Second Optional Protocol to the ICCPR Aiming at the Abolition of the Death Penalty*. Hanoi, 2019.

Information About the Author

Tran Phi Long, Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University, Sadovaya-Kudrinskaya St, 9, 125993 Moscow, Russian Federation, tranphilongnv6@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8641-1120>

Информация об авторе

Чан Фи Лонг, аспирант кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, ул. Садовая-Кудринская, 9, 125993 г. Москва, Российская Федерация, tranphilongnv6@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8641-1120>

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.21>

UDC 343.9
LBC 67.4

Submitted: 10.05.2023
Accepted: 31.05.2023

SOME FEATURES OF THE TACTICS OF THE INVESTIGATIVE EXAMINATION IN CRIMINAL CASES OF KIDNAPPING

Svetlana R. Abramova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Introduction. Kidnapping belongs to the category of the most dangerous crimes that encroach on the freedom and personal inviolability of a person. Kidnapping is the most often committed by organized criminal groups to ensure other, no less dangerous, criminal activities. This circumstance causes certain difficulties in the detection and investigation of kidnapping, which in turn requires constant improvement of private methods of investigation of these crimes. The **purpose** of the paper is based on the analysis of the available literature and the practice of investigating criminal cases to further improve the tactics of conducting an investigative examination in the detection of kidnapping. **Methods.** To achieve the tasks set by the author, general scientific (analysis, synthesis) and specific scientific (formal legal) research methods are used. **Results.** The investigative examination in cases of kidnapping has its own characteristics due to the peculiarity of the method of committing the crime. The “trace picture” remains as a result of the preparation, commission, and concealment of such actions by criminals as the capture of the kidnapped people, their transportation, and their detention. The paper presents the investigative situations, the combination of which affects the choice of tactics for conducting an investigative examination in cases of kidnapping, determining the place and time of the examination, and provides a list of objects and traces that should be detected and seized during certain types of examination in cases of kidnapping. **Conclusions.** The paper identifies the features and problems of the investigative examination, provides recommendations for improving the tactics of certain types of examination conducted in cases of kidnapping, and identifies the problems that require legislative resolution.

Key words: kidnapping, investigative examination, scene examination, investigation of crimes, investigative situations.

Citation. Abramova S.R. Some Features of the Tactics of the Investigative Examination in Criminal Cases of Kidnapping. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 162-169. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.21>

УДК 343.9
ББК 67.4

Дата поступления статьи: 10.05.2023
Дата принятия статьи: 31.05.2023

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПОХИЩЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Светлана Рамильевна Абрамова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Введение: похищение человека относится к категории наиболее опасных преступлений, посягающих на свободу и личную неприкосновенность человека. Похищение человека чаще всего совершается организованными преступными группами для обеспечения иной, не менее опасной, преступной деятельности. Это обстоятельство создает определенные трудности при выявлении и расследовании похищения человека, что в свою очередь требует постоянного совершенствования частной методики расследования этих преступлений. **Целью** данной статьи является на основе анализа имеющейся литературы и практики расследования уголовных дел дальнейшее совершенствование тактики производства следственного осмотра при расследовании похищения человека. **Методы:** для достижения поставленной цели были использованы общенаучные (анализ, синтез) и частнонаучные (формально-юридический) методы исследования. **Результаты:** производство следственного осмотра по делам о похищении человека имеет свои особенности, обусловленные своеобразием способа совершения преступления. «Следовая картина» остается в результате подготовки, совершения и сокрытия таких действий преступников, как захват похищенного, его перевозка и удержание. В статье приводятся следственные ситуации, комбинации которых влияют на выбор тактики производства следственного осмотра по делам о похищении человека, на определение места, времени производства осмотра, составлен перечень объектов и следов, которые следует обнаружить и изъять в ходе отдельных видов осмотра по делам о похищении человека. **Выводы:** в статье выявлены особенности и проблемы производства следственного осмотра, даны рекомендации по совершенствованию тактики отдельных видов осмотра, проводимых по делам о похищении человека, обозначены проблемы, требующие законодательного разрешения.

Ключевые слова: похищение человека, следственный осмотр, осмотр места происшествия, расследование преступлений, следственные ситуации.

Цитирование. Абрамова С. Р. Некоторые особенности тактики производства следственного осмотра по уголовным делам о похищении человека // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 162–169. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.21>

Введение

Преступное деяние, предусмотренное ст. 126 УК РФ, представляет высокую общественную опасность, так как посягает на гарантированное Конституцией Российской Федерации право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность. С 2014 г. на территории РФ ежегодно совершается порядка 350–400 похищений человека. Так, согласно данным ГИАЦ МВД России, количество официально зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 126 УК РФ, в обозначенный период распределилось следующим образом: 2014 г. – 369, 2015 – 369, 2016 г. – 351, 2017 г. – 374, 2018 г. – 378; 2019 г. – 353, 2020 г. – 411, 2021 г. – 382, 2022 г. – 393 [7; 8]. Необходимо отметить и тот факт, что потерпевшие от похищения могут сами совершать противоправные действия, так как либо боятся мести со стороны преступников, либо не доверяют «представителям учреждений дознания и следствия, не надеясь на их помощь» [17, с. 3], в связи с чем не заявляют о преступлении. По этим причинам цифры официальной статистики могут не отражать реальные масштабы преступной деятельности.

Опасность данного преступного деяния заключается и в том, что, как справедливо отмечают исследователи, оно является неким «промежуточным звеном» для достижения иной преступной цели [10, с. 83–88; 18, с. 3], совершения иных, в том числе тяжких и особо тяжких преступлений. Похищение человека может предшествовать таким преступлениям, как вымогательство, торговля людьми, использование рабского труда, организация занятия проституцией, незаконное усыновление и др. В современных условиях реализация этих преступных деяний в основном осуществляется хорошо организованными преступными группами, деятельность которых может носить транснациональный характер. Так, в 2014 г. Алтайским краевым судом были осуждены члены ОПГ по ст. 126, 240, 241, 127.1 УК РФ, которые на протяжении 2 лет похищали девушек, насильно их удерживали, заставляли заниматься проституцией [4]. Безусловно, расследование таких преступлений требует высокого профессионализма сотрудников правоохранительных органов, совершенствования частных методик расследования и в том числе тактики производства отдельных следственных действий.

Практически ни одно расследование не обходится без производства следственного осмотра, который заключается в непосредственном восприятии и изучении следователем любых объектов в целях исследования обстоятельств деяния, обнаружения, фиксации и изъятия предметов, документов, веществ и следов, которые имеют или могут иметь значение для раскрытия преступления и расследования уголовного дела [3, с. 75]. При расследовании уголовных дел о похищении человека производятся следующие виды следственного осмотра: осмотр места происшествия; осмотр трупа на месте его обнаружения (в случае наступления смерти похищенного); предметов и документов; почтово-телеграфной корреспонденции; осмотр жилых (нежилых) помещений.

Особенности осмотра места происшествия по делам о похищении человека

Осмотр места происшествия является самым результативным и значимым видом следственного осмотра при расследовании большинства уголовных дел. Однако для осмотра места происшествия по делам о похищении человека это не характерно [15, с. 18]. Большинство исследователей отмечают, что по делам о похищении человека при осмотре места происшествия обнаруживается мало материальных следов преступления. Это может быть обусловлено спецификой самого механизма преступления, что в свою очередь требует более грамотного подхода сотрудниками правоохранительных органов к тактике производства места происшествия при расследовании похищения человека. В литературе отмечается, что нередко при расследовании рассматриваемых преступлений следователи не проводят осмотр места происшествия вообще, проводят его формально [2] либо несвоевременно [20, с. 21], что приводит к неполучению или утрате доказательственной информации.

Под местом происшествия в криминалистике принято понимать участок местности или помещения, в пределах которого совершено преступление, осуществлялась его подготовка, где обнаружены последствия пре-

ступления. В нашем понимании способ совершения похищения человека в криминалистическом смысле следует рассматривать как систему продуманных и взаимосвязанных действий преступника по подготовке, непосредственному совершению и сокрытию захвата похищенного, его перевозки и удержания. Исходя из этого по делам рассматриваемой категории осмотру подлежат: место захвата потерпевшего; место насильственного удержания; место (объект), где перевозился похищенный.

Место похищения (захвата) человека – это место, где похищенный был изъят из обычной среды обитания. Такими местами могут являться: жилые помещения (собственные квартиры похищенных), квартиры других лиц; нежилые помещения (место работы похищенного), иные общественные места, открытые участки местности – улицы, парки, площади и т. д.

Место насильственного удержания – это место, где жертва похищения удерживалась против своей воли. Это могут быть могут быть жилые (квартиры, дома, принадлежащие похитителям или иным лицам (например, съемные)) места и нежилые (подвалы, чердаки, иные «сооружения», специально приспособленные для насильственного удержания в малолюдном месте (землянки и пр.)).

Для перемещения похищенных лиц чаще всего используется наземный или водный транспорт (автомобили, катера, лодки).

Некоторые авторы в определении следственного осмотра отмечают, что данное процессуальное действие проводится в «определенной ситуации» [11, с. 7]. Ситуационный подход особенно актуален при производстве именно осмотра места происшествия. «Использование ситуационного моделирования в криминалистической тактике позволяет решить целый комплекс задач», в частности «способствует построению, проверке и оценке информационной модели расследуемого события и составляющих ее криминальных ситуаций; в значительной мере оптимизирует подготовку и планирование следственного действия; повышает эффективность принимаемых следователем решений» [7, с. 62–63].

Типовые следственные ситуации, которые складываются на первоначальном этапе

рассматриваемого преступного деяния в литературе, классифицируются по различным основаниям [5, с. 98; 13, с. 102–116]. Рассмотрим те следственные ситуации, учет которых, на наш взгляд, существенно может повлиять на выбор тактики осмотра места происшествия, качество его проведения.

В зависимости от источника получения информации о похищении человека выделяются:

1) следственная ситуация, в которой о похищении стало известно по результатам оперативной разработки ОПГ или в результате расследования иного преступления (может быть информация о похитителях, способах и мотивах совершения преступления);

2) следственная ситуация, в которой о похищении стало известно от родственников потерпевшего (похитители могут быть известны, или неизвестны);

3) следственная ситуация, в которой о преступлении стало известно от случайных очевидцев похищения (могут быть известны установочные данные о преступниках, похищенном лице, способе похищения);

4) следственная ситуация, в которой поступает заявление от освободившейся жертвы похищения (может быть известна информация о преступниках, способах и мотивах похищения).

В зависимости от того, предъявлялись ли требования похитителями, выделяются:

1) следственная ситуация, в которой похитители выдвинули требования за освобождения похищенного;

2) следственная ситуация, в которой похитители не предъявляли требования за освобождение похищенного.

В зависимости от того, выполнены ли требования похитителей и освобождена ли жертва похищения, можно выделить следующие следственные ситуации:

1) требования преступников выполнены, жертва освобождена;

2) требования преступников выполнены, жертва не освобождена;

3) требования преступников не выполнены или выполнены частично, жертва не освобождена.

Осмотр места похищения (захвата) человека проводится при получении информации

от случайных очевидцев похищения или от родственников в ситуации, в которой похитители не предъявляли требования за освобождение похищенного. В этой ситуации одной из важных задач осмотра места похищения является обнаружение следов, которые помогут задержать преступников по горячим следам, установить их личности, местонахождение похищенного. Наиболее типичные следы, которые обнаруживают на месте похищения: следы рук, ног, транспортных средств, следы оказания жертвы сопротивления преступникам (следы волочения, оторванные пуговицы, части одежды, следы крови) и т. д. Определяя границы осмотра, исходя из обстоятельств похищения, необходимо искать следы подхода и отхода преступников, место, где преступники могли ожидать похищенного.

Целесообразно привлекать к осмотру место захвата лиц, которые были очевидцами преступления. Это может значительно облегчить уяснение обстоятельств похищения, обнаружение мест, где могут быть найдены различные следы.

В ситуации, когда родственники сообщают о похищении человека и преступники выдвинули свои требования за освобождение похищенного лица (похищение осуществляется с целью выкупа), производство осмотра места происшествия раскрывает преступникам факт обращения родственников в правоохранительные органы. Тем самым создается угроза жизни и здоровью жертве похищения, так как преступниками практически всегда при выдвигании требований за освобождение похищенного лица указывается на последствия за обращения в правоохранительные органы. По мнению Р.А. Адельханян, в подобной ситуации «осмотр места происшествия не следует осуществлять демонстративно открыто» [1, с. 127], что представляется весьма затруднительным. Соблюдение конспирации является условием обеспечения безопасности похищенного, поэтому использование возможностей оперативно-розыскных органов для собирания необходимой информации для освобождения заложника в подобной ситуации представляется наиболее целесообразным. «Полноценный» осмотр места захвата следует проводить после освобождения похищенного с целью формирования доказательствен-

ной базы по уголовному делу. Так, обнаруженные следы похитителей при осмотре места задержания позволит провести соответствующие исследования, тем самым доказать причастность конкретных лиц к преступлению; изучение обстановки похищения позволит в дальнейшем провести такие следственные действия, как проверка показаний на месте, следственный эксперимент и т. д.

В ситуации, когда жертва освобождена, следует проводить осмотр мест насильственного удержания похищенного. В подобных местах необходимо искать следы преступников и следы пребывания похищенного. Необходимо подробно описывать место удержания, условия содержания (наличие спального места, посуды для приема пищи), обстоятельства, указывающие на насильственное удержание (решетки на окнах, запорные устройства и т. д.), обстоятельства, направленные на подавление воли похищенного, его устрашение (отсутствие света в помещении). В месте насильственного удержания необходимо искать следы применения насильственных действий (следы крови, следы слюны на кляпах и т. д.); предметы, с помощью которых осуществлялось удержание (веревки для связывания, наручники и т. д.); предметы и средства, используемые преступниками для достижения преступного замысла (оружие, фонограммы, записывающая аппаратура, сотовые телефоны, документы, расписки, записки и т. д.).

В следственной ситуации, в которой поступает заявление от освободившейся жертвы похищения (например, требования похитителей были выполнены родственниками потерпевшего), либо в ситуации, когда жертва была освобождена правоохранительными органами в результате тактической операции, но преступники не задержаны, задачей расследования является установление похитителей, установление местонахождения преступников и похищенного. Для решения поставленной задачи, наряду с другими следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями, целесообразно проводить осмотры места захвата, удержания, освобождения похищенного.

В ситуации, когда в результате тактической операции жертва была освобождена и преступники задержаны – осмотру подлежат

место задержания преступников (с поличным в момент получения ими выкупа) и место, из которого был освобожден потерпевший. Эти объекты осмотра обусловлены организацией и проведением тактической операции по задержанию преступников и освобождению похищенного.

Во всех ситуациях, когда жертва похищения на свободе и ее физическое состояние позволяет, осмотр места происшествия целесообразно проводить с участием потерпевшего. Кроме того, место удержания и захвата не во всех следственных ситуациях бывает известно в начале расследования и определяется во время допроса потерпевшего после освобождения.

Особенности производства иных видов осмотра по делам о похищении человека

Для установления похитителей, а также местонахождения преступников и жертвы может быть результативным осмотр места жительства похищенного. Информацию о круге знакомств и общения, контактах, интересах, намерениях можно обнаружить в записных книжках, личных дневниках, на электронных носителях, в компьютере, телефоне и т. д. При осмотре компьютерной техники, цифровых носителей и иных гаджетов необходимо использовать помощь специалиста, требуется применение специальной техники и тактических приемов [12, с. 22; 19].

Как мы уже отмечали, по делам данной категории родственники могут быть не заинтересованы в привлечении к освобождению похищенного лица правоохранительных органов и могут не дать согласия по проведению осмотра жилища. На стадии проверки факта о возможном похищении человека осмотр жилища в силу ч. 2 ст. 176 УК РФ провести не представляется невозможным. На практике в подобных ситуациях проводится осмотр места происшествия, что далеко не так однозначно принимается судами. А в условиях конфликтной ситуации с хозяевами жилых помещений возникают определенные сложности в проведении осмотра. В связи с этим представляется весьма актуальным мнения ученых о необходимости единообразного толкования,

а также законодательного закрепления таких понятий, как место происшествия и осмотр места происшествия [9, с. 133–140; 14, с. 9; 16, с. 227–229].

По делам о похищении человека следственному осмотру подвергаются предметы и документы: фонограммы, письма, записки с требованиями похитителей или фонограммы с голосом похищенного, фотографии или видеозаписи с изображением похищенного, предметов вымогательства, после передачи преступникам, в ходе тактической операции по освобождению похищенного и т. д. «При похищениях человека в 2,3 % случаях удавалось установить следы рук преступников на записках, письмах; на конвертах была обнаружена слюна – 4,2 % случаев» [6].

Выводы

При расследовании уголовных дел о похищении человека производятся все виды следственного осмотра, предусмотренные УПК РФ. Однако на практике следователи не в полной мере используют возможности данного следственного действия, осуществляя его поверхностно, формально. Оптимизации подготовки, планированию и производству следственного осмотра в значительной мере способствует учет своеобразия способа совершения похищения человека и использование ситуационного моделирования. Это в частности позволяет определить место, время производства осмотра, перечень объектов и следов, которые возможно обнаружить и изъять; влияет на выбор и использование тактических приемов в ходе производства отдельных видов следственного осмотра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адельханян, Р. А. Расследование похищения человека / Р. А. Адельханян. – М. : МЗ Пресс, 2003. – 222 с.
2. Адмиралова, И. А. Методика расследования похищения человека : дис. ... канд. юрид. наук / Адмиралова Ирина Александровна. – М., 2003. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://lawtheses.com/metodika-rassledovaniya-pohishcheniya-cheloveka>. – Загл. с экрана.
3. Баев, О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика / О. Я. Баев. – М. : Экзамен, 2003. – 430 с.
4. В Алтайском крае вынесен приговор преступной группе за похищение девушек для занятия проституцией // Прокуратура Алтайского края. – 2011. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_22/mass-media/news/archive?item=19449927 – Загл. с экрана.
5. Варданян, А. А. Особенности расследования преступлений, связанных с торговлей людьми: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Варданян Артем Акопович. – Ростов н/Д, 2012. – 26 с.
6. Волков, А. С. Правовые и криминалистические проблемы выявления и раскрытия похищения человека : дис. ... канд. юрид. наук / Волков Андрей Сергеевич. – Саратов, 2002. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/pravovye-i-kriminalisticheskie-problemy-vyyavleniya-i-raskrytiya-pokhishcheniya-cheloveka>. – Загл. с экрана.
7. Волчецкая, Т. С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике : учеб. пособие / Т. С. Волчецкая. – Калининград : Изд-во КГУ, 1997. – 95 с.
8. Данные ГИАЦ МВД РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762>. – Загл. с экрана.
9. Иванов, А. Н. Проблемы совершенствования понятийного аппарата следственного осмотра / А. Н. Иванов // Известия Саратовского университета. Серия: История. Право. Международные отношения. – 2005. – Т. 5. – № 1-2. – С. 133–140.
10. Иванов, Л. Н. Исследование проблемы похищения людей / Л. Н. Иванов, А. С. Волков, Д. Л. Иванов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2001. – № 2 (16). – С. 83–88.
11. Иванов, Л. А. Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий / Л. А. Иванов. – Саратов, 1993. – 155 с.
12. Калюжный, А. Н. Общая методика расследования преступлений против свободы личности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Калюжный Александр Николаевич. – Орел, 2022. – 54 с.
13. Копенкина, Л. А. Похищение человека: уголовно-правовые и криминалистические аспекты / Л. А. Копенкина. – СПб. : СПГУВК, 2010. – 216 с.
14. Мамонов, В. С. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты осмотра места происшествия в современных условиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мамонов Василий Сергеевич. – Краснодар, 2008. – 27 с.
15. Оспичев, И. М. Методика расследования похищений людей, совершаемых организованными группами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Оспичев Игорь Михайлович. – Тюмень, 2006. – 20 с.

16. Пичук, Л. В. К вопросу о понятии осмотра места происшествия / Л. В. Пичук // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 227–231.

17. Половка, В. В. Первоначальный этап расследования похищения людей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Половка Василий Васильевич. – Тюмень, 2005. – 20 с.

18. Серова, Е. Б. Криминалистические аспекты противодействия преступлениям против личности : учеб. пособие. Ч. 3 : Криминалистические аспекты противодействия преступлениям против свободы, чести и достоинства личности / Е. Б. Серова. – СПб. : Санкт-Петербург. юрид. ин-т (филиал) Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2014. – 68 с.

19. Смушкин, А. Б. Криминалистическое исследование мобильных устройств / А. Б. Смушкин // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2020. – № 2. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskoe-issledovanie-mobilnyh-ustroystv>. – Загл. с экрана.

20. Ушатов, Д. В. Методика расследования похищения человека, совершенного преступными группами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ушатов Дмитрий Викторович. – Волгоград, 2004. – 24 с.

REFERENCES

1. Adel'khanian R.A. *Rassledovanie pokhishcheniia cheloveka* [Kidnapping Investigation]. Moscow, MZ Press Publ., 2003. 222 p.

2. Admiralova I.A. *Metodika rassledovaniia pokhishcheniia cheloveka: dis. ... kand. yurid. nauk* [Abduction Investigation Methodology. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2003. URL: <http://lawtheses.com/metodika-rassledovaniya-pohishcheniya-cheloveka>

3. Baev O.Ia. *Taktika ugolovnogo presledovaniia i professional'noi zashchity ot nego. Sledstvennaia taktika* [Tactics of Criminal Prosecution and Professional Defense Against It. Investigative Tactics]. Moscow, Ekzamen Publ., 2003. 430 p.

4. V Altaiskom krae vnesen prigovor prestupnoi gruppe za pokhishchenie devushek dlia zaniatiia prostitutsiei [In the Altai Territory, a Criminal Group Was Sentenced for Kidnapping Girls for Prostitution]. *Prokuratura Altaiskogo kraia* [Prosecutor's Office of the Altai Territory], 2011. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_22/mass-media/news/archive?item=19449927

5. Vardanian A.A. *Osobennosti rassledovaniia prestuplenii, svyazannykh s torgovlei liud'mi: ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Peculiarities of Investigating Crimes Related to Human Trafficking:

Criminal Procedural and Forensic Aspects. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Rostov-on-Don, 2012. 26 p.

6. Volkov A.S. *Pravovye i kriminalisticheskie problemy vyivleniia i raskrytiia pokhishcheniia cheloveka: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal and Forensic Problems of Detection and Disclosure of Kidnapping. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2002. URL: <https://www.dissercat.com/content/pravovye-i-kriminalisticheskie-problemy-vyyavleniya-i-raskrytiya-pokhishcheniya-cheloveka>.

7. Volchetskaia T.S. *Sovremennye problemy modelirovaniia v kriminalistike i sledstvennoi praktike: ucheb. posobie* [Modern Problems of Modeling in Forensic Science and Investigative Practice: Textbook]. Kaliningrad, Izd-vo KGU, 1997. 95 p.

8. *Dannye GIATS MVD RF* [Data from the GIATS of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762>

9. Ivanov A.N. *Problemy sovershenstvovaniia poniatinogo apparata sledstvennogo osmotra* [Problems of Improving the Conceptual Apparatus of Investigative Inspection]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Seriya: Istorii. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia* [News of the Saratov University. Series: History. Right. International Relations], 2005, vol. 5, no. 1-2, pp. 133-140.

10. Ivanov L.N., Volkov A.S., Ivanov D.L. *Issledovanie problem pokhishcheniia liudei* [Research Into the Problem of Kidnapping]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies], 2001, no. 2 (16), pp. 83-88.

11. Ivanov L.A. *Sledstvennyi osmotr pri rassledovanii transportnykh proisshestvii* [Investigative Inspection During the Investigation of Transport Accidents]. Saratov, 1993. 155 p.

12. Kaliuzhnyi A.N. *Obshchaia metodika rassledovaniia prestuplenii protiv svobody lichnosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [General Methodology for Investigating Crimes Against Personal Freedom. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Orel, 2022. 54 p.

13. Kopenkina L.A. *Pokhishchenie cheloveka: ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty* [Abduction of a Person: Criminal Law and Forensic Aspects]. Saint Petersburg, SPGUVK Publ., 2010. 216 p.

14. Mamonov V.S. *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty osmotra mesta proisshestviia v sovremennykh usloviakh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Procedural and Forensic Aspects of the Inspection of the Scene in Modern Conditions. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Krasnodar, 2008. 27 p.

15. Ospichev I.M. *Metodika rassledovaniia pokhishchenii liudei, sovershaemykh organizovannymi*

gruppami: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Methodology for Investigating Kidnappings Committed by Organized Groups. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Tiumen', 2006. 20 p.

16. Pichuk L.V. K voprosu o poniatii osmotra mesta proisshestiia [To the Question of the Concept of Inspection of the Scene]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 5, pp. 227-231.

17. Polovka V.V. *Pervonachal'nyi etap rassledovaniia pokhishcheniia liudei: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Initial Stage of the Kidnapping Investigation. Cand. jurid. sci. abs. diss.], Tiumen', 2005. 20 p.

18. Serova E.B. *Kriminalisticheskie aspekty protivodeistviia prestupleniiam protiv lichnosti: ucheb. posobie. Ch. 3: Kriminalisticheskie aspekty protivodeistviia prestupleniiam protiv svobody,*

chesti i dostoinstva lichnosti [Forensic Aspects of Combating Crimes Against the Person: Textbook. Part 3: Criminalistic Aspects of Countering Crimes Against Freedom, Honor and Dignity of the Individual]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburg. urid. in-t (filial). Akad. General. prokuratury RF, 2014. 68 p.

19. Smushkin A.B. *Kriminalisticheskoe issledovanie mobil'nykh ustroystv* [Forensic Investigation of Mobile Devices]. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu iuridicheskomu zhurnalu»* [Electronic Appendix to the "Russian Legal Journal"], 2020, no 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskoe-issledovanie-mobilnyh-ustroystv>

20. Ushatov D.V. *Metodika rassledovaniia pokhishcheniia cheloveka, sovershennogo prestupnymi gruppami: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Methodology for Investigating a Kidnapping Committed by Criminal Groups. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2004. 24 p.

Information About the Author

Svetlana R. Abramova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminalistics, Saratov State Law Academy, Chernyshevskogo St, 104, 410056 Saratov, Russian Federation, post@sgap.ru, abramovsr@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5021-4870>

Информация об авторе

Светлана Рамильевна Абрамова, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Чернышевского, 104, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, post@sgap.ru, abramovsr@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5021-4870>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.22>

UDC 347.963
LDC 67.72

Submitted: 10.01.2023
Accepted: 28.04.2023

IMPROVING THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTING THE LEGISLATION ON COUNTERING EXTREMISM

Pavel P. Fantrov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Ilyas T. Zakharya

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction. The growth of extremist crimes makes it necessary to increase the effectiveness of the activities of law enforcement agencies to counter this destructive phenomenon, where the leading role is assigned by the legislator to the prosecutor's office. It is important to improve the mechanisms of interaction and consolidation of the subjects of countering extremism (for example, to modernize the plans of coordination activities of law enforcement agencies, to focus more attention on the problems of the legal regulation of crimes in the virtual space, and to implement the best foreign experience of the legislative regulation of coordination activities). The **purpose** of the study is to develop conceptual proposals to improve the activities of the prosecutor's office in countering extremism. **Research objectives.** To characterize the current problems of countering extremist crimes; to assess the current problems of the prosecutor's office's activities to prevent extremist crimes; to identify the problems related to the coordination of law enforcement activities to counter extremism; and to identify promising areas for improving domestic legislation in the issues under consideration. As the methodological framework for the research, the general scientific **methods** were used: analysis, abstraction, and the dialectical method, as well as a set of specific scientific methods: institutional, formal legal, comparative legal, interpretative, etc. **Results.** The specific features of the prosecutor's supervision over implementing legislation on countering extremist activity are described; the counter-arguments arising within the framework of countering extremism are identified and characterized; the problematic aspects of the use by the prosecutor's office of some means of prosecutorial response in the process of implementing the legislation on countering extremism (presentation, warning) are investigated; and the mechanisms for coordinating the activities of the prosecutor's office and other law enforcement agencies to counter extremism are described. **Conclusions.** The effectiveness of the activities of the prosecutor's office in countering extremism depends on a set of the following factors: improving the mechanisms of interaction among all subjects of countering this category of crimes; the professional development of prosecutors within this activity; not formal but careful supervision of the activities of supervised and other subjects of prevention in this area; granting prosecutors additional powers to combat extremism; and the modernization of the legislative framework regulating the problematic aspects of the prevention of extremist activity.

Key words: extremism, prosecutor's office, law enforcement agencies, prosecutor's supervision, legislation, virtual space, crime prevention.

Citation. Fantrov P.P., Zakharya I.T. Improving the Activities of the Prosecutor's Office in the Context of Implementing the Legislation on Countering Extremism. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 170-178. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.22>

УДК 347.963
ББК 67.72

Дата поступления статьи: 10.01.2023
Дата принятия статьи: 28.04.2023

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

Павел Петрович Фантров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ильяс Тюлюгенович Захарья

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: рост преступлений экстремистской направленности обуславливает необходимость повышения эффективности координации деятельности правоохранительных органов по противодействию этому деструктивному феномену, где ведущая роль законодателем отведена органам прокуратуры. В этой связи важно совершенствовать механизмы взаимодействия и консолидации субъектов противодействия экстремизму (например, модернизировать планы координационной деятельности правоохранительных органов, акцентировать больше внимания на проблемах правового регулирования преступлений в виртуальном пространстве, имплементировать передовой зарубежный опыт законодательного регулирования координационной деятельности). **Цель исследования:** разработать концептуальные предложения по совершенствованию деятельности органов прокуратуры в контексте противодействия экстремизму. **Задачи исследования:** охарактеризовать актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности; дать оценку актуальным проблемам деятельности органов прокуратуры по предупреждению преступлений экстремистской направленности; выявить проблемы, связанные с координацией деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремизму; определить перспективные направления совершенствования отечественного законодательства в контексте рассматриваемой проблематики. В качестве **методологической основы** исследования использованы общенаучные методы: анализ, абстрагирование и диалектический метод, а также комплекс научно-научных методов: институциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой, интерпретационный и др. **Результаты:** описаны специфические черты прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности; выявлены и охарактеризованы контрверзы, возникающие в рамках противодействия экстремизму; исследованы проблемные аспекты применения органами прокуратуры некоторых средств прокурорского реагирования в процессе исполнения законодательства о противодействии экстремизму (представление, предостережение); описаны механизмы координации деятельности прокуратуры и иных правоохранительных органов по противодействию экстремизму. **Выводы:** результативность деятельности органов прокуратуры в контексте противодействия экстремизму зависит от комплекса следующих факторов: совершенствование механизмов взаимодействия всех субъектов противодействия данной категории преступлений; повышение квалификации прокуроров в рамках данной деятельности; не формальный, а тщательный надзор за деятельностью поднадзорных и иных субъектов профилактики в рассматриваемой сфере; наделение прокуроров дополнительными полномочиями по борьбе с экстремизмом; модернизация законодательной базы, регулирующей проблемные аспекты профилактики экстремистской деятельности.

Ключевые слова: экстремизм, прокуратура, правоохранительные органы, прокурорский надзор, законодательство, виртуальное пространство, противодействие преступности.

Цитирование. Фантров П. П., Захарья И. Т. Совершенствование деятельности органов прокуратуры в контексте исполнения законодательства о противодействии экстремизму // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 170–178. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.22>

Введение

Систему органов прокуратуры Российской Федерации можно охарактеризовать как важный субъект противодействия экстремизму. Несмотря на то что ответственность за борьбу с этой угрозой общественной безопасности несут практически все государственные и муниципальные ведомства и учреждения, прокуратура играет ключевую роль в этой сфере. Надзорная деятельность данного правоохранительного органа по противодействию экстремизму является самостоятельным сектором с превентивной направленностью и обусловлена функцией прокуратуры по надзо-

ру и координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью [11, с. 184].

Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму является особой формой реализации правоохранительной функции органов прокуратуры. Он призван обеспечить точное и единообразное соблюдение, исполнение и применение антиэкстремистского законодательства, которое действует на территории Российской Федерации. Содержание надзорной деятельности органов прокуратуры в рассматриваемой нами сфере иллюстрирует, что данный вид деятельности по существу самостоятелен и

отличается от иных отраслей прокурорского надзора. Под «независимым» содержанием понимается мониторинг исполнения правовых требований, проверка соответствия правовых актов действующему антиэкстремистскому законодательству, а в случае выявления нарушений – их устранение или принятие предусмотренным законодательством мер по устранению.

Современные реалии обуславливают необходимость в повышении эффективности деятельности органов прокуратуры в контексте противодействия экстремизму, совершенствовании координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с этим деструктивным явлением [3, с. 7]. Геополитическая ситуация актуализирует повышение качества деятельности органов прокуратуры по предупреждению актов экстремистской направленности. Данный тезис обозначен не только в выступлениях Президента РФ на различных мероприятиях, но и нормативно закреплен Приказом Генерального прокурора РФ от 21 марта 2018 г. № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» в качестве одного из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры.

Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности

Исследование результатов уголовной статистики и иных информационно-аналитических источников позволяет заключить, что вопрос о сепаратистских и экстремистских тенденциях в различных субъектах Российской Федерации оказывается в числе актуальных в криминологической повестке дня [3, с. 7]. Динамика преступлений экстремистского характера за 2019–2022 гг. демонстрирует их устойчивый рост. Так, за последние 4 года получили развитие такие деструктивные феномены, как ксенофобия, сепаратизм, националистические настроения и насильственный экстремизм, что подтверждается статистическими данными Генпрокуратуры РФ, согласно которым в 2019 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 585 пре-

ступлений экстремистской направленности, в 2020 г. – 833 (+ 42,4 % прироста), в 2021 г. – 1 057 (+ 21,2 %), а за 2022 г. – 1 566 (+48,15 %) данного вида преступлений [6], что иллюстрирует прогрессивность преступности в сфере экстремизма. Немаловажным фактором увеличения роста зарегистрированных преступлений экстремистской направленности стало распространение экстремистского контента в виртуальном пространстве. Виртуальная сеть (Интернет), которая была создана для благих целей человечества, используется и преступными сообществами, в том числе и для распространения экстремистских идей. Интерактивная площадка используется идеологами экстремизма для пропаганды своих идей, вербовки новых участников, их обучения, финансирования экстремистских сообществ и т. д.

Фундаментальные проблемы, возникающие у сотрудников органов прокуратуры в контексте противодействия экстремистских преступлений, совершаемых в виртуальном пространстве, следующие: 1) широкая интернет-аудитория, то есть сетевой экстремизм имеет безличный, анонимный характер; 2) неограниченный и во многих случаях бесконтрольный доступ к сети [1, с. 79].

Анализ прокурорской и судебной практики иллюстрирует, что в настоящее время большинство преступлений и правонарушений экстремистской направленности совершается в киберпространстве путем размещения противоправного контента в социальных сетях, мессенджерах, а также на различных интернет-ресурсах. Данная тенденция обусловлена тем фактом, что использование в экстремистских целях современных информационно-коммуникационных технологий позволяет преступникам (правонарушителям) довести информацию экстремистского толка до большего круга лиц, оставаясь при этом в физической недосыгаемости от сотрудников правоохранительных органов. Например, с момента начала специальной военной операции на Украине, преступниками (правонарушителями) для публичных призывов к экстремистской деятельности в сети Интернет (например, призывы к нарушению основ конституционного строя или территориальной целостности Российской Федерации) активно используются серверы,

находящиеся в Великобритании, Польше, Украине, странах Балтии и других недружественных государствах Европейского Союза. Это обуславливает необходимость императивного реагирования органов прокуратуры в рамках исполнения законодательства о противодействии экстремизму.

В настоящее время для пропаганды целей и вербовки российских граждан в экстремистские сообщества активно используются социальные сети (например, ВКонтакте, Facebook, Telegram). Лицами, осуществляющими экстремистскую деятельность, используются все возможности, которые предоставляются данными социальными сетями, к ним относятся: массовые рассылки, создание и распространение экстремистского контента, репосты экстремистских постов и пр.

Современные технологии позволяют экстремистским сообществам с помощью сети Интернет масштабно вовлекать в ряды участников новых лиц, также такая сеть используется для организации совершения преступлений экстремистской направленности, например, самым частым из таких преступлений в виртуальной сети является пропаганда экстремистских идей. В отечественном законодательстве существуют нормы, которые предусматривают возможность блокировки мессенджера по решению Роскомнадзора, принятого на основании вердикта суда, если они не будут обеспечивать доступ к электронным сообщениям пользователей. Но эти нормы не всегда реализуются на практике. Полагаем, что в целях повышения эффективности противодействия экстремизму целесообразно внести дополнения в Федеральный закон 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», нормативно закрепив за прокурором принятие решений, являющихся основанием для включения доменных имен, сетевых адресов и (или) указателей страниц сайтов информационно-телекоммуникационной сети Интернет в Единый реестр, позволяющий идентифицировать источники размещения экстремистских материалов. Кроме того, в целях устранения экстремистской угрозы во всех субъектах РФ необходима эффективная организация межведомственного взаимодействия органов прокуратуры и территориальных уп-

равлений Роскомнадзора с применением «умных технологий» и электронных каналов связи.

Учитывая геополитические процессы, проходящие на данный момент, а также развитие информационных технологий, обеспечивающих анонимность, количество преступлений экстремистской направленности продолжает увеличиваться, а их предупреждение и предотвращение становится все более затруднительным делом для органов прокуратуры [4, с. 8]. Поэтому в современных реалиях необходимо повышение качества аналитической, оперативной, улучшение технической обеспеченности служб и подразделений прокуратуры, а также иных субъектов противодействия экстремизму (ФСБ, МВД, СК, Минобрнауки и пр.). Повышение результативности противодействия экстремизму может быть обусловлено систематическим проведением во всех субъектах РФ мероприятий по информационному противодействию населению в виртуальном пространстве, координатором которых выступают органы прокуратуры.

Для эффективной борьбы с экстремизмом необходима дальнейшая модификация законодательства в этой сфере. Хотя и нормативные акты вкупе с нормами уголовного законодательства, устанавливающими ответственность за призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти и вражды, организацию экстремистских сообществ имеют превентивное значение для противодействия экстремистской деятельности, необходимо совершенствовать правовую основу деятельности правоохранительных органов, включая и прокуратуру. Возникают вопросы, связанные с юридической квалификацией правонарушений экстремистской направленности [9, с. 59]. В частности, непонятно, где проходит граница между точкой зрения в средствах массовой информации и действиями по возбуждению религиозной, национальной, расовой и социальной ненависти. Для упрощения данной задачи можно было бы создать постоянно действующие структуры экспертов, которые определяли бы значение смысловой нагрузки различных публикаций в виртуальном пространстве, предположительно содержащих экстремистский контент.

К основным проблемам в деятельности прокуратуры по противодействию преступле-

ниям экстремистской направленности следует отнести «...формализм, отсутствие индивидуального подхода при проведении профилактической работы, проблемы взаимодействия сотрудников правоохранительных органов» [8, с. 76]. Устранение этих проблем возможно путем внедрения инновационных методик воздействия на правонарушителей, совершенствования механизма взаимодействия всех субъектов противодействия преступлениям экстремистской направленности, повышения квалификации прокуроров в рамках их деятельности по предупреждению экстремистской преступности, не формальный, а тщательный надзор за деятельностью поднадзорных и иных субъектов профилактики в рассматриваемой нами сфере [7, с. 31].

**Проблемные аспекты применения
органами прокуратуры
некоторых средств
прокурорского реагирования
в контексте исполнения
законодательства
о противодействии экстремизму**

В ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» законодателем определено, что полномочия прокурора могут регулироваться и иными нормативно-правовыми актами, что позволяет им использовать дополнительные средства, способствующие обнаружению нарушений антиэкстремистского законодательства. В ст. 28.4 КоАП РФ указано, что прокурорами могут возбуждаться административные дела в отношении частных и юридических лиц, даже если в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» они не упоминаются.

Все принимаемые прокурорами решения должны быть выверенными и взвешенными, ведь любое их действие возможно обжаловать в судебном порядке. Пока вина лица в совершении правонарушения экстремистской направленности считается недоказанной, все посягательства в его сторону могут быть признаны судом незаконными. Например, даже если предостережение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности

уже было вынесено, адресат не только не потеряет свою репутацию, но и будет практически не ограничен в своих действиях. Даже если в совершаемых деяниях будет усмотрена подготовка к экстремистской деятельности, привлечь лицо к уголовной ответственности окажется довольно проблематично. Это обусловлено тем, что в уголовном праве существует такое понятие, как незаконченное преступление, чем часто пользуются при опротестовании решений прокурора.

Органы прокуратуры в своей деятельности должны ориентироваться на положения Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который нормативно наделяет прокурора полномочиями по вынесению письменных предостережений руководителям общественных или религиозных организаций о недопустимости экстремистской деятельности. В этом акте прокурорского реагирования должны быть указаны причины, по которым предостережение было вынесено. Также в данном акте прокурорского реагирования идет речь о других соответствующих лицах, которые могут быть как юридическими, так и физическими, чьи действия прокуратура посчитала противоправными. Тем не менее даже если в этих действиях будут найдены признаки экстремистской деятельности, привлечение лица к уголовной ответственности все также окажется проблематичным. Несмотря на то что прокуроры обладают довольно широкими полномочиями, реализовать их на практике не всегда удается.

Статья 7 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» регламентирует, что прокурор может выносить предупреждения любым общественным или религиозным организациям, если в их деятельности прослеживаются следы экстремизма. На наш взгляд, при обнаружении признаков экстремистских правонарушений прокурор должен вынести представление, в котором истребовал устранить нарушения антиэкстремистского законодательства, что закреплено в ст. 24 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Срок устранения правонарушения при вынесении прокурором представления не превышает 30 кален-

дарных дней. Вынесение прокурором предупреждения общественному или религиозному объединению либо иной организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности дает возможность устранить нарушение антиэкстремистского законодательства в срок до 60 календарных дней. Кроме того, такие предупреждения могут выноситься не только органами прокуратуры, но и иными органами юстиции.

Описанные выше ситуации могут привести к тому, что прокуроры начнут чаще выносить предостережения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности или предупреждения, а вынесение представлений будет сведено к минимуму. В свою очередь, это может привести к росту количества жалоб, направляемых в суды общей юрисдикции. Именно поэтому прокуроры обязаны учитывать, что обжалование их предупреждений возможно в течение двух месяцев, которые даются для устранения нарушений. На практике может возникнуть ситуация, когда федеральный суд общей юрисдикции не признает такое предупреждение незаконным, а общественные или религиозные организации не успели или не пожелали устранить за отведенный период нарушения, или в течение года с момента вынесения предупреждения совершили новые правонарушения. В таком случае у органов прокуратуры появляется возможность повторного обращения в суд, но уже с просьбой о запрете деятельности подобной организации на территории РФ. В этой связи на законодательном уровне целесообразно ужесточить основания для ликвидации организаций при совершении правонарушений экстремистской направленности в независимости от временных рамок.

Анализируя положения ст. 8 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», что в случае распространения через средство массовой информации экстремистских материалов предоставляется не более десяти календарных дней для устранения правонарушений, начиная с момента вынесения такого предупреждения. В противном случае деятельность средства массовой информации, нарушившего антиэкстремистское законодательство, может быть прекращена, как и любой

другой общественной организации. Нам кажется несправедливым указанный законодателем двенадцатимесячный срок для устранения нарушений, предоставляемый общественным и иным организациям. В отношении средств массовой информации антиэкстремистское законодательство действует гораздо строже. На наш взгляд, сроки ликвидации общественных объединений и средств массовой информации должны быть идентичными.

Особенности координации деятельности прокуратуры и иных правоохранительных органов по противодействию экстремизму

Исследуя специфику прокурорского надзора за исполнением законодательства в области противодействия экстремизму, нельзя не затронуть вопросы координации деятельности правоохранительных органов в данной сфере [2, с. 57]. Их деятельность регламентируется Указом Президента РФ от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью». На основании данного правового акта координационная функция правоохранительных органов по борьбе с экстремистской преступностью возложена на Генпрокурора РФ и подчиненных ему прокуроров. В зависимости от ситуации, для исполнения данных функций могут так же привлекаться уполномоченные из других государственных органов. Как правило, в подобных случаях созываются координационные совещания.

В Приказе Генпрокуратуры России от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» указаны основные субъекты противодействия экстремизму, к которым, кроме органов прокуратуры, относят: Министерство внутренних дел РФ; Министерство юстиции РФ; Федеральная миграционная служба; Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, и их территориальных органов. При этом меры, предпринимаемые указанными инстанциями, не должны нарушать отечественное законодательство, а также быть пол-

ными и своевременными, что будет способствовать не только выявлению экстремизма во всех его проявлениях, но и помогать в борьбе с ним. Прежде всего, должна быть налажена система по сбору, хранению и накоплению любых сведений, содержащих информацию о нарушении законов РФ в сфере борьбы с экстремизмом [10, с. 115]. Для решения наиболее острых проблем или вопросов, связанных с противодействием экстремизму, могут созываться координационные или межведомственные совещания руководителей вышестоящих правоохранительных органов.

Вследствие слаженной работы прокуроров достигнута договоренность по наделению муниципалитетов и региональных органов государственной власти полномочиями для проведения профилактики экстремизма. На территории всех субъектов РФ реализуются различные программы по борьбе с преступностью, особенно заостряется внимание на противодействии экстремизму. Тем не менее стоит обратить внимание, что вопреки контролю со стороны прокуратуры не всегда решения антитеррористических комиссий муниципальных образований исполняются должным образом. Для решения данного вопроса органы прокуратуры проводят различные мероприятия: круглые столы и заседания; различные тематические занятия; совещания с участием заинтересованных структур; исследование информационных бюллетеней и иной документации; в целях осуществления профилактических мероприятий производится создание сборников по противодействию экстремизму [5, с. 47].

Для повышения эффективности координации деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремизму, территориальным прокуратурам целесообразно обратить внимание на следующее. Во-первых, актуализировать антиэкстремистский потенциал граждан. Для этого необходимо, прежде всего, сформировать в сознании граждан принцип недопустимости социальной и иной ненависти и вражды, минимизировать негативные последствия миграции. Во-вторых, совершенствовать систему раннего предупреждения преступности. Реализации этого направления способствует выявление людей, находящихся в опасных ситуациях в обществе, а также

их реинтеграция в социум. В-третьих, пресечение каналов финансирования и распространения экстремистской деятельности.

В контексте координации деятельности прокуратуры и иных субъектов, задействованных в противодействии экстремизму, в современных реалиях актуальна разработка стратегических направлений профилактики экстремистской деятельности, их дальнейшая апробация и внедрение в правоприменительную практику. Данный вид деятельности должен опираться на научные методы познания, благодаря чему будет возможно следующее: проведение комплексного анализа преступлений экстремистского толка; всестороннее исследование и решение актуальных проблем противодействия экстремизму; разработка концептуальных рекомендаций по совершенствованию антиэкстремистского законодательства; предложение научно обоснованных мер по нивелированию факторов, являющихся детерминантами экстремистских настроений в российском социуме.

Выводы

Роль органов прокуратуры в рамках противодействия экстремизму проявляется в координационной деятельности, предусматривающей совместные проверки общественных учреждений и СМИ, религиозных организаций, составление и реализацию межведомственных планов по борьбе с рассматриваемым деструктивным феноменом, обсуждение проблем и выработку консолидированных решений на координационных совещаниях.

В контексте совершенствования деятельности органов прокуратуры в рамках исполнения ими законодательства о противодействии экстремизму целесообразно выделить два приоритетных направления:

1) модернизация законодательной базы, регулирующей проблемные аспекты профилактики экстремистской деятельности, установление и привлечение виновных лиц к ответственности;

2) наделение органов прокуратуры дополнительными полномочиями по борьбе с экстремизмом.

Повышению эффективности деятельности органов прокуратуры в рамках противо-

действия экстремизму может служить систематическое проведение прокурорскими работниками во всех российских регионах мероприятий по информационному противодействию населению в виртуальном пространстве (сети Интернет), координатором которых выступает данный правоохранительный орган. Целесообразно делегировать прокурорам широкие полномочия в рассматриваемой нами сфере на законодательном уровне. Кроме того, в целях устранения экстремистской угрозы во всех субъектах РФ необходимо совершенствовать механизмы организации межведомственного взаимодействия органов прокуратуры и территориальных управлений Роскомнадзора с помощью «умных технологий» и применения электронных каналов связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристархова, Т. А. К вопросу о преступлениях экстремистского характера, совершенных с использованием сети «Интернет» / Т. А. Аристархова, Е. Д. Малахвей // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 4-2. – С. 75–82.
2. Гулягин, А. Ю. Несовершенство правового регулирования статуса прокурора как координатора и субъекта профилактики правонарушений / А. Ю. Гулягин, А. О. Бозоян // Российская юстиция. – 2017. – № 8. – С. 55–58.
3. Иншакова, А. О. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью на страже национальной безопасности РФ / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – № 2. – С. 6–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.1>
4. Иншакова, А. О. Экстремизм как угроза национальной безопасности: вчера, сегодня, завтра / А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – № 2. – С. 6–12. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.1>
5. Мураев, П. П. Особенности профилактики экстремизма в молодежной среде / П. П. Мураев, Д. Н. Яковлев, В. В. Шалимова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – № 2. – С. 43–49. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.6>
6. Показатели преступности России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_map. – Загл. с экрана.
7. Фантров, П. П. Органы прокуратуры в системе субъектов предупреждения преступлений / П. П. Фантров, В. М. Шинкарук // Legal Concept =

Правовая парадигма. – 2022. – № 2. – С. 28–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.4>

8. Фантров, П. П. Совершенствование деятельности прокуратуры по предупреждению преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних / П. П. Фантров, М. В. Бобовкин, С. А. Меденцов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – № 2. – С. 74–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.10>

9. Францифоров, Ю. В. Расследование преступлений экстремистской направленности / Ю. В. Францифоров, В. М. Шинкарук // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – № 2. – С. 57–63. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.8>

10. Шинкарук, В. М. Координация деятельности правоохранительных органов и конструктивных ассоциаций граждан в контексте профилактики молодежного экстремизма / В. М. Шинкарук, П. П. Фантров // Вопросы российского и международного права. – 2020. – № 7А. – С. 111–120.

11. Шинкарук, В. М. Противодействие экстремизму в молодежной среде: роль прокурорского надзора за исполнением законодательства в данной сфере / В. М. Шинкарук, П. П. Фантров, Н. А. Соловьева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 4. – С. 178–188.

REFERENCES

1. Aristarkhova T.A., Malahvej E.D. K voprosu o prestupleniyah ekstremistskogo haraktera, sovershennyh s ispol'zovaniem seti «Internet» [On the Issue of Extremist Crimes Committed Using the Internet]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Bulletin of State University. Economic and Legal Sciences], 2017, no. 4-2, pp. 75-82.
2. Gulyagin A.Yu., Bozoyan A.O. Nesovershenstvo pravovogo regulirovaniya statusa prokurora kak koordinatora i sub'ekta profilaktiki pravonarushenij [Imperfection of Legal Regulation of the Status of the Prosecutor as a Coordinator and Subject of Crime Prevention]. *Rossiyskaya yusticiya* [Russian Justice], 2017, no. 8, pp. 55-58.
3. Inshakova A.O. Koordinatsiya deyatelnosti pravoohranitel'nyh organov po bor'be s prestupnost'yu na strazhe nacional'noj bezopasnosti RF [Coordination of the Activities of Law Enforcement Agencies to Combat Crime on Guard of the National Security of Russian Federation]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, no. 2, pp. 6-11. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.1>
4. Inshakova A.O. Ekstremizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti: vchera, segodnya, zavtra [Extremism as a Threat to National Security: Yesterday,

Today, Tomorrow]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, no. 2, pp. 6-12. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.1>

5. Muraev P.P., Yakovlev D.N., Shalimova V.V. Osobennosti profilaktiki ekstremizma v molodezhnoy srede [Features of the Prevention of Extremism in the Youth Environment]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, no. 2, pp. 43-49. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.6>

6. *Pokazateli prestupnosti Rossii* [Indicators of Crime in Russia]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map

7. Fantrov P.P., Shinkaruk V.M. Organy prokuratury v sisteme sub'ektov preduprezhdeniya prestuplenij [Prosecution Bodies in the System of Subjects of Crime Prevention]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2022, no. 2, pp. 28-34. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.2.4>

8. Fantrov P.P., Bobovkin M.V., Medentsov S.A. Sovershenstvovanie deyatel'nosti prokuratury po preduprezhdeniyu prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti sredi nesovershennoletnih [Improving the Activities of the Prosecutor's Office to Prevent Extremist Crimes Among Minors]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2021, no. 2, pp. 74-81. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.2.10>

9. Frantsiforov Yu.V., Shinkaruk V.M. Rassledovanie prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti [Investigation of Extremist Crimes]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2020, no. 2, pp. 57-63. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.8>

10. Shinkaruk V.M., Fantrov P.P. Koordinatsiya deyatel'nosti pravoohranitel'nykh organov i konstruktivnykh associacij grazhdan v kontekste profilaktiki molodezhnogo ekstremizma [Coordination of the Activities of Law Enforcement Agencies and Constructive Associations of Citizens in the Context of the Prevention of Youth Extremism]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* [Questions of Russian and International Law], 2020, no. 7A, pp. 111-120.

11. Shinkaruk V.M., Fantrov P.P., Solovyeva N.A. Protivodejstvie ekstremizmu v molodezhnoy srede: rol' prokurorskogo nadzora za ispolnieniem zakonodatel'stva v dannoj sfere [Counteracting Extremism Among the Youth: The Role of Prosecutorial Supervision Over the Implementation of Legislation in this Area]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 4, pp. 178-188.

Information About the Authors

Pavel P. Fantrov, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

Pyas T. Zakharya, Senior Lecturer, Department of Forensic Technology, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, ils1701@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9396-9464>

Информация об авторах

Павел Петрович Фантров, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

Ильяс Тюлюгенович Захарья, старший преподаватель кафедры криминалистической техники, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, ils1701@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9396-9464>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этичной редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует группе научных специальностей 5.1. Право Номенклатуры специальностей научных работников.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Adjective Law: Theoretical and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Differentiation of Criminal Responsibility; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the group of scientific specialties 5.1. Law according to the Nomenclature of specialties of academic researchers.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 29279.

Стоимость подписки на II полугодие 2023 года 1724 руб. 60 коп.

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2023 is carried out through “The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1. The subscription index is 29279.

The cost of subscription for the 2nd half of 2023 is 1724.60 rubles.

Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://j.volsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the Journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-8115

9 772587 811003

59 >